

Александр
МАЗИН

ВИКИНГ ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

Annotation

Девятый век. Ладожское княжество.

До Древней Руси еще сотня лет, однако она уже начинается. И начинается именно здесь, в Ладожском княжестве, куда после трех с лишним лет странствий и битв возвращается родившийся в двадцатом веке и нашедший себя в девятом Ульф Свити, Белый Волк, пришелец из будущего. Он воевал во Франции и в Англии вместе с легендарным Рагнаром Лотброком и его сыновьями. Он побеждал, проигрывал, терял. И вновь возвращал утраченное. У него новое прозвище и старые друзья, готовые умереть за него так же, как и он – за них. Вместе с ними Ульф пришел сюда, в Ладогу, чтобы отыскать своего пропавшего конунга, в гибель которого так и не поверил.

Пришел и тотчас оказался в самом центре схватки за право владеть землей своих предков.

- [Александр Мазин](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Александр Мазин

Викинг. Земля предков

© Мазин А., 2016
© Оформление. ООО «»Издательство «Э», 2016

Глава 1

Суд Рагнара

– Ох, сомневаюсь я в этой истории, – пробормотал я, приложившись к ковшу.

Пивко уступало тому, что варила моя прекрасная женушка, но всяко лучше того, что когда-то называлось «Балтикой». Хотя, если по-честному, вкус «того» пива я уже не помнил. Слишком долго я здесь, в Средневековье, чтобы помнить, как оно там – в мире компьютеров, чиновников и телевизионных шоу. В мире, где меня звали Николай Григорьевич Переляк и где был я –уважаемый человек, оружейник и фехтовальщик, достигший своего естественного социального потолка.

Здесь, в Средневековье, я тоже стал уважаемым человеком и успел испробовать многое. От раба до хёвдинга, то есть вождя боевой дружины. Собственно, я и сейчас оставался вождем, вот только дружины у меня была – едва хватит, чтобы заполнить румы моего маленького дракара. Звали меня здесь до недавнего времени – Ульфом Черноголовым. Ульфа я придумал сам, а Черноголовым окрестили братья по палубе. Но в прошлом году один из моих хольдов, берсерк и великий воин Хавгри姆 Палица, «перекрестил» меня в Ульфа Хвити. Белого Волка. Никто не возражал. Я – тоже. Белый Волк – мой давешний зверь-хранитель, или как это там называется. Не важно. Важно, что, когда он приходит, мы танцуем. И танец этот – лучшее, что я испытывал в жизни. Зато для моих врагов он весьма неприятен.

Что еще добавить?

Здесь у меня есть названный сын. Вот он сидит. Виги-Вихорёк. Я встретил его, когда он был совсем мальчишкой, рабом у франкских монахов. Теперь он – викинг. Дренг. И уважаемого рода. Моего то есть, поскольку я его усыновил по всем здешним правилам.

Еще у меня есть названный брат. Тоже берсерк и сын берсерка, а зовут его Свартхёви Сваресон, по прозвищу Медвежонок. Медвежонок – брат мой по клятве и по праву родства, поскольку сестра его Гудрун – моя законная жена. Сейчас Медвежонок сидит напротив меня, и шею его, вполне годную, чтобы согнуть лом, разминает сисястая девка-рабыня, которую братец только что употребил по прямому назначению. К обоюдному удовольствию. Свартхёви любит женщин, и они его – тоже. По

здешним понятиям, Медвежонок – красавчик. Нос картошкой, борода лопатой, лапы в татуировках, из-под белесых бровей поблескивают медвежьи глазки профессионального убийцы. Моему братишке не то что палец в рот не клади. Вообще ничего съедобного в его сторону не протягивай. Отхватит по самые ягодицы. Это о нас мой скальд Тьёдар Певец сочинил сагу о Волке и Медведе, от которой меня уже тошнит. Но людям нравится.

Свартхёвди по обряду – мой младший брат. Он сам так решил, хотя здесь, на острове Сёлунд, он не менее уважаемый человек, чем я. Богатый и славный. Я тоже богатый и славный, а многие считают меня еще и удачливым.

Я не спорю. Ведь моя жена – самая красивая женщина Сёлунда (внешнего сходства с братом, к счастью – ни малейшего), и я ее люблю. Последнее не удивительно. Удивительно то, что она меня любит. Полюбила, как утверждает, с первого взгляда, хотя по местным меркам я – не очень. Среди всех этих высоченных плечистых синеглазых блондинов я смотрюсь очень посредственно, ибо росту невысокого и масти черной, за что и получил, кстати, первое прозвище. Однако эти недостатки внешности уходят на второй план, когда у меня в руках клинок. Игре с железом я обучался еще в «прошлой» жизни и достиг немалых успехов, не говоря уже о коллекции престижных кубков и медалей. Но только здесь я достиг настоящего совершенства. Ведь только здесь клинок становится тем, для чего создан: границей между двумя мирами. Миром жизни и миром смерти.

– В какой истории ты сомневаешься? – ворчит Свартхёвди, красный, распаренный, ленивый. – Ты о чем, брат?

– В той, что Сигурд Змей в Глазу рассказал прошлой весной?

– А что он рассказал? – Свартхёвди хорошо. Он всласть попинал мяч, качественно пропарился, всосал литров пять пива, поимел девку (здесь это супружеской изменой не считается) и теперь способен думать только о простом и приятном.

– Год назад, – напоминаю я. – Помнишь? На пиру у конунга он рассказывал? Как у него драккар пропал...

– Ну-у-у... – бормочет Медвежонок. – Не помню. И что нам до пропавшего драккара Сигурда Рагнарсона?

– Забыл, что ли? Ивар рассказывал. У Сигурда драккар пропал, а жрец в Оденсе ему заявил: мол, боги его забрали.

– А чё такого? – бормочет Медвежонок. Татуированная лапа нащупывает ляжку рабыни и щиплет. Больно. Рабыня пищит, но массажа не прекращает. Рабыне, по-здешнему – тир, положено терпеть. Она

принадлежит одному из многочисленных родичей Медвежонка, так что Свартхёвди может делать с ней всё, что пожелает. Хотя если он ее покалечит или убьёт, придется выплатить ущерб. Как за испорченную вещь. Но пока она в полном порядке и востребована. И судя по тому, какие взгляды кидает в ее сторону Вихорёк, одиночество ей в ближайшее время не грозит. Однако пока рабыня занята Медвежонком, Вихорьку ничего не светит. И он это понимает.

– А то, братец, – говорю я, – что на хрена богам драккар Сигурда Рагнарсона?

– Ну-у... – Медвежонок, похоже, собирается задремать. – Драккар небось хороший. У Змееглазого-то. А боги... Кто знает, что им надо? Ты, что ли, знаешь?

– Что надо богам, я не знаю, а вот насчет драккара – догадываюсь! Это Хрёrek, брат! Больше некому.

Здесь я могу говорить свободно. Хозяин и его сын ушли готовить пирушку, а мой названный сынок Виги-Вихорёк попусту болтать не станет. Что же до рабыни, то кто их слушает.

– Думаешь? – Свартхёвди приоткрыл один глаз. – А знаешь, на Хрёре Сокола это похоже. Если он жив, ясное дело. Хотя... Увести драккар с пристани главного города Сигурда? Нет, не верю, невозможно.

И глаз снова закрылся.

– А я бы проверил.

– А что тут проверять? Вот придут первые корабли из Хедебю, и узнаем.

– Почему из Хедебю? – спросил я.

– А откуда? Там его покровитель Харек, конунг всех данов. Куда ему еще бежать?

– Я не думаю, что Хрёrek пойдет к Хареку Младшему. Один раз Харек уже не смог защитить его от Рагнарсона. Надо быть слепым, чтобы дважды вступить в одно и то же коровье деръмо. Хрёrek не таков.

– Если ты прав и это Сокол захватил драккар Сигурда, то наш бывший конунг дернулся за хвост дракона прямо в его логове, – проворчал Свартхёвди. – Змей в Глазу не успокоится, пока не отомстит. Ты помнишь: он напал на Хрёре Сокола прямо на глазах у данников Харека-конунга. Он напал на того, кто говорил против него на тинге. И новый тинг, как ты знаешь, принял уже сторону Сигурда. И Харек Младший утерся, а это значит: теперь любой Рагнарсон может взять морскую дань с любого из бондов Харека. И никто не посмеет жаловаться. Да и кому?

– Не могу понять, – проговорил я, приложившись к пиву, – почему

Харек-конунг позволил всё это?

– А что тут непонятного? – удивился Свартхёвди. – Лучше пусть тебя называют конунгом всех данов, чем врагом Рагнара-конунга. Если бы Рагнар Лотброк пожелал... – Медвежонок с хрустом потянулся и встал. – Он еще до осени занял бы место Харека.

– Так почему же он этого не сделает? – поинтересовался я.

– А зачем ему? Он не хочет быть конунгом всех данов. Он желает стать конунгом Англии, Нортумбрии, Эссекса... И еще каких-то там земель, не помню. И он станет, поверь моему чутью! – Свартхёвди схватил бадейку с ледяной водой и опрокинул на кудлатую голову. – Э-эх! Что-то я проголодался! Эй, куда? – Он поймал за руку попытавшуюся ускользнуть рабыню и пихнул ее к Вихорьку: – На, сынок, поиграйся.

Ну да, Вихорёк и ему сын. Таковы правила побратимства. И драккаром мы владеем вместе и дружиной-хирдом командуем тоже на пару. Но я все равно главнее. Потому что старший. Так что решать, куда и зачем мы поплыvем, тоже мне. Однако мнением Свартхёвди я пренебрегать не стану, и он это знает.

Вот только искать Хрёрека в Хедебю я не буду. Есть у меня мысль о том, где он может быть. И Медвежонок об этом узнает. В свое время.

* * *

В столицу Рагнара Лотброка Роскилле, расположенную внутри прекрасного фьорда не менее прекрасного острова Сёлунд, мы приехали вчетвером. Я, Медвежонок и Вихорёк, еще с нами увязался мой хирдман и по совместительству скальд Тьёдар Певец. Приехали вроде бы по делу: прикупить рабов. Этак с дюжину.

Сейчас, сказала мама моего побратима Рунгерд, – самое время. Содержать зимой не придется, и есть еще месяц, чтобы подкормить трэлей до рабочего состояния. Конечно, стоили рабы весной подороже, чем осенью, когда викинги возвращались с набегов, но по деньгам выходило так на так. Зато если уж раб пережил зиму, значит, и летом не померет.

Она у нас хозяйственная, Рунгерд. И это хорошо, потому что по совместительству она – мама моего сына Хельгу. Считается, правда, что Хельгу я усыновил... но вообще-то он мой сын и есть. Такая вот у меня личная жизнь насыщенная. Временами. Была.

Покупка трэлей для меня только повод скататься в Рагнарову столицу. В Роскилле я предполагал заняться сбором информации: поболтаться среди

народа, послушать новости, прикинуть планы на лето. А рабами пусть Свартхёви занимается. Хотя есть у меня подозрение, что и для Медвежонка рабы – только повод. Главное же – выпить-закусить на халяву у многочисленных братьев-дядьев-племянников, которых у него – без числа. Как и у всякого родовитого скандинава, считающего родство до седьмого, а то и десятого колена.

Однако на рынок мы всё же пошли. На третий день. Причем все вчетвером. Но вместе мы пробыли недолго. Тьёдар потерялся практически сразу. И я знал, где его искать, если что. В кабаке.

Потом разделились и мы. Медвежонок с Вихорьком двинули туда, где торгуют нашими братьями по разуму, а я решил просто прогуляться по городу. На самом рынке сейчас неинтересно. Единственное, что меня по-настоящему интересует, это оружие. Однако всё стоящее в области вооружений давно распродали. Опытные люди закупаются осенью. Хотя и осенью ничего не покупал. Оружия столько, что сам продавать могу.

Так что рынок я покинул и отправился к пристани. На корабли поглядеть...

...И угодил прямо на судебное заседание. По местным меркам это считалось отличным шоу. Особенно если дойдет до судебных поединков.

Хозяин Сёлунда, Сконе и еще многих датских земель конунг Рагнар Лотброк во всей своей грозной красе восседал на троне в окружении страхолюдной гвардии.

«Этажом ниже» теснились жаждущие правосудия.

Меня пропустили в первые ряды без вопросов. Я считался человеком Ивара Бескостного, хотя и не носил на одежде его знака. Типа, союзник. Ноуважаемый.

Ага, а суд-то неравный. С одной стороны – какой-то занюханный бонд, с другой – настоящий воин. Хирдман. Кажется, из дружины Уббы Рагнарсона, точно не скажу. И на его стороне – десяток здоровенных мордастых дружбанов. А за бондом – только парочка свидетелей. Таких же занюханных. Уббов боец мне сразу не понравился. Ну не люблю я таких: наглых, кичливых и норовящих опустить тех, кто помельче. Бонда-истца я не знал. Наверное, откуда-то с другой части Сёлунда? Чем, интересно, его так изобидели, что он вызвал на Рагнаров суд Рагнарова же человека?

Узнал. Суд продолжался уже часа два, но то, что было раньше, мне пересказали.

Была, значит, у бонда дочь. И на беду свою приглянулась девушка ответчику, Визбуру Морской Крысе, когда тот заявился в дом бонда. Гость здесь весьма уважаем... Но не настолько, чтобы по первому требованию

класть ему в постель хозяйскую дочь, свободную, между прочим, датчанку. В общем, не захотела девушка добровольно отдаться Крысе (и я ее понимаю), и тот повел себя неправильно. То есть грубо наплевал на законы гостеприимства, которые не только хозяина обязуют гостя кормить-защищать, но и от гостя требуют правильного поведения. Обиженный отказом, Визбур Морская Крыса побил бонда и всех его домочадцев, причем кого-то даже до смерти, потом изнасиловал девушку, забрал с собой, то есть увез сюда, в Роскилле. Без всяких обусловленных законом формальностей.

По словам свидетелей, обращался Визбур с ней отвратительно. Как с рабыней, а не свободной. Бил часто и сильно. Так что у девушки даже случился выкидыш.

Умыкнутая девушка на суде тоже присутствовала, причем стояла не с отцом, а на стороне, отведенной ее обидчику-хирдману. Когда-то она, возможно, была красивой, но сейчас выглядела неважко. Похоже, недавно ей крепко досталось.

Сначала я удивился. Не понял, как такое возможно. То есть беспредел воинов в отношении бондов – это нормальная ситуация во всех землях Датской Марки и далеко за ее пределами. Однако не в Сёлунде. Здесь все землевладельцы держатся друг за друга, как я успел убедиться. Да и Рагнар их поддерживает, не дает своим головорезам безобразничать у себя дома. И это правильно. Если учесть, сколько викингов здесь постоянно болтается, они б весь остров на составные части разобрали вместе с населением, а великолепные леса, красу и гордость Сёлунда, основу его кораблестроительной промышленности, сожгли на фиг на дрова.

Всё встало на места, когда мне сказали, что мужик не сёлундский, а сконец. С той территории, которую недавно отхапал папа Рагнар и поделил между сыновьями: Бьёрном и Уббой. Сконе – не Сёлунд, так что у бонда – никаких шансов на справедливость. Этак он еще и в рабы угодит за «поклеп».

Собственно, к этому и шло. Визбур Крыса даже не оправдывался. Не сомневался, что приговор в его пользу. Да и никто из зрителей тоже не сомневался.

Но мнения всё же разделились. Одни считали бонда придурком, другие – тоже придурком, но придурком храбрым.

Рожа у Визбура Крысы лучилась самодовольством. Мерзкая рожа. Кровожадный, обнаглевший от осознания безнаказанности злодей. То есть среди моих собственных хирдманов были с рожами и похуже, но то были свои, а этот – просто сволочь. Меня особенно взбесило, что он избил

девушку до выкидыша. Ну, неровно я относился к такому. Наверное, потому, что у моей Гудрун осенью тоже случился выкидыш. Правда, ее никто не бил. Наоборот, она сама убила. И не кого-нибудь, а сконского ярла. Однако потрясение сказалось. Ребенка она потеряла. И убивалась жутко. Правда, сейчас, когда она снова беременна, стало полегче.

А вот этой малышке легче точно не будет.

У меня нет никаких оснований любить сконцев. Никто не принес мне столько горя, сколько они. Но то были воины, а этот...

Наверное, он все же больше храбрец, чем придурок. Похоже, драться собирается! С хирдманом! Совсем с ума сошел? Хотя... Что ему терять?

– Пусть боги рассудят, – вещает Рагнар.

Это значит, убей его, Визбур, и дело с концом.

Окружение Лотброка веселится. Скалится Убба Рагнарсон, кричит своему человеку: мол, сделай из свинопаса свинью!

Не смеется только Ивар Бескостный. На его лице, как обычно, никаких эмоций. Какие эмоции у дракона?

О черт! Нет, я не могу этого допустить! Если не встрияну – уважать себя перестану. А если встрияну, этот Визбур вполне может меня убить. Боец он лихой, в этом можно не сомневаться. А если я его убью, то на меня может обидеться сам Убба Рагнарсон, а это уже совсем неприятно...

Ну и хрень с ним, с Уббой! Пусть обижается!

– Конунг! – Я шагнул вперед, изобразив легкий поклон.

Меня узнали. Губы Ивара тронула еле заметная усмешка.

– Ульф Хвити! Хочешь что-то сказать? – очень благожелательно поинтересовался Рагнар.

– Хочу!

Визбур глядит на меня и чуточку напрягается. Я в его сценарии не предусмотрен. Но напрягается он совсем немного. Пока не вспоминает, кто я такой. А я для таких, как он, – человек Ивара Рагнарсона. То есть свой. Вдобавок всем известно, что я пострадал от сконцев, следовательно, никак не могу оказаться на стороне истца. И беспокойство тут же сменяется любопытством: чем же его, Визбура, развлечет этот маленький чернявый парень?

Уж развлеку, не сомневайся!

– Говори! – благожелательно разрешает Рагнар. Он тоже ждет чего-то... интересненького.

Шум стихает. Все хотят услышать, что я сейчас изреку. И я изрекаю. Неожиданное.

– Мой конунг! Этот человек, – кивок на бонда, – кажется мне очень

храбрым. А храбрость, как я думаю, по нраву богам!

– Все это знают, – соглашается Рагнар. – Вот пусть он и покажет свою храбрость! Сразится с Визбуром Морской Крысой. И если боги на его стороне, он непременно победит.

Конунг пошутил. И всем весело. Гогочут, аж рёв стоит.

– Пусть Тор поразит Крысу Молотом! – орет кто-то.

– Или Один – своим копьем Гунгниром!^[1]

– Или Фрейр – своим!^[2] Га-га!

– Если ты позволишь, Рагнар-конунг, – говорю я, когда вопли немного стихают, – я бы хотел сам послужить оружием богов.

Сразу становитсятише.

– Что он сказал? – переспрашивают у меня за спиной.

Убба всё еще скалится. Он не понял.

А вот Морская Крыса – сообразил. Ухмылочка-то с морды сползла. «О то ж!» – как говаривала моя бабушка.

– Хочешь встать за сконца? – удивляется Рагнар. – Зачем тебе?

– Мне понравилась его храбрость, – я выдергиваю взгляд конунга, не сморгнув.

Рагнар ухмыляется еще шире. В конце концов, для того и существует божий суд, чтобы люди могли повеселиться. А славный хольмганг куда лучше, чем выступление мясника.

– Поединок чистый! – провозглашает конунг.

Это устраивает всех. Никто не станет мстить бонду, если я прикончу Визбура. Именно бонду, а не мне, потому что формально сражается он, и все пряники и плюхи – тоже его. Но не о бонде заботится Рагнар, потому что и мой брат Медвежонок не станет мстить Визбуру, если тот прикончит меня.

– До первой крови, – говорит Рагнар. – Если ты, Белый Волк, докажешь правду этого сконца, Визбур вернет девку и заплатит... Заплатит десять марок!

Толпа шумит. Десять марок – огромные деньги за простую девку. Рагнар щедр... Из чужого кармана.

– Если боги окажутся на стороне Визбура, то девка остается за ним, а этот бонд и всё, что у него есть, станет собственностью Визбура.

Вот теперь – нормально. С обеих сторон заклад примерно одинаковый. Рагнар честен. По-своему.

Вижу, как Ивар и Убба ударили по рукам. Даже не сомневаюсь, кто на кого поставил.

Я глянул на сконского бонда. Растирался мой протеже. Он уже приготовился умереть – и тут появляется шанс. Или – это новое издевательство? Он боится. Оценить мою искренность и мои боевые качества он не может. Видит только, что я мельче Визбура раза в полтора.

Зато Визбур оценил ситуацию правильно. Ишь какая у него рожа... хищно-сосредоточенная. Вот то-то! Это тебе не бондов резать.

Нет, Визбур не испуган. Он же викинг. Они вообще ничего и никого не боятся. Только – честь потерять. Он просто прикидывает, как меня поэффектнее убить.

Давненько я не стоял в кругу.

Так, что у нас в кармашках?

У моего противника – полный набор. Он-то не на прогулку шел, а на суд.

У меня же – легкая кольчужка, больше для важности, чем для дела. Такая кинжал остановит. Удар по касательной, пожалуй, тоже. Шлем... Ну, шлем мне кто-нибудь позаимствует. И щит. Потому что иначе и Визбуру придется драться без шлема и щита, а ему это точно не понравится.

Еще у меня есть мой Вдоводел. Дивный клинок, равного которому у Визбура точно нет.

– Мечи и щиты! – провозгласил назначенный ярлом «судья на ринге». – Без права замены!

Визбур встрихнулся, вынул из-за пояса топорик и сунул за щит. Топор – это можно. И кинжал. И даже швырковый нож, если кто-то из нас захочет им воспользоваться. Только это вряд ли. Против доспешного, да еще со щитом, это как в бронетранспортер камнями бросаться. А вот копье – нельзя. И большую секиру.

Шлем и щит мне дали. Шлем с открытым лицом, что неплохо. Лучше обзор. Хуже, что шлем великоват, а щит тяжеловат, но – управлюсь. А может, мой Волк придет...

Ну, мечтать не вредно.

Хорошо двигается Визбур. Даже для хирдмана из банды Уббы Рагнарсона – выше среднего.

Я повернулся в кисти клинок, покрутил головой, разминая шею, демонстративно игнорируя противника...

Не повелся Визбур, не кинулся диким кабаном. Точно слыхал обо мне, а может, даже и в деле видел. Дистанцию сокращает очень аккуратно. Мастер. Ну да где наша не пропадала! Я и не таких бугаев заваливал. Вот хоть того же Торсона вспомнить...

«Никакой «до первой крови», – думал я, глядя на торчащий из-под

низкого наглазника пук бороды с черной дыркой рта. – Насмерть убью скотину».

И тут «скотина» атаковала. Прыжок щитом вперед, в закрытом положении – в мой щит. Учитывая разницу в весе, мог бы и снести. Но я успел уйти назад. К сожалению, только назад. Логичней было бы влево, чтобы контратаковать, но я почувствовал: в сторону – нежелательно. Слишком уж напрашивалось...

И точно. Визбур этого и ждал. Выпрыгнул с рубящим сверху, щитом перехватывая мой встречный. И тут я его подцепил. Ногой. Удачно. Крысу аж развернуло.

Но все же пришел он на ноги. Хорошо пришел. Успел щитом прикрыться сверху и сбил мой Вдоводел краем. Но контратаковать не смог – позиция неудобная.

Так что атаковал я. Махнул под ноги (финг), бросил меч вверх, одновременно переводя рубящий в колющий...

Опять успел Крысюк. Сбил сильной частью клинка и сразу долбанул щитом в щит, отбросив меня шага на три. И тут же повторил, пытаясь дотянуться до моего лица из верхней позиции. А вот хрен тебе, золотая рыбка! Шлем у меня открытый, и морду под железо я не подставлю.

И не подставил.

Подставился Визбур. Вскрылся на щелочку. Я мог бы его достать, царапнуть колено и получить законный выигрыш. Меня это не устраивало...

К счастью, не устраивало.

Иначе словил бы меня Крыса.

А так только хрюкнул разочарованно, когда меч впустую проткнул воздух.

Похоже, недооценил я Визбура. Вон как сыграл клинком! Совсем не в размашистой манере викингов...

Промахнулся Крысюк, но не растерялся. И инициативу удержал. Сразу – бабах! Всей силой, по-простецки – по щиту.

Ответить я не смог, потому что шатнуло.

И Визбур окончательно взял инициативу.

Ноги топчут землю, пыль щекочет ноздри, от Морской Крысы несет... крысой.

Я проигрываю. Теряю время и силы. С викингами нельзя долго. Они выносливые, суки. Выносливей меня...

Понравилось гаду! Лупит по щиту, как ударник по барабану. Только треск идет. Я пока что успеваю сбрасывать, переводить в скользящие, так что основе щита не вредит. Вокруг рёв стоит. В основном своего подбадривают. Крысу то есть. И иногда и мое имя в общем оре проскаивает. Я здесь тоже не чужой. И на франков с Рагнаром ходил, и на англов с Иваром, и с тем же Уббой.

А Крыса, похоже, увлекся. А вот это он – зря. Есть у меня одна домашняя заготовочка. Как раз под хольмганг с такими вот щитосеками.

Так что я отбивался и выжидал оказии. Прием у меня отработан. Тут главное, чтобы человек увлекся, силу почувствовал. Чтоб казалось: вот-вот – и развалится у врага щит. Сколько раз он уже приложил? Десять? Двенадцать?

Я был терпелив. С таким, как Визбур, ошибиться нельзя. Одна попытка. Первая и последняя. Так что ушел в глухую защиту, я старательно делал вид, что жду, когда противник устанет. Крыса же знал: до усталости ему еще часа полтора при такой нагрузке. И потому не снижал напора. Азартно лупил. Чуял, сволочь, близкую победу. Думал: вот я ошибусь – и хана моему щиту. А без щита он меня точно угондошит. Радовался Визбур. Втягивал пыльный воздух волосатыми ноздрями и уже чуял, как вскроет мою легонькую кольчужку.

Пора! Легкийворот плеча, и клинок Визбура приходит на ребро моего щита. И, конечно, прорубает его до самого умбона...

И – вот оно! Я выпускаю щит. Нет, меч Крысы не застрял, просто его немного защемило. И падающий щит, естественно, увлек за собой меч. Совсем немного, сантиметров на двадцать. И руку, которая держала меч, – тоже. А упали они уже вместе: щит, меч и рука, которая его держала. Отрубленная почти по локоть.

Вот за это я так люблю Вдоводел. При всей своей легкости рубит он – просто загляденье.

Я ухмыльнулся. Сделано отменно. Не убил, да. Но воином Визбуру больше не быть. Пусть в бонды переквалифицируется.

– Закончено! – заорал «полевой судья».

– Все, Визбур, ты теперь тоже бонд, – с усмешкой сообщил я проигравшему, который, не веря, глядел на обрубок, из которого хлестала кровь.

Я повернулся к Рагнару...

И увидел, как вдруг изменилось его лицо, и прыгнул вперед. С разворотом.

Очень вовремя прыгнул. С Визбуровым топором разминулся на какие-

то сантиметры.

А ты нехороший человек, Визбур! Впрочем, что ожидать от Крысы?

Моя рука с мечом – у бедра. От бедра я и ударили. Результат предсказуемый. Это как моей Гудрун мясо для обеда рубить. Хлестнул по восходящей – и шагнул в сторону, чтобы кровью не замараться, когда Крыса пролетел мимо меня. Уже без топорика пролетел. И без левой кисти. Всё, дружок! Нечем тебе теперь беременных девушек лупить. Да ты теперь штаны самостоятельно спустить не сможешь.

Визбур и не собирался. Когда ему бросились на помощь, мотнул головой, подбежал, уже шатаясь (кровь-то хлестала) к упавшему мечу, прижался к нему обрубками, да так и повалился наземь.

Что ж, может, ему и засчитывают прогиб. Прирастят руки и усадят за большой стол в Асгарде. Там таких кровожадных много.

– Зачем ты убил хорошего воина? – сразу предъявил мне Убба. – Я его хольдом думал поставить.

– Поединок чистый! – немедленно напомнил я.

– Чистый, чистый, – поддержал меня Ивар. – Брат просто огорчен, его можно понять.

Доволен Ивар. Интересно, сколько он выиграл? Братья друг за друга – железно. Но соперничеству не мешает. Это у северян в крови. Я, человек Ивара, оказался сильнее человека Уббы. Вот главное. А какие-то там бонды... Это так, свиньи под ногами. Свиней разводят и едят, вот и всё их предназначение.

Однако приподнялся и мой подзащитный. Десять марок получил. Правда, с оружием и доспехами убитого его прокатили. Сражался бы я сам за себя, получил бы всё сполна.

Беседуя с Рагнарсонами, я краем глаза наблюдал за сконцем. А хороший мужик. Дочери обрадовался куда больше, чем деньгам. А деньги – охрененные по его масштабам. Это как российскому бюджетнику сто тысяч долларов выиграть.

– Вечером – у меня на пиру, – скомандовал Ивар. – Бери, кого хочешь, но скальда своего приведи обязательно. Хватит ему около моего братца теряться! – Кивок в сторону Уббы.

– Ну так я – щедрее! – ухмыльнулся младший Рагнарсон. – А тебя, Ульф Хвити, предупреждаю: еще кого из моих людей убьешь, я тебя у Бескостного заберу. Будешь за убитых на моем руме отрабатывать. Так и знай!

– Мечтай! – Ивар хлопнул брата по загривку и пошел прочь в окружении личной свиты.

Я покосился на папу Рагнара. Лотброк глядел на сыновей, как кошка на играющих котят. Детишки!

Поймал мой взгляд, кивнул и отвернулся.

Что ж, суд продолжается. Не будем мешать.

Когда я выбрался из толпы, бонд с дочкой уже ждали. Сконец сразу протянул мне кошель.

– Это не мое, господин. Твое.

Хороший мужик. Худой, но крепкий. Глаза честные.

– Подожди, – мне пришла в голову интересная мысль. – Зовут как?

– Иси, господин.

– У тебя, Иси, на Сконсе своя земля или арендуешь?

– Арендую, господин.

– Семья большая?

– Я да она, – кивок на дочь, – больше никого. Спасибо тебе, господин!..

– Пожалуйста. У меня к тебе предложение, Иси. Оставайся у меня. Землю я тебе выделяю. Тоже в аренду, но много не возьму. Голодать не будешь. И на обзаведение этого точно хватит, – я кивнул на кошель. – Согласен?

– К тебе, господин, хоть трэлем пойду, только дочку не отнимай! – Сконец собрался бухнуться мне в ноги, но я не дал.

– Свободным! – отрезал я. – Работой отблагодаришь. У меня в поместье лекарь есть, христианин. Дочь твою посмотрит, подлечит, если надо. Послезавтра жду тебя на этом самом месте. И на-ка вот, держи! – Я сунул ему кусок кожи с оттиском головы волка. – Кто спросит или обидеть захочет, скажешь: я – человек Ульфа Свити. Этого достаточно. Меня тут знают.

Свартхёвди я нашел в кабаке. Рядом с ним – мертвецки пьяный Тьёдар Певец и совершенно трезвый Вихорёк.

Интересная судьба у моего приемного сына. Сам он – из славян, но я подобрал его во Франции, где он был монастырским рабом. Мальчишка здорово нам помог, и взять с собой – это меньшее, что я мог для него сделать. Сейчас парню пятнадцать, и он уже настоящий воин. Против такого, как Морская Крыса, он, конечно, не устоял бы, но соревноваться с ним в меткости стрельбы я бы не рискнул. По-здешнему Вихорька зовут Виги. Что, собственно, и означает «воин».

– О тебе говорят, – проворчал Медвежонок. – Кое-кто в хирде Уббы Рагнарсона тобой недоволен. Ты убил их родича.

– Поединок был чистый, – ответил я. – И он был бы жив, если бы не напал на меня сзади после окончания поединка.

– Всё равно многим это не понравилось, – буркнул Медвежонок. – Эй, девка! Еще кувшин и кружку моему брату!

Пиво появилось вмиг. Свартхёвди цапнул девку за ягодицу. Девка пискнула. Восторженно. Как фанатка, которую кумир по щечке потрепал.

– Дерьмовое пиво, – сообщил Медвежонок, рыгнув. – Но лучшего тут нет.

– Это тебя дома разбаловали, – я налил себе пива, отхлебнул... и согласился с побратимом.

– Ивар зовет нас на пир сегодня вечером, – сообщил я. – Этого – тоже, – кивок на застывшего в позе «мордой в салат» Тьёдара Певца.

– Возьмем, – кивнул Медвежонок. – До вечера он очухается. Скажи мне, брат, зачем ты вступился за того никудышного сконца?

Поскольку мои истинные мотивы Свартхёвди точно не заценил бы, я ответил в стиле правильного дана:

– Мне нужны люди.

– Ха! – Медвежонок грохнул кружкой по столу так, что на него оглянулись. – Хочешь посадить на рум сконского бонда? Он настолько хорош?

– Он храбр, раз приперся на суд Рагнара судиться с хирдманом его сына, но я собираюсь посадить его не к веслу, а на землю. У меня есть пашня, которую надо возделывать, но того, кто это делал, убили сконцы. Вот пусть другой сконец на меня и поработает.

Свартхёвди задумался...

– Полагаешь, этот бонд стоит того, чтобы ссориться с парнями Уббы?

– Главное, чтобы с самим Уббой не поссориться, – заметил я. – А с его хирдманами мы с тобой уж как-нибудь разберемся, берсерк! Скучно жить, когда у тебя нет врагов!

– Это точно, – согласился побратим. – Мы убьем всех!

На этом и порешили.

– Я купил рабов, – сообщил Свартхёвди. – Шесть голов. Восемь марок, дешевле не получилось бы.

Уж в этом я не сомневался. Торгуется Медвежонок, как... Примерно как его матушка. Только та упирает на то, что не стоит сердить колдунью, а Медвежонок светит татушками воина Одина и время от времени порыкивает по-медвежьи. На купцов действует.

– Еще две девки из Гардарики. Обе порченые. Ту, что получше, я попробовал. Скучная. Как корову попользовал.

– Корову? – очнулся Тьёдар. – Свартхёвди, ты попользовал корову?

– Нет! – рявкнул Медвежонок. – И если ты что-то такое вякнешь...

– Пон-нял. Никому не скажу! Ни слова! Тс-с-с! – И снова вырубился.

– Думаешь, он запомнил? – с беспокойством произнес Свартхёвди.

– Я прослежу, чтобы он помалкивал, – пообещал я с улыбкой.

Вихорёк хихикнул... И тут же изобразил невинность – под испепеляющим взглядом грозного родича.

– Так вот, – продолжал Медвежонок. – Две тир, снулье, но крепкие, и шестеро трэлей. Откуда – не знаю, по-нашему почти не говорят, но годные. Один, правда, строптивый: вся спина исполосована, но за это мне продавец скидку дал. И на круг – тоже скидку, – Медвежонок гордо посмотрел на меня, ожидая похвалы.

Я похвалил. Покосился на Вихорька. Тот явно желал что-то сказать, но вмешиваться в разговор старших не положено.

– Говори! – разрешил я.

– Этот строптивый – жрец Хорса, – сказал Вихорёк.

– Что, тоже из Гардарики? – заинтересовался Медвежонок.

– Нет. Он – из древлян. Но языка того же. А били за то, что работать не хочет. Говорит: ему не положено.

– Хорс – это кто? – спросил я.

– Это солнце, отец, ты не знал?

– А зачем? – уклонился я от ответа.

– Солнце – это хорошо, – одобрил Свартхёвди. – Будет артачиться – никогда своего бога не увидит.

– Это как?

Свартхёвди с усмешкой показал, как выдавливают глаза.

– И зачем мне слепой раб? – возмутился я.

– Тебе не нужен, а мне пригодится. Будет жернов мельничный крутить.

– То есть водяной привод, который я тебе сделал, – не устраивает?

– А зимой как? – возразил Свартхёвди. – Зимой ручей замерзнет.

Мне надоело препираться. В конце концов, это теперь мой трэль. Сам разберусь.

– В мяч поиграем? – предложил я, прикинув, что до вечера еще долго.

– Охотно! – Медвежонок вскочил, уронил на стол пару серебрушек. – Виги, этого не забудь, – кивок на спящего скальда.

– Медвежонок, – сказал я, когда мы вышли на свежий воздух. – Нам нужны еще две пары рук, знакомых с мечом и веслом. Займешься?

– Зачем это?

– Затем что маловато нас для Змея.

– В вик собрался? – оживился Свартхёвди.

– Не я, а мы, – поправил я побратима. – И не в вик, а в путешествие. Весна. Что дома сидеть?

– И куда? – спросил Медвежонок. – Куда ты хочешь?

– В Гардарику.

– Ну, я же сказал: в вик! – обрадовался побратим. – Это ты о тех девках подумал, да?

– И это – тоже, – настоящую причину я ему пока что называть не хотел. – Не против?

– Я готов, брат! Может, еще кого взять? Маловато нас для хорошего... путешествия! – Свартхёвди хохотнул.

– Нет. Пару бойцов найди, и довольно. Пока так сплаваем. Приглядимся.

– Меха там хороши! – мечтательно проговорил Медвежонок. – И добыть нетрудно, если знать, где хранят. Даже малым числом.

Викинг и разбойник – это синонимы.

Но я снова не стал возражать. Если я прав, всё устроится само. Если нет, то... Будем действовать по обстоятельствам.

Глава 2

Ульф уходит в вик

Жрец Хорса – это меня заинтересовало. Потому что вспомнилось святилище, в которое меня таскали на заклание в начале здешней карьеры и где тамошний главный жрец меня забраковал. Что не может не радовать. Богатое было место. Я бы туда наведался при случае.

Но выкроить время для беседы удалось, только когда мы вернулись домой.

Я вспомнил о жреце, когда увидел его за работой. Служитель культа убирал свинячье дермо. Надо полагать, проведенная Медвежонком профилактика возымела действие. Лишиться глаз служителю языческого культа не захотелось, и забастовку он прекратил.

Братец запугал раба основательно. Когда я его окликнул, трэль бухнулся на колени и так, на коленях, ко мне и подполз. Прямо по отходам свинской жизнедеятельности.

Я велел ему встать (по-словенски) и попытался выяснить географическую привязку капища, где он обитал.

Не получилось. И мужик был слишком перепуган, и я разбирался в географии древней Руси плоховато. Вскоре допрос пришлось прервать: приехал Свартхёвди.

И не просто так, а с пополнением.

Два волосатых парня, прикинутых как воины умеренной крутости. Защита – куртки с нашивками, меч только у одного, и, судя по ножкам, – не из элитных. Однако лбы здоровые. Каждый – на полголовы выше меня. Один – рыжий, другой – обычной расцветки, то есть, если вымыть, будет блондином.

– Это Скегги Красный, – представил Медвежонок рыжего. – А это – Скегги Желтый. Они – братья. Меж собой и наши тоже.

Братья вежливо поздоровались. С трудом. Голосовой аппарат у них не того типа, чтобы вежливости изрекать.

– Что можете? – спросил я.

Оба покосились на Медвежонка.

– Годные дренги, – сказал тот.

Дренги, значит. И давно они – дренги?

– В вики ходили?

Сдвоенный кивок.

– С кем?

– С Гуттормом Беззубым.

Ничего не говорит, ну да я и не спец. Важно другое: есть у Свартхёвди такая тема: родичей в хирд пропихивать. А их потом грохнут в первом же бою из-за отсутствия спецподготовки, и кого прикажете на румы сажать?

– Куда ходили?

– К ругам, – сказал Красный.

– И к венданам, – добавил Желтый.

– У вендов нас побили, – уточнил Красный. – Полгода назад выкупились.

Да, послужной список – не блестящий. Но люди мне нужны, не говоря уже о том, что у меня самой репутация – не ахти. Был свой хирд да весь вышел.

– К бою! – рявкнул я.

Переглянулись. Стоят.

– Медвежонок, у них как со слухом? – поинтересовался я.

– Хёвдинг хочет проверить, что вы можете, – донес до братьев мысль Свартхёвди. – Покажите ему!

– Чего?

Ладно. Интеллект рядового бойца в деле – не главное.

– Достали свое железо и начали меня убивать! – велел я.

– А зачем?

– Виги! – рявкнул я. – Тови! Сюда!

Оба названных охотно прекратили таскать груз для похода и кинулись ко мне.

Тови Тюлень – из новобранцев. Молодой, но шустрый. И тоже наш, блин, родич. Ну этого хоть догнать удалось до приличного уровня.

– Убейте меня!

Этим повторять не пришлось. Клинки наголо, грамотный заход с двух сторон – и понеслась.

Я дал им порезвиться с полминуты, потом захватил клинок Тови и лишил его оружия. С Вихорьком пришлось повозиться: ловкий и легкий, умница. Не без труда поймал его на атаке и обозначил в грудь. Аккуратно, потому что парень без доспехов.

Братья наблюдали. С интересом. И еще зрители собрались, в том числе жена моя любимая Гудрун с уже намечающимся животиком, и наложница Бетти – тоже с животиком, но побольше.

Бетти я взял в наложницы по настоянию Гудрун, когда моя любимая

решила, что у нее больше не будет детей. Ошиблась, к счастью. Ну, не выгонять же теперь Бетти? Тем более что англичанка – хорошая девочка. Храбрость проявила: целого викинга зарубила топором. И жену мою спасла. Вообще у Гудрун с ней какие-то особые отношения: примерно как у старшей сестры с младшой, хотя англичанка еще недавно была рабыней, а Гудрун – благородная датчанка.

– Поняли? – спросил я братьев.

– Ага.

– Так что вы стоите?

Заухмылялись. Дошло. Скинули со спин щиты, тоже разошлись, но недалеко. Явно приучены друг друга прикрывать.

– Зацепите меня – плавленый эйрир^[3] каждому! – внес я в процесс серьезную материальную заинтересованность.

Оживились. Напали. Техника боя: «сила есть, ума не надо».

Что мне понравилось: друг друга действительно прикрывали. А так, конечно, подготовка слабенькая. Я шлепнул одного плашмя по ляжке, а второму, тоже плашмя, – по подбородку. Чувствительно. Даже кровь пошла, но я был ни при чем. Боец губу прикусил.

Остановились. Желтый потрогал бороду, посмотрел на красное на пальцах, потом на меня... Но возмущаться не стал.

– Медвежонок, – ласково поинтересовался я, – ты для чего их мне привел? Землю пахать? Так у меня теперь есть кому.

– Ты возьми их, брат, – почти жалобно попросил Свартхёвди. – Я их подучу. Они не такие дурни, как кажутся, увидишь!

– Ладно, – согласился я. – Ты отвечаешь. И... – сделал паузу. Глянул сурово на «цветных» братьев: – Без доли! Докажете в бою, что достойны, тогда поглядим.

– Как это – без доли? – возмутился было Желтый. – Мы ж хирдманами были!

– Тот, у кого вы были хирдманами, больше хирды не водит! – отрезал я. – Не нравится – не держу.

Братья поглядели на Свартхёвди. Медвежонок пожал плечами. «Я и так сделал всё, что мог, – говорило его лицо. – Кто ж виноват, что вы такие олухи?»

– Да или нет?

– Мы согласны, – синхронно пробормотали «цветные» Скегги.

– Тогда оружие – вон туда, а сами – в распоряжение вон того трэля! – Я кивнул на деловитого Хавчика.

– Как это – трэля? – возмутился Желтый, но Красный, прочитав по

моему лицу, что еще слово – и вышибут, дернул брата за рукав, и тот заткнулся.

К вечеру мы загрузили драккар. Да, засиделись мы на Сёлунде. Всё прошлое лето, считай, никуда не ходили, разве что пару раз на континент – с германцами поторговать, но это близко. Зато ходили семейно. Я с Гудрун, Свартхёвди – с молодой женой, Скиди – аналогично. В общем, буржуйствовали.

Осенью прикупили еще сёлундской землицы. И мы, и хирдманы мои, Гуннар со Стюрмиром. Парни и наложницами обзавелись. Я был только рад. Они нам с Медвежонком хоть и не родичи, но, считай, братья по палубе.

Вообще нам нужен был этот год. И раны подлечить, и вообще отдохнуть, а то что ни лето, то поход, из которого сам не знаешь, вернешься или нет.

Я бы считал себя полностью счастливым, если бы не грызла мысль о Хрёреке.

Благодаря Хрёреку Соколу я стал тем, кем стал. Это долг, который невозможно возвратить полностью, но хотя бы отчасти... Вдруг он жив и ему нужна моя помощь?

Год прошел неплохо, но мы соскучились по Лебединой Дороге. Настроение было... предвкушающее. Такое, что всё равно, куда идти.

Груза на продажу взяли без фанатизма. Немного тканей, немного трофеиной посуды, еще кое-что – по мелочи. Часть Свартхёвди рассчитывал продать по дороге, в той же Упсале хотя бы. Да и драккар – не кнорр. Много не возьмешь. Обратно братец планировал привезти меха и воск. И то и другое можно было неплохо продать германцам.

Я ничего не планировал. Всё зависело от того, чем встретит меня Альдейгья. Она же – Старая Ладога.

В поход нас отправлялась чертова дюжина.

Мы с Медвежонком.

Стюрмир, мой старый друг еще с тех времен, когда мы ходили на «Красном Соколе» Хрёрека.

Мой бывший ученик, а ныне – сосед и опытный хускарл Скид.

Тьёдар Певец, скальд и боец, которого мы нашли в Норвегии. Ну как нашли? Он едва не прирезал моего братца. Однако Медвежонок оказался круче, взял Тьёдара в плен, и тот откупился знаменитой в узких кругах сагой о Волке и Медведе, которую я возненавидел уже после двадцатого

повторения.

Еще Хавгри姆 Палица, тоже «обученный» берсерк, как и Медвежонок, и так же, как и он, в состоянии боевого безумия стоивший десятерых.

Гуннар Гагара, последний из моих норегов. Надежный и опасный, как франкский меч.

Из младших – Вихорёк, Хавур Младший, сын Хаки и Тови Тюлень.

Два «цветных» братца.

Еще я взял с собой и отца Бернара. Драться он не будет, но грести может не хуже любого из нас. И куда важнее, что он – лекарь.

Тринадцать человек. Этой команды не хватало даже на то, чтобы заполнить все румы нашего «Северного Змея», но набирать слишком много новых бойцов я не стал. Учитывая наличие двух берсерков, да, и меня в придачу, мы и такой командой представляли грозную силу. Да и найти хороших и свободных воинов на Сёлунде – еще та задача. Здесь они нарасхват, и любой мастер меча и щита безусловно предпочтет пойти в дружину конунга или кого-нибудь из его сыновей, а не под команду такого сомнительного хёвдинга, как я.

Беспокоило отсутствие кормчего. Правда, Свартхёвди утверждал, что сам справится. Мол, в Альдейгью он ходил раз десять, да и выше по Мутной^[4] поднимался. И солнечный камень у него есть^[5]. Достался в наследство от нашего прежнего кормчего Уве Толстого, убитого сконцами. Мол, не парься, братик, доставлю в лучшем виде. Опять-таки положенные постороннему кормчemu три доли уделять не надо. Экономия!

Проводы устроили в доме Медвежонка. То есть фактически это был дом моей тещи (и матери моего сына Хельги, только тс-с-с!) Рунгерд, но формально владел им Свартхёвди.

Рунгерд была прекрасна. Красивее – только моя Гудрун. Впрочем, и жена Медвежонка Фрейдис – тоже не подкачала. Особенно по скандинавским меркам. Папа у Фрейдис – главный норвежский конунг Хальфдан Черный. Медвежонку пришлось здорово упереться, чтобы получить ее в жены. Но любовь не знает преград. Особенно любовь берсерка. Так что теперь на руках Фрейдис – здоровенький лысенекий сынишка, а на губах – самодовольная улыбка.

Плодится и размножается наша сёлундская семейка.

Просторный дом Рунгерд еле вместил всех чад и домочадцев, вместе с их ближайшими родственниками, которых перечислять – горло пересохнет. Многих из них, например Гримара Короткую Шею или Свана Черного, я охотно взял бы с собой, да только им это неинтересно. Первый – хёвдинг

Ивара, второй – хольд еще одного Рагнарсона – Бьёрна Железнобокого.

Я особо не напивался. Чтобы прощальная ночь с моей любимой девочкой запомнилась нам обоим.

И она запомнилась, несмотря на то, что приходилось быть очень аккуратными.

– Твой сын растет, – сообщила Гудрун, погладив себя по выпуклому животику. – Возвращайся скорее!

Она не говорила мне: береги себя. Не сомневалась в моей удаче. Я, пожалуй, тоже. И плыл я не воевать. У меня – более обширные цели.

Глава 3

Заварушка у родных берегов

Да, я плыл не воевать. Но есть такой старенький анекдот: идет по лесу добрый молодец, а навстречу ему – баба Яга. С «калашниковым». «Да ты, милок, никак изнасиловать меня хочешь?» – говорит добру молодцу баба Яга. «Что ты, бабушка! Даже и не думал!» – восклицает молодец. «А придется!» – сообщает бабушка, передергивая затвор.

Но это случилось позже. Сначала мы совершенно мирно шли вдоль берегов Дании. Без спешки. Время от времени останавливались, чтобы посетить родичей, которые нас кормили и снабжали на дорогу. Мы отдаривались.

Зашли и в Хедебю. К родне Хрёрека на этот раз я не сунулся. Попросил Скиди осторожно расспросить: не встречал ли кто Ульфхама Треску? Я знал, что главный «телохранитель» Хрёрека лечился у здешнего бонда. Может, и в столице был?

Безрезультатно.

Ко двору конунга всех данов меня не пригласили. По словам моего знакомца ярла Халлбьёрна, отношения между Рагнаром и Хареком не складывались. Я же, по мнению здешнего общества, считался человеком Ивара Рагнарсона.

Надолго в Хебедю не задержались. Двинули дальше, вдоль побережья Швеции (тоже без эксцессов), а потом напрямик через море – в Финский залив.

Но это только теоретически – напрямик. По факту Медвежонок промахнулся этак километров на сто к западу, так что вышли мы не к Финскому заливу, как планировалось, а к побережью эстов.

Вот тут мирная жизнь закончилась, и нам пришлось удирать во все лопатки, когда два местных корабля, переполненных желающими пообщаться, пустились за нами в погоню.

«Северный Змей» оказался проворнее. Вообще он ходкий, мой кораблик. Вернее, наш с Медвежонком. Догнать нас непросто. Особенно если ветер попутный.

Места для ночлега теперь выбирали очень внимательно. Эсты – ребята хищные и скандинавов не любят. Когда наших много. А вот появись на горизонте одинокий драккар с небольшим экипажем, тогда – наоборот.

Готовы любить со всем пылом. Если догонят, конечно.

Финский залив я узнал. Он мало изменился за тысячу или сколько там лет. Даже небо – такое же, как там, в будущем. Серое и нерадостное. Аж чем-то родным повеяло. Можно сказать, земля моих предков.

Вскоре нам повстречались два кнорра, которые при виде «Змея» сразу стали забирать в сторону, поближе к берегу.

Потом еще один корабль, тип которого я не опознал. Этот сворачивать не стал. Большой. От такого нам уходить впору.

Но мы не стали.

– Нападут – им же хуже! – заявил Свартхёвди. – Это не наши, это здешние.

Не напали.

Через час показался еще один корабль. Большой и с приличной осадкой.

На парусе – бородатая красная рожа под черной свастикой.

– Эсты, – опознал Медвежонок, который и впрямь в здешних водах был не новичок. – Подойдем-ка глянем, что везут.

Все оживились. Кроме меня и отца Бернара.

Эсты не испугались. Их было раза в два больше. Думаю, что им тоже было интересно глянуть, что мы везем. С аналогичной целью.

Знали бы, что у нас на борту целых два берсерка, враз бы всю любознательность отшибло!

Наш товар издали не опознать, а вот что везут эсты, мы поняли сразу. Рабов. Много, никак не меньше трех десятков. И это – на палубе. А еще – в трюме?

Свартхёвди скривился. Рабы продаются неплохо, но это не тот товар, который стоит везти в Роскилле, а не в Гардарику. Там это уже статья не импорта, а экспорта.

В общем, не понравились нам эсты.

А вот мы им явно по душе пришлись. Драккар небольшой, следовательно, нас мало и плывем мы не грабить, а торговать. Причем осадка у нас небольшая. Что это значит? А то, решили эсты, что на борту есть кое-что ценное.

Бабушка с автоматом немедленно оживилась. Вот он, добрый молодец, которого она ждала последние пятьдесят лет!

Я увидел, как их кормчий переложил руль, рабов начали сгонять с палубы в трюм, а часть эстских бойцов заняли румы и вставили в лючки весла. Между нами метров четыреста, так что все эти замечательные приготовления плюс то, что ливы начали спешно вооружаться, не заметить

было трудно.

Однако наш добрый молодец не собирался никого любить по принуждению. Наши оружейные ящики были уже открыты.

— Стюрмир, Гагара — мачту на палубу! — распорядился я.

Они хотят драки, они ее получат. Два берсерка в команде — это плюс двадцать к численности. Да и меня со счетов списывать не стоит. Это я буду списывать, когда до дела дойдет.

— Не торопимся, — сказал я застегивавшему панцирь Свартхёви. — Этот кабанчик сам на вертел наденется.

Побратим оскалился по-звериному и рявкнул.

Типа, доброй охоты!

И мы не торопились. Даже весла прибрали.

Эсты еще издали заорали что-то оскорбительное.

— Не отвечать, — велел я.

Будем ждать молча. Так здесь не принято. Пусть задумаются. Может, мы — уменьшенный клон Нагльфара?^[6]

Дистанция сто метров. Запели первые стрелы. Большинство ушло в воду. Хавгри姆 Палица вооружился огромным хогспьетом, тяжелым копьем с рубящим наконечником на длинной трубке и с металлической оковкой на хвосте — таким прототипом алебарды, и пристроился на носу. Первое копье прилетело именно в него. Хавгрим перехватил его левой и левой же послал обратно. Вопль. Попал, как и следовало ожидать.

— Бернар! — рявкнул Медвежонок. — К кормилу!

Монах команду выполнил. Держать руль — не проливать кровь.

Братец полез вперед, невежливо меня отпихнув, пристроился с другой стороны «дракона». Оба берсерка аж слюни пускали в предвкушении битвы. Пока что — figurально выражаясь. Когда у них слюни потекут по-настоящему, вот тогда от них и надо бежать со всех ног. Но куда бежать, если ты — на палубе? Только за борт.

Эсты дружно втянули весла. Их корабль шел по инерции, вдоль борта уже собирались горячие эстские парни, держа наготове крючья и специальные «бородатые» топорики — брать нас на абордаж.

Мы молчали. Прикрывались щитами от редких стрел. Цель мы неудобная: изогнутый нос драккара прикрывает.

Хороший кормчий у эстов. Подошли тик-в-тик. Не ударились — притерлись. И скорость почти обнулили. Видать, понравился им наш драккар, не хотят портить. Тут я их понимаю. «Северный Змей» мне и самому нравится.

Прыгнули Свартхёви и Хавгрим почти одновременно. Сразу, как

только крючья соединили корабли и эсты дружно потянули за канаты, выбирая слабину. Прыгнули одновременно, но Свартхёвди было прыгать чуть дальше, так что он оказался ближе к корме, а Палица – ближе к носу. Зато заревели оба в унисон, а рёв у берсерков такой, что сразу хочется забиться под лавку.

Проняло всех. Включая и тех, кто уже стоял на скамьях, готовясь десантироваться на нашу палубу... Что и сказалось как на численности прыгнувших, так и на их слаженности.

К нам, вразнобой, сиганули всего шестеро. Остальные оглянулись... и промедлили.

Вот это зря. У нас на палубе, пожалуй, им было бы безопасней.

Я походя срезал одного прыгуна и подвинулся, уступая «цветным» братьям. Пусть покажут себя в бою. И они сработали неплохо. Парой. Встретили тоже двоих и вполне прилично отбились. Ранили одного в руку, а второго просто спихнули с борта. Мужик угодил в щель между кораблями, заорал, когда его притиснуло.

Стюрмир наклонился, ухватил его за ворот, и, когда борта немного разошлись, выдернул эста из щели, как репку из грядки. Содрал шлем и долбанул по макушке. Эст сомлел, а Стюрмир тяжко вздохнул. Драки ему не досталось. Попытка высадки была заблокирована, а на чужой палубе лютовали берсерки. Соваться туда не стоило, пока у них не кончится заряд.

Заряд кончился только у Хавгрима. У Медвежонка враги закончились раньше, и он сумел вовремя остановиться. Сидел у мачты, тяжело дыша, но в сознании. Вокруг – побитые эсты. Девятнадцать штук. Как-то даже неспортивно. Было больше, но часть сиганула за борт. Тоже почти гарантированная смерть, если в доспехах, но я уже заметил: берсерк – это не только сверхскорость, мощь и неуязвимость, это еще и какое-то подсознательное, инфернальное воздействие. Неконтролируемый ужас.

Противостоять ему можно. Если ты – воин с железными нервами. В окружении таких же, как ты. Но стоит растеряться или поддаться панике – и ты покойник.

Впрочем, двое смыvшихся ухитрились не утонуть и плыли сейчас к недалекому берегу. Упустить их было бы неправильно. Не заслужили.

– Отцепляемся! – скомандовал я. – За ними! – Я отправил отца Бернара на рум (он как гребец поздоровее меня), а сам встал за руль. Драккар развернулся идеально. Пара минут – и мы обогнали ближайшего, еще полминуты – и поравнялись со вторым.

– Собью его! – азартно воскликнул Вихорёк, хватаясь за лук.

– Не стрелять! Живьем! Гуннар!

Норман втянул весло, скинул пояс, бронь и сиганул с борта прямо на беглеца.

Под воду ушли оба, но в результате я даже не сомневался. Викинги плавают отменно, причем при любой температуре, а дерутся в воде, как натуральный подводный спецназ. А норманы – те вообще даже не «тюлени», а белые медведи.

Гуннар вынырнул, придерживая потерявшего сознание эста.

Ему сбросили веревку и в шесть рук вытянули обоих из воды. Потом вернулись к первому. Этот сразу завопил:

– Я сам, только не убивайте!

– Вот этого я тебе обещать не могу, – пробормотал я, но достаточно тихо, чтобы эст не решил, что утонуть – лучшая перспектива.

Глава 4

Знакомцы из прошлого

Ничего интересного мы от эстов не узнали. Обычные работорговцы на «чarterных» рейсах. Скупают челядь у ближних князей, возят к себе и перепродают другим торговцам живым мясом.

Почему на нас напали? Да кораблик наш понравился. Да кто ж знал, что у нас в составе аж два берсерка? Покойный капитан эстов сказал, что на таком драккаре удобно набеги совершать: небольшой и быстрый. Налетел, похватал двуногую добычу и смылся.

Эсты специализировались на работорговле и заботились о развитии предприятия.

А бизнес у них процветал. Здесь у эстов имелся отличный партнер: князь Водимир. Не первый год с ним сотрудничали. Человек достойный и происхождения правильного: сам на четверть – эст, со старшей женой ихнего, эстского, князя, в кровном родстве состоит.

«Вот же сука, – подумал я. – Собственными подданными торгует».

И оказался не прав. Подданными князь Водимир не торговал. А вот теми, кто отказывался ими стать...

Я узнал это, когда живой товар выгнали из трюма. И тут меня ждал сюрприз.

Квашак!

И Быська!

Сын кузнеца, приютившего меня, в прямом смысле голого и босого, только-только оказавшегося в этом славном мире, Квашак выглядел – не ахти! Худой, нос на сторону, хромает и вообще весь какой-то перекошенный...

Меня Квашак не узнал.

Не удивительно. Тут же не столько лицо смотрят, сколько одежду, а по одежке я – если не князь, то где-то около того.

– Вымойте его, – велел я. – Только в воду не кидайте, помрет. Вымойте – и пусть отец Бернар его осмотрит. Потом – ко мне. С остальными тоже разберитесь.

Сделали без вопросов. Да и какие вопросы? Хёвдинг сказал, дренги и хускарлы – исполнили.

– Ничего серьёзного, – сообщил результат осмотра монах. – Ребра

были сломаны, но срастаются нормально. Нос сросся криво, надо снова ломать, иначе дышать будет трудно. Хромота останется, но жизни не угрожает. Он – кузнец?

– Как догадался?

– Так видно же, – удивился отец Бернар.

И впрямь видно. Телосложение у кузнецов – специфическое. И мелкие ожоги на коже опять-таки.

Привели парня. Нет, не парня уже – мужика. Несколько лет – срок немалый.

Да, нос конкретно на сторону... Ну, не будет тянуть кота за амортизаторы.

Классический свинг слева – и нос хрустнул.

Прежний Квашак наверняка полез бы драться, этот стерпел. Даже хлынувшую кровь утират не стал. Покорно ждал продолжения.

– Отец Бернар, твоя очередь!

Монах подошел, ухватил парня за злосчастный нос. Тот замычал.

– Стоять! – рявкнул я.

– Спокойно, – проворчал монах по-скандинавски. – Тебе не больно. Ну, вот и всё. Скажи ему, Ульф, чтоб больше не трогал, пока не заживет. Тогда прямым будет.

Я перевел.

Квашак удивился.

– Отец где? – спросил я.

– Чей?

– Твой, дурень! Коваль!

– Так убили его.

– Кто?

– Так ваши и убили, – простодушно удивился Квашак. – Князя Водимира гридни.

– А с чего ты решил, что мы – гридни Водимира?

– А чьи ж еще?

М-да. Папаша-то поумнее был. Так, попробуем с Быськой.

Эта тоже меня не узнала.

– За что убили отца? – спрашиваю. И – развернутый ответ. Минут на пятнадцать. С кучей нужных и ненужных подробностей, но в целом – ясно.

Водимир решил налаживать вертикаль власти. Для чего, надо думать, разослал по окрестностям своих людей с целью превращения свободных граждан в податное сословие.

Некоторые соседи Коваля, узнав о таком лихе, попрятались по лесам,

где их искать – долгое и непродуктивное занятие. Другие согласились уйти под княжью «крышу». Коваль не согласился. И в лес не сбежал, остался. Решил: кузнец – нужный военным людям человек. Не обидят. И вообще: чего бежать со своей земли, которую ты и предки твои от леса вычищали? Ну и кузница, опять-таки. Кузницу целиком в лес не утащишь. Муж Быськи тоже сбег. А она осталась. Верила в отцовскую мудрость.

Коваль ошибся. Нет, сначала ему предложили культурно: перебираися в город. Вернее, в пригород. Будешь на князя работать, а князь тебя не обидит. Треть того, что заработкаешь, – тебе.

«А почему – треть? – удивился Коваль. – Я что, холоп княжий?»

Будешь – холоп, объяснили ему. Зато не тронет никто, и заказов станет несравненно больше.

Коваль заартачился. Люди Водимира настаивали. Слово за слово – и до драки дело дошло. Ну, и убили Коваля. Надо думать, случайно. Дрался хорошо, вот и не сдержал кто-то руку.

На этом вежливый разговор закончился. Дружины Водимира забрали всех, включая даже младенчика, и увезли в город. И всё добро, что нашли (а нашли не всё, поведала Быська и намекнула, что могла бы показать), с собой увезли.

А тут как раз корабль эстов пришел в город, ну, и продали их. Тех, кто взрослые и помоложе. Никто даже не поинтересовался, что Квашак – кузнец.

– А он кузнец? – уточнил я.

– Ага, – ответила Быська. – Отец говорил: сам уже всё может, даже меч ковать.

Глядя на Квашака, этого не скажешь. Кузнецу всё же некоторая толика мозгов нужна. Но вдруг?

Стоило мне отпустить Быську, как Вихорёк тут же поинтересовался: не решил ли я оставить бабу для себя?

Я мотнул головой, и довольный Вихорёк тут же отправился раскручивать ее на секс. Прямого насилия я не допускал, разве что для Медвежонка делалось исключение: мы – в равных правах. Но здесь рабы не отказывают хозяевам. Не прибили, и спасибо.

– Кнорр продадим, – сказал мне Свартхёвди, отоспавшись. – Трэлей – тоже. В Альдейгье и продадим. Или по дороге. Невыгодно, конечно. Здесь за трэлей хорошей цены не дадут, да возиться неохота.

– Двоих продавать не будем, – уточнил я. – Они свободными были. Их местный князь беззаконно свободы лишил.

– А нам – что?

– А то, что их отец мне когда-то гостеприимство оказал!

– Тогда другое дело, – согласился Медвежонок.

– А они – не родичи тебе? – вдруг спросил Тьёдар, который в этот самый момент занимался сочинением хвалебной песни Медвежонку и Палице.

– Шутишь?

– Жаль, – вздохнул скальд. – Были бы родичами, тогда я бы в вису вставил. Красиво бы получилось. Ульф Хвити поражает эстов, чтобы спасти родичей.

– Ты же о нас с Палицей сочинял? – ревниво вмешался Свартхёвди. – Что мы всех эстов убили.

– Это песня! – с важностью заявил Тьёдар. – В песне убивает тот, о ком можно сказать красивее!

Медвежонок набычился, и я поспешил его успокоить:

– О тебе будет песня! Не родичи они мне!

Побратим успокоился и отправился оценивать наше живое имущество.

Второй участник будущей драпы спал. И спать ему предстояло минимум до завтрашнего утра. Берсерков отходняк.

Квашака посадили на рум корабля эстов. Этот дурак еще упирался, кричал, что бок сильно болит. Но когда Вихорёк, взявший шефство над ним и сестрой, пояснил, что взятое в руки весло сделает Квашака свободным человеком, боль в боку сразу резко уменьшилась, и греб он очень даже неплохо.

В трофеиную команду кнорра я решил включить пятерых: себя с Вихорьком как понимавших словенский, а также Хавгрима Палицу, Гуннара Гагару и Стюрмира – дабы у живого имущества не возникло дурных мыслей. Ну и грести, конечно. Я же сам монополизировал место у руля, с удовольствием вспоминая уроки Ольбарда Синеуса и сожалея о том, что на время нашего похода отдал должность кормчего на откуп Свартхёвди.

Устье Невы. Течение встречное, но слабенькое, а ветер – подходящий. Так что идем в основном под парусом. Всё время начеку, потому что на берегах – шевеление. А кто там: мирные чухонцы или немирные... чухонцы?

Два корабля – не один. Повнушительнее. Идем без остановок, пока ветер в нужном направлении. «Морской Змей» притормаживает, чтобы мы

не отстали. Борюсь с искушением: посадить на румы еще парочку из рабского сословия. Тех, кто покрепче. Удерживает взгляд. Нехорошо смотрят: такие будут пресмыкаться, когда ты в силе, а расслабишься – прыгнут на спину. Если не струсят. Рабы, одним словом. Вихорёк пасет их, как мальцом пас во Франции монастырских овец.

А еще я знаю, что они такими не были. Слишком хорошие зубы для рабов, слишком прямые спины, которые они лишь недавно научились гнуть. И у многих на этих свежесогнутых спинах – следы кнута.

В прежние времена я бы сказал: сломать можно всякого. Теперь знаю, что это не так. Попробуй-ка сломать Медвежонка! Ломалка хрустнет. Даже за Вихорька я спокоен: этот, может, и прогнется, но не сломается. Пара лет на одной палубе с викингами, в брызгах крови, своей и чужой... Хрен его теперь сломаешь.

В дальнейшем оказалось: прав я был насчет Вихорька. Но об этом – позже.

Но эти бывшие смерды – не воины. Их согнули.

– Мужей били всех, – говорит Быська. – Без всякой провинности били. Просто так. Днем, ночью, когда захотят. Глаза поднимет или голову... Находили за что.

С женщинами обходились иначе. Их не били – унижали. Не хочется даже пересказывать, как. Приучали к покорности. И приучили. Опыт что у княжьих людей, что у работников немалый. Впрочем, я не стал бы упрекать их в жестокости. Время такое. Я видел, как приучают к покорности викинги. Эти не плеткой отходят, а живьем шкуру спуснят и солью посыплют. Так что дружины Водимира – они еще гуманные в сравнении с нашими.

Интересно, что будет, если мои надежды не оправдаются и в Ладоге я увижу того же Водимира.

Всякое может быть. Для правителя с такими амбициями и такими возможностями спихнуть Гостомысла и занять ключевое место – вполне реальное действие.

Что-то я проголодался. Подаю знак Вихорьку, тот командует одной из женщин, и минут через двадцать мне приносят очищенное от костей рыбье филе, обжаренное здесь же, на палубе. Неплохо устроились эсты: даже кухню оборудовали: «подстилка» из глины, а сверху – железная коробка с углеми. В хорошую погоду вполне можно готовить.

Одной рукой рулю, другой ем рыбу, которую держит на бронзовом блюде холопка. Запиваю пивом, нацеженным из личного бочонка.

Солнышко светит, жизнь прекрасна. А главное – непредсказуема.

Глава 5

Ладога. Недобрая встреча

Неву прошли не без трудностей, но потерь не было.

Один раз нас обстреляли во время стоянки – ранили раба.

Другой раз Свартхёвди, отойдя по надобностям, изловил лазутчика: белобрюсого лопоухого парня, который не говорил ни по-словенски, ни по-скандинавски, зато обладал поистине скандинавской практичностью: попытался стырить отложенный в сторону воинский пояс Медвежонка. Попался, конечно.

Его мы присоединили к остальным рабам. Искать родичей, готовых выкупить клептомана, – недосуг. Сами найдутся. Паренек оказался полезным. Рыбу ловил – как медведи лососей, когда те на нерест идут. Одну за другой.

Ладога встретила нас замечательно – полным отсутствием волнения и безветрием. А еще парочкой дракков, прошедших значительно севернее и слишком далеко, чтобы разобрать, чьи, поскольку паруса их были спущены.

Мы-то старались держаться южного берега озера, которое, как я помнил, местные называли озером Нево, потому что Свартхёвди боялся пропустить устье Мутной, то бишь Волхова, а эти шли открытой водой. Каждый из дракков был раза в полтора крупнее «Северного Змея», и оставалось лишь радоваться, что нами они не заинтересовались.

Может, потому, что «дракона» с носа мы предварительно сняли и белый щит на мачту подняли?

Волхов мы не пропустили. И Ладогу-Альдейгью – тоже. Ее трудно было пропустить, поскольку миновать пороги можно было только через волок. Ну да мы пока что дальше идти не собирались.

Ага! А Ладога-то расширилась. Вроде бы еще один терем появился неподалеку от главной крепости, и домов стало побольше. Да и на другом берегу тоже что-то такое... Типа укрепления.

И кораблей изрядно. Не Роскилле, конечно, но, пожалуй, немногим меньше, чем на пристанях столицы норвежского конунга Хальфдана Черного.

А вот с местом тут посложнее, чем в норвежском фьорде. Там-то хоть

на рейде можно оставаться, а здесь вторым рядом не очень-то «запаркуешься».

Однако я уже знал, как решаются подобные проблемы. Так что наши корабли неторопливо двинулись вдоль берега, где под невысокой кручей теснились разного калибра суденышки.

Углядев подходящее место, занятое какими-то рыбачьими шаландами, я крикнул Свартхёви, чтобы притормозил, и принялся договариваться. Щепотка серебряных монет, и освободилось ровно столько места, чтобы втиснуться «Северному Змею». Трофейный кнорр пристроился позади. Перебросили сходни с борта на борт.

– Что дальше? – спросил Медвежонок.

– Пошли князю представляться, – сказал я. – Надеюсь, он нас не забыл?

Медвежонок пожал плечами. Несколько лет прошло. Это по здешним меркам – много. Кто поручится, что и сам князь Гостомысл – жив?

– Хавгри姆, мы уходим, – сообщил я. – Ты – старший. На берег никого не пускать, этих, – кивок на трэлей, – тоже.

– Само собой, – пробасил дан. – Если спрашивать будут, что отвечать? Или сразу – бить?

– Вот драки не надо. Скажешь: старшие ушли к князю. С подарками.

Кстати, о подарках: Хрёrek Гостомыслу в свое время меч подарил, но на мой взгляд – это слишком жирно. На первый раз и кинжала хватит. И отрез шелка – женской родне в подарок.

– Квашак! С нами пойдешь. Вот это понесешь! – Я вручил ему завернутые в кожу подарочки. Самому тащить – несолидно.

Пока шли вдоль берега, я приглядывался к кораблям. Штук пять было точно нашей, скандинавской работы. Но без парусов, без носовых фигур мне их было не опознать.

Медвежонок тоже не нашел знакомых. Но сказал, что корабли северной сборки здесь всегда были. Причем свайских и норегских больше, чем наших, датских. Просто потому, что от нас сюда плыть дальше.

Глядели на нас с интересом: мы с Медвежонком – колоритные. Народ же нам навстречу попадался по большей части мирный, хотя ножи на поясах почти у всех. Свободные, значит.

Но не все. Вот рядом с вместительным кораблем, похожим на наш трофейный, кучка явных трэлей. Расположились прямо на земле вокруг котла, хлебают что-то. И надсмотрщика за ними я что-то не вижу. Вообще воинов не вижу.

Зато прямо под кручей – небольшой рыночек. В основном жратва.

Может, прицениться?

Не успел. Мы поравнялись с «таможней». Понятно, она была у «парадного входа». Прямо над нами – главные ладожские укрепления. Наверх – удобная лестница. У воды – три нормальных причала. К одному из них пришвартовался драккар Хрёрека, когда я впервые увидел этот город.

Сейчас эти козырные места свободны. Знал бы – сюда бы и подошел. Тут только одно судно стоит, и явно здешней работы: вместительное, с высоченными бортами и какое-то... неуклюжее, что ли?

Я б на таком в море выйти не рискнул.

– Кто такие?

Ага. «Таможенники». Ничего так, справные парни. Плечистые, бородатые, в козырных куртках с бляшками. Вооружение скромное, но качественное: щиты, копья, топоры. Лидер помоложе и прикинут получше – с мечуганом. Бородка расчесана, шлем красивый, полированный. Пижон. Я бы на его месте сверху платок намотал. Солнышко-то – греет!

Наши шлемы на поясах висят. Драться мы не собираемся, пусть гривы проветрятся.

– Даны, – ответил я спокойно, но подумал, что «таможенник» мог быть и повежливее. Видит же, что непростые люди. И корабли наши наверняка срисовал. – Я – Ульф Свити, Белый Волк, по-вашему, а это – Свартхёвди, сын Сваре по прозвищу Медвежонок.

– Что хотите? Что на продажу?

Даже не представился. Пижон и наглец. Сынок чей-нибудь, не иначе.

– Пока поглядим просто. Там видно будет.

Пижон сказал что-то своему подручному, и тот отправился вдоль берега – на корабли наши вблизи полюбоваться. На палубу-то его точно не пустят.

– Десятую долю князю! – заявил пижон. – Без разницы – дальше пойдете или здесь расторгуетесь.

– Изрядно, – заметил я. – И давно так?

– Для тебя, дан, – всегда! – отрезал «таможенник».

Свартхёвди оскалился. По-словенски он понимал с пятого на десятое, но интонацию ловил отлично. Скрестил руки на груди так, чтобы татуировку было видно.

Нет, не понял пижон. Надо полагать, никогда раньше с берсерками не встречался.

Я молчал. Этот – тоже. Громко топая, примчался подручный. Очень взъявленный. Сразу забубнил на ухо начальнику.

У того сразу на роже написалось: Вот! Я так и знал!

– Вы, даны, уже и здесь поразбойничать успели! – строго произнес он. – Здесь у нас – не там! Ответите по правде!

– Значит, мы, по-твоему, разбойники? – вкрадчиво поинтересовался я. – А почему так решил?

– А кто ж вы еще, если захватили снекку Виитмаса Щеки?

– А вот это, человече, я буду говорить не тебе, а твоему князю! – Моему терпению пришел конец.

– А не много ли ты о себе возомнил, дан? – заорал пижон, хватаясь за меч, но еще не настолько потеряв разум, чтобы достать его из ножен. – С каким это еще князем ты будешь говорить?

– А у вас их много, князей? – осведомился я, тоже опуская руку на оголовье меча. – Когда я был тут в прошлый раз, вроде один был. Гостомыслом звали. Ныне что, другой? И кто же, хотелось бы знать?

Ну да, я не очень-то надеялся услышать заветное имя. Более опасался услыхать другое: Водимир. Это было возможно, учитывая то, что я узнал от Быськи.

Тогда – полный крах моих надежд во-первых, а во-вторых – очень щекотливая ситуация, из которой, пожалуй, выбраться будет нелегко.

Ни один князь не останется равнодушным, узнав, что какие-то посторонние убили его делового партнера, пусть даже тот и повел себя неправильно. Есть свои, а есть чужие. Когда чужие убивают своих, им это сходит с рук, только если за ними стоит реальная сила. А за нами сейчас таковой не наблюдалось.

– Узнаешь, когда на правеж встанешь! – отрезал пижон. И своим: – Забрать у них оружие!

– Возьми, если сможешь, – очень вежливо произнес я. А чтобы «таможенник» не обманулся моей вежливостью, упер ему под подбородочный ремешок Вдоводел. Пижон даже дернуться не успел.

За моей спиной прошелестело: это выскоцил из ножен меч Медвежонка. Он встал рядом: меч – в правой, левая уже нахлобучила подбитый войлоком шлем, улыбка такая неприятная, что подручные пижона невольно подались назад. Очко-то не железное.

– Что ж ты больше ничего не приказываешь, малыш? – поинтересовался я. – Что-то с горлышком, да? И как тебе мой меч? Ты, малыш, даже не представляешь, что я могу с ним сделать. Могу, к примеру, язык тебе подрезать. Снизу. Чтоб вежливости научить. Хочешь?

Пижон молчал. И не потому что говорить было неудобно – я к его шейке едва прикасался.

– Страшно, да? – участливо спросил я. – Так ты не держи в себе. Напруди в штанишки. Сразу полегчает. Что страдать-то перед смертью?

Нет, убивать я его не собирался. Я не слабоумный: убивать представителя власти на глазах его подчиненных и, что еще важнее, ввиду стен княжеской резиденции. Кто бы ни был здесь князем, за своего он спросит со всей строгостью. И еще: я был почти уверен, что за нами наблюдают. Не может быть, чтобы в крепости не было дозорных. И уж совсем сомнительно, что эти дозорные не заметят нашей маленькой демонстрации силы. Глядишь, и появится кто-нибудь поумнее. Или достаточно сообразительный, чтобы понять: да, с нами можно разобраться. Но цену мы за себя возьмем такую, что мало не покажется.

Ага! Я был прав. Вон бегут! Вприпрыжку. Штук десять бойцов, а впереди...

А впереди – варяг! Точно, варяг! Очень характерные усики!

Блин! Мне как-то сразу полегчало. Пусть этот варяг может быть просто случайным наемником местного князя, кто бы он ни был, но варяг – это варяг. Не может он не знать Ольбарда и Трувора, а мы с ними, считай, были братьями по палубе. И не хочется думать, что – были...

Варяг! Вдбавок – обоерукий: вон, два клинка в руках. Лицо вроде незнакомое... Или – нет?

– Волк! – еще издали закричал варяг по-скандинавски, вбрасывая клинки в ножны. – Медвежонок!

Команда у него за спиной сразу затормозила.

Я тут же убрал клинок, прищурился, пытаясь узнать: кто же это?

И наглый пижон немедленно потащил наружу меч...

Достать не успел: варяг отпихнул его довольно невежливо и сграбастал метровыми ручищами. Одной – меня, другой – Медвежонка.

– Братья!

И тут я его узнал. Харра Стрекоза. Надо же как заматерел. Усы отрастил!

У меня уже улыбка до ушей. Прав я, прав оказался! Или – нет?

– Хрёrek? – спрашиваю. – Как он?

– Поправляется. – И тут же, настороженно: – А ты откуда знаешь?

– Догадался. Он же меня еще во Франции на праздник сюда, в Ладогу, пригласил. Я запомнил. Хотя что за праздник, до сих пор не знаю.

Харра глянул на Медвежонка, потом спросил по-русски, вернее, по-словенски:

– У вас там еще кто-то знает, что Хрёrek – в Ладоге?

Я покачал головой. Харра повеселел.

– На праздник ты опоздал! – сообщил он. – Но Хрёrek тебе будет рад. Только учти: его теперь на наш лад зовут, Рюриком. Запомнишь?

– Уж как-нибудь, – отозвался я. Еще бы я не запомнил это имя. Вот значит как оно оборачивается. Ну, поглядим.

– Эй! – крикнул нам вслед пижон в полированном шлеме. – Куда ты его ведешь, Стрекоза? Он – разбойник! Его надо задержать и на правеж!

– Ого! – Харра мгновенно развернулся. – На правеж? Уж не с тобой ли, Бобрёнок?

– Он корабль захватил! – стоял на своем пижон. – Не знаю, кто он тебе, а разбойничать никому нельзя! А он корабль захватил. Сnekку Виитмаса Щеки! Так же нельзя! – Пижон совсем распереживался. Даже когда я ему жало под бородку сунул, и то не так волновался. Покраснел, губы дрожат... Кажется, вот-вот заплачет.

«А ведь он – совсем мальчишка, – подумал я. – Года на два старше моего Вихорька».

– Было дело? – спросил по-скандинавски Харра, оборачиваясь ко мне.

– Еще какое, – усмехнулся я. – Плыли себе, никого не трогали, и тут – этот работорговец навстречу. И без лишних слов – на нас.

– Вот так уж сразу и напал? – усмехнулся Харра.

– Он думал, что умеет считать, – вмешался Медвежонок. – Думал: всё правильно сосчитал: нас тринадцать, включая отца Бернара, которому, как ты помнишь, его бог убивать не велит. А их – три десятка. Так он посчитал. И ошибся.

– А в чем ошибка? – Харра был заинтригован. – У вас в трюме засада была?

– У нас совсем небольшой драккар, – сказал я. – И трюма вообще нет.

– Тогда в чем ошибка?

– А считать надо было не так, – ухмыльнулся Медвежонок. – Десять хирдманов и два воина Одина!

– Два? – Харра сразу напрягся, а я вспомнил, что варяги не очень-то доверяют берсеркам. И есть причина. Подавляющее большинство воинов-оборотней – это не столько подмога в бою, сколько огромный гемор во всё остальное время. – Одного я вижу, а где второй?

– Им бы и одного меня хватило, – самоуверенно заявил Свартхёвди. – А второй – брат мой, Хавгрим Палица. Ты его не знаешь. Но узнаешь, придет время. Бойся нас, Стрекозенок! – зарычал страшным голосом, что Харру явно не успокоило.

Его успокоил я.

– Хавгрим – мой человек, – сказал я. – Я оставил его присмотреть за

кораблями. И еще: он спускает своего зверя, когда сам пожелает, а не наоборот. Если никто не станет нападать на нас, насчет Хавгрима можешь не беспокоиться.

— В этом не сомневайся! — буркнул Харра. Он больше не улыбался. — Бобрёнок! Эти люди, — кивок на меня и Свартхёвди, — близкие друзья князя Рюрика. Ты понял? Очень близкие друзья, почти родичи. И если кто-то тронет их людей или то, что им принадлежит, я лично приглашу тебя на перекресток! Ты понял меня, Бобрёнок?

— Моему князю Гостомыслу это не понравится, — пробормотал пижон, смиряясь.

Но Харра его уже не слушал, почти бегом устремился наверх. Мы — за ним.

— Слушай, а почему Бобрёнок? — спросил я на ходу.

— Тестя его Бобром зовут. Ближник он у Гостомысла. А этот — на дочке его женился. Вот тестя его к Гостомыслу и подвел. Сам-то он ничего, Бобрёнок, с пониманием. Но сегодня его первый раз на пристань поставили. Старшим над мытниками. А тут вы... Вот он и растерялся. Вы зла на него не держите. Как ему велели, так он и делал. Зеленый совсем, как... — Харра задумался и заключил: — Как сопля.

— Если б мы зло на него держали, Стрекозка, его головенка уже лежала отдельно от тельца, — сообщил Свартхёвди. — Ты лучше скажи: что это за праздник, на который мы опоздали?

Глава 6

Княжья пирушка

Хоромы Хрёрека-конунга, вернее князя Рюрика, выглядели не столь солидно, как расположившийся прямо над пристанью теремок князя Гостомысла.

И размер поскромнее, и оградка пожиже. А вот внутри, склонен думать, у Рюрика было покруче. Вряд ли стены Гостомыслова кремля украшали французские gobelены и заимствованные в Луне золотые статуэтки. Разве что сам Хрёrek ему и подарил.

Увидев конунга, нет, теперь уже князя, надо привыкать, я сразу понял, почему Харра сказал: «поправляется».

Понял, когда Хрёrek поднялся и пошел нам навстречу. Двигался он как-то скованно. Нет, не горбился и не хромал, но как будто заново учился управлять своим телом. Мне это состояние знакомо: я сам уже дважды, считай, заново учился пользоваться правой рукой.

А еще он сбрил бороду. Теперь его украшали только длинные усы. На варяжский манер.

– Рад видеть тебя, Медвежонок! И тебя, Ульф Черноголовый!

– Свити, – поправил его мой побратим. – Теперь его зовут Ульф Свити!

– Белый Волк? Звучит неплохо.

Он обнял нас: сначала Свартхёвди, потом – меня. Кое-какая сила у него в руках была, что радовало. Для меня Хрёrek был эталоном воина и вождя. Видеть его инвалидом было бы чертовски обидно.

– Нашли, значит!

– Он нашел, – ткнул в меня пальцем Медвежонок. – Я, клянусь бородой Тора, даже и не думал, что этот мелкий хёвдинг приведет меня к тебе. До сего времени молчал! Вздуть бы его, да нельзя: старший брат.

Хрёrek расхохотался.

– Ты меня звал в гости, я пришел... И врать не буду: рад видеть тебя живым и здоровым! – Улыбка так и не сходила с моего лица. Когда-то Хрёrek был для меня недосягаем, как небожитель. Сейчас...

Может, как старший брат. Что-то очень теплое. Совсем не то, что – с Рагнаром и сыновьями.

Тут я вспомнил, но спросить не успел.

– Что я жив, за то богов надо благодарить и вот их, – кивок в сторону

Харры. – На руках меня несли. Ульфхам грудью закрыл, когда щит разбили...

– Он выжил, Ульфхам, – сказал я. – Мы заглядывали к бонду, который его выхаживал. Его дочь до сих пор по Ульфхаму сохнет. И папаша не против. Небедный, кстати, папаша.

– Еще бы ему быть бедным! Столько за меня взял, что на дюжину хватило бы! – В дверях стоял Ульфхам Треска собственной персоной.

Обнялись.

– Мне говорили, ты приходил к нашим в Хедебю, – сказал Ульфхам. – Но Хедин Морж сказал: тебе нельзя верить.

– Почему это? – возмутился я.

– Ты пришел на корабле Мурхи Лиса, а о нем известно, что он – человек Ивара, – рассудительно произнес Ульфхам. – И о тебе говорили тоже. Как можно доверять тому, что служит Рагнарсонам?

– А сейчас мне, значит, доверять можно? – произнес я с вызовом. Не то чтобы я не понимал логику Трески... Но она мне не нравилась.

– Ты пришел, а драккаров Сигурда Змееглазого я что-то не вижу.

– Ну, один из его драккаров ты точно мог видеть, – бросил я камешек наугад.

Хрёrek и Ульфхам переглянулись.

– Сигурд знает? – спросил конунг.

Я мотнул головой:

– Ему сказали, что это кто-то из Асов позаимствовал его драккар.

– И он поверил?!

– Настолько, что даже лишил жрецов Оденсе ежегодного пожертвования.

Ульфам и его конунг развеселились. Треска прикрыл глаз ладонью и произнес инфернальным голосом, обращаясь к Медвежонку:

– Сколько ты убил во славу мою, берсерк?

– Ты поштути – и еще одним шутником в Валхалле станет больше! – пообещал Свартхёвди.

– Не хочу тебе лгать, князь, – сказал я по-словенски, – но Ивару Бескостному я должен. Он здорово помог мне, когда возникла нужда. Я поклялся, что приду по его зову и встану под его знамя против любого врага, если это будет не мой родич или не тот, кому я поклялся в верности.

– Тогда почему ты здесь? – куда менее радушно, чем раньше, произнес Хрёrek.

– Я искал тебя. Хотел убедиться, что ты жив, и не нужна ли тебе моя помощь, – ответил я. – И, не знаю, помнишь ты или нет, но я когда-то

клялся тебе в верности.

– Я помню, – сказал конунг. – Но время идет, и клятвы забываются.

– Не мной, – возразил я. – Я здесь, и ты можешь на меня рассчитывать.

– А что же Ивар Рагнарсон?

– Пока он меня не звал. И ты должен понимать: я не так силен, как ты, чтобы ссориться с сыновьями Рагнара. Кроме того, моя жена и моя новая родня живут на Сёлунде.

– Я понимаю, хёвдинг, – по-скандинавски ответил Хрёrek. – Но всё же не понимаю, почему ты здесь? Ты приехал торговать? Или служить мне?

– Если примешь, – ответил я, – мы – твои. Но пока моя и его родня, – кивок на Медвежонка, – живут на Сёлунде, – против Рагнаров мы не пойдем. Ты должен это знать.

– А если Рагнароны придут сюда, что ты сделаешь?

– Я не стану сражаться, – ответил я честно. – Ни с ними, ни с тобой. Берешь ли ты меня, князь *Рюрик*, на этих условиях обратно в свой хирд? – спросил я, покосившись на Медвежонка. Как только мы перешли на его родной язык, он перестал трепаться с Треской и слушал очень внимательно.

– Беру, – не задумываясь, ответил Хрёrek. – Возможно, вскоре я сумею предложить тебе что-то лучшее, чем твоя земля на Сёлунде.

– У него прекрасная земля! – вмешался Медвежонок. – И у меня – тоже. Вряд ли здесь, в Гардарики, найдется что-то лучше. Но раз мой брат решил пожить здесь, я тоже к нему присоединюсь. До конца лета уж точно! Думаю, таким, как мы, здесь найдется, чем поживиться!

– Грабить нельзя! – мгновенно отреагировал Хрёrek. – Купцов обдирать – тоже. Всё, что идет по Ольховой в Нево и дальше, в море – под моей защитой! А то знаю я вас!

– Одного купчишку они уже выпотрошили, – наябедничал Стрекоза.

– Вот как? – нахмурился конунг. – Кого?

– Виитмаса Щеку. А еще он едва не отправил в Ирий маленького Бобрёнка.

– Бобрёнка? – еще больше нахмурился Хрёrek. – Его-то за что?

– Хотел их с Медвежонком в поруб посадить.

– Вот дурень! – в сердцах ругнулся конунг. – Крови не было?

– Я поспел вовремя, – заверил Харра. – Развел.

– Всё равно тесть будет недоволен, – пробормотал Хрёrek. И нам: – Рассказывайте, как было дело?

– Что? – возмутился Медвежонок. – Вот так, всухую? Мы только с палубы сошли, а ты нам даже пива не предложишь? Не узнаю тебя, конунг! Раньше ты был щедрее!

– Ты прав, – согласился Хрёrek. – Харра! Распорядись, чтобы нам принесли выпить и поесть что-нибудь.

Но Стрекоза выполнять команду не торопился.

– Княже, я бы посоветовал пригласить за стол не только этих двоих, а еще и того, что остался на палубах, – сказал он.

– Успею, – отмахнулся было Хрёrek, но сообразил: сказано не просто так, и всё же поинтересовался: – Почему?

– Там у них еще один... Воин Одина, – сказал Харра. – Волк за него поручился, но... Всё же это воин Одина. Как бы не вышло нехорошего.

Хрёrek задумался ненадолго, потом спросил:

– Сколько у тебя людей, Белый Волк?

– Кроме нас с братом, одиннадцать. И десятка два трэлей, что мы забрали у эста.

– Этот – один из них? – Хрёrek показал на Квашака, переминавшегося у дверей.

– Этот уже свободный, – ответил я. – А держит он, кстати, подарки для Гостомысла. Для тебя, прости, ничего. Я же не был уверен, что встречу тебя здесь, – развел я руками.

– Но будут, будут подарки! – вмешался Медвежонок. – Мы – люди не бедные, конунг. С пустыми руками в гости не ходим!

– Подарками после обменянемся, – сказал князь. – Харра, вели отрокам, чтобы накрывали большой стол в трапезной, и сходи за его людьми. Скажи: конунг на пир приглашает. Есть там кто-то, кто знает Харру? – спросил меня Хрёrek. Но вместо меня ответил Медвежонок:

– Многие знают, – пробасил он. – Но лучше я сам с ним схожу. Хавгрим его всё равно слушать не станет.

И вышел вслед за Харрой.

– Хавгрим – это тот, второй берсерк? – спросил Хрёrek.

– Да. Знаю, ты их не любишь, но он – мой человек... И мой друг. Если ты принимаешь меня, то и моих людей – тоже.

– Это понятно, – кивнул конунг. – Но отвечаешь за него ты!

– Это тоже понятно... Конунг! – Я наконец задал вопрос, который давно меня мучил: – Кто еще выжил?.. Из наших?

– Немногие, – вздохнул Хрёrek. – Только те, кто шел со мной на «Соколе».

– Ольбард? Трувор? Руад? Рулаф? – начал перечислять я.

– Живы, – успокоил меня Хрёrek. – Варяги все живы. И Витмид, и Руад с Рулафом...

Хрёrek перечислял живых и тех, кто погиб, и я понимал, как мало

осталось у него людей после той битвы. Многих убитых я не знал: это были те, кого конунг набрал позже, после похода на франков. Зато каждый знакомый среди выживших – радовал. Уцелели и Оспак Парус, и Витмид, хускарл, с которым меня вместе принимали в дружину... Но погибших было намного больше. Если сравнить с моими собственными потерями, то пропорция, в общем, такая же. Радует, что уцелели варяги. Ближе них у меня в дружине Хрёрека никого не было. Ну разве что Медвежонок со Стюрмиром, но они и сейчас со мной.

– А где они сейчас, варяги? – спросил я.
– На Нево ушли. Там, весть пришла, озорует кто-то.
– Уж не о нас ли? – поинтересовался я.
– Нет. Кто-то чудинов наших пограбил. Не из северных людей, поближе.

– У меня в добыче и чудин есть, – сообщил я. – Медвежонка обнести вздумал – и попался.

Конунг хмыкнул.
– Я его тебе подарю, – пообещал я. – А там уж сам разбирайся, тот это чудин или нет.

Хрёрек поглядел на меня пристально:
– У тебя не только имя изменилось, Ульф Свити, – сказал он.
– Да, – согласился я. – Многое было.
Говорить не хотелось. Зачем омрачать встречу?
Конунг хотел еще что-то, но тут в покой ввалился паренек и сообщил, что стол накрыт.

– Княгиню звать? – спросил он.
– Зови, – разрешил Хрёрек.
– Это и есть тот праздник, на который мы опоздали? – спросил я.
– Невелик праздник, если жених не то что невесту, а полный рог поднять не может, – буркнул Хрёрек. И я воздержался от дальнейших расспросов.

За накрытым столом сидело семеро мужчин боевого вида. Двоих я знал: Сигвада и еще одного, но не помнил, как его зовут. Остальных видел впервые. Семеро мужчин и одна женщина. Когда конунг вошел, мужчины встали. Женщина осталась сидеть.

Шумной толпой ввалились мои, возглавляемые Харрой.
Начался процесс представления.
Я начал с Хавгрима Палицы. Объявил его как хольда с правом на две доли.

Хрёrek смотрел на него так долго, что даже я пару раз сморгнул. Хавгри姆 даже веком не дрогнул.

– Берсерк, – наконец проворчал Хрёrek. – Ульф за тебя поручился.

– Если надо – я тоже за него поручусь, – гулко, как из бочки, бухнул Палица.

Хрёrek не понял. Насчет моего Волка он был не в курсе.

– Добро.

Что такого компрометирующего пытался высмотреть в глазах Хавгрима конунг, я понятия не имел. Но, видать, не высмотрел.

– Мой сын, – представил я Вихорька. – Ты, конунг, уже с ним знаком, но вряд ли вспомнишь.

Хрёrek прищурился… и выдал:

– Пастушок?

– Точно в око! – засмеялся Медвежонок.

– Воин! – одобрил Хрёrek. И спросил по-словенски: – Отроком ко мне пойдешь?

Вихорёк вопросительно поглядел на меня.

– Отрок – это наш дрёнг? – уточнил я.

– Вроде того.

– У меня он – хускарл.

Тут я серьёзно преувеличил, но почему бы не отжать для сына лучшие условия?

– Проверим, – серьезно ответил Хрёrek. – А эти молодые? – Он показал на Хавура и Тови.

– Дренги мои.

– Проверим.

– Меня тоже проверишь, конунг? – поинтересовался Гуннар Гагара.

– Как-то ты отощал, норег, – ухмыльнулся Хрёrek. – Кормит тебя плохо Ульф-хёвдинг?

– Если ты о мясе, то да, не очень кормит, – в свою очередь ухмыльнулся мой норег. – Всё больше золото да серебро.

– Был у меня родич, – сказал Хрёrek, – тоже из Инглингов, и тоже норег, как ты. Хальфдан-конунг. Его так и звали: Щедрый На Золото И Скупой На Еду. Раньше ничего такого я за тобой не замечал, Ульф Хвити.

– Это не я, – тут же ускользнул я от ответственности. – Провиантом ведает мой брат.

– Этот норег просто слишком много жрет! – заявил Свартхёвди. – Зря, что ли, его Гагарой зовут!

– Стюрмир!

– Конунг!

Они обнялись.

Не удивительно. Когда я пришел к Хрёrekу, тот именно Стюрмиру поручил проверить, чего я стою. И Стюрмир уже тогда был хускарлом. Не в один вик они с Хрёrekом ходили вместе.

– А это, – сказал я, – мой хускарл и скальд Тьёдар Певец. Хороший воин, но сразу предупреждаю: если он еще раз исполнит при мне драпу о Волке и Медведе, я могу его убить!

– Пой, Тьёдар, не бойся! – тут же заявил Медвежонок. – Я подержу брата, пока ты споешь, и еще немного, чтобы ты успел отбежать подальше. Бегает мой брат скверно, так что вряд ли догонит. Этой драпой, – пояснил конунгу побратим, – певец когда-то купил жизнь. Свою. У меня.

– Тогда я непременно желаю ее выслушать! – заявил Хрёrek. – Это должно быть что-то особенное, ведь, насколько я помню, раньше ты стихами не интересовался.

– Так раньше про меня никто стихов и не сочинял! – парировал Медвежонок.

Остались еще Скиди и отец Бернар, но последний со мной на службу конунгу не записывался. Он – сам по себе, на нашем внутреннем довольствии, а двух «цветных» братьев я оставил на кораблях. Заодно и за трэлями присмотреть, в чем им должны были помочь Быська и Квашак.

Пленного лопоухого воришку приволокли с собой. Предъявили Хрёrekу. Тот в очередной раз подтвердил свои знания полиглotta: заговорил с лопоухим на его языке, выслушал сбивчивый рассказ, рявкнул строго и указал на меня. Лопоухий сник, а конунг сообщил уже по-словенски:

– Он – чудин. Вину свою признал полностью. Просит отпустить под честное слово за выкупом. Я бы отпустил, но решать – тебе.

– Да пусть так бежит, – проявил я щедрость. – Украсть он ничего не смог, а страху и так натерпелся.

– Не пойдет! – отрезал Хрёrek. – Урок должен быть. Ты теперь – мой, значит, я сам назначу выкуп, и пусть отправляется. Они – люди честные по-своему. Вернется и принесет.

Перевел лопоухому. Тот засиял от счастья, бухнулся на колени, стукнул лбом об пол, потом вскочил и умчался.

– А это – жена моя Светозара Гостомысловна, – наконец-то представил конунг восседавшую во главе стола женщину.

Светозара красотой не блистала, но была вполне миловидна. Насколько можно было судить, учитывая нацепленную на нее одежду и украшения, а также гигантский головной убор, в котором она была сделана

небольшая прорезь для румяного личика.

Я с подобающими жестами поднес ей отрез ткани, предназначенный для Гостомысловой родни. А вот кинжал пока приберег. И не зря. Не успели мы опрокинуть и пары чаш, как в наш уютный мир ворвался Гостомысл. Со свитой.

За те три с хвостиком года, что я его не видел, князь Ладожский заметно поседел и обрюзг. Судя по нездоровой желтизне, его мучила какая-то внутренняя болезнь. Но голос у князя был по-прежнему зычный.

– Что это за люди? – крикнул он прямо с порога.

Как невежливо, однако. Но Хрёrek и бровью не повел.

– Прошу за стол, отец, – произнес он вполне добродушно. – Подними с нами чару, и я представлю тебе моих людей. Да ты, может, и сам вспомнишь. Кое-кто из них не раз бывал у тебя в гостях.

Гостомысл, насупясь, оглядел нас, зацепился за Стюмира, потом за Медвежонка... Меня он не помнил.

– Садись, отец! – настаивал Хрёrek, перейдя на скандинавский. – И люди твои пусть присаживаются, места хватит. Всё узнаешь, не сомневайся. И песню добрую услышишь. Это вот хёвдинг мой, Ульф Свити, и привел он с собой скальда, что у конунга данов за столом не раз пел.

– И у многих других конунгов! – спесиво заявил Тьёдар. – Нигде без подарка не оставался!

Кстати, о подарках.

– Позволь, князь, вручить тебе подарок небольшой, что привез я из дальних стран, где кожа у людей чернее, чем нос у собаки! – солидно произнес я по-словенски и с поклоном протянул Гостомыслу кинжал.

Тот принял, оглядел придирчиво, прощедил:

– Работа хороша, вижу. А хорош ли в бою?

«Да неужели ты еще сам в бой ходишь?» – мысленно усомнился я. Видок у князя был не слишком боевой. Ну да я его не знаю. Может, и ходит.

– Свартхёвди, покажи, – попросил я.

Медвежонок принял у Гостомысла, ухмыльнулся... И вдруг со страшной силой метнул в щит одного из Гостомысловых стражей. Тот даже дернуться не успел. Бам! – и из верхнего края щита торчит вошедший в него на две трети кинжал.

Я поглядел на ошеломленного бойца. На роже было написано: на пядь бы выше – и мне триндец!

– Щит князю покажи! – рявкнул я.

Вот что значит командный голос. Боец даже не задумался о том, могу

ли я отдавать ему приказания. Подошел и показал.

Кинжал пробил кожу и расщепил доску основы. Отличный бросок. Я на такой не способен, потому и попросил Свартхёвди.

Гостомысл без труда извлек оружие, оглядел придирчиво, улыбнулся:
– Доброе железо!

Я бы сказал: превосходная сталь, но князей не поправляют.

Дело налаживалось. Хрёrek уступил князю собственное место, сам занял место жены, а той подали третье кресло. А вот людям князя пришлось устраиваться подальше. После нас. Я бы, может, и уступил, но поймал взгляд Хрёрека и чуть заметное движение головы и знаком показал своим: не вставать. Тем более что люди конунга по другую сторону стола тоже не оторвали задниц от скамьи.

Пришлось Гостомысловым близжникам, или кто там с ним пришел, пристраиваться за моими дренгами.

Выпили за здравие Гостомысла. Закусили. Выпили за здравие князя Рюрика. Закусили. Выпили за здравие княгини и ее благополучное разрешение от бремени. Закусили. Выпили и закусили просто так.

И только после этого Хрёrek очень вежливо попросил меня поведать о том, как подло напал на нас эстский работоговец.

Я поведал. Упирая на то, что только полный идиот может напасть на таких, как мы, не имея численного перевеса хотя бы впятеро. О берсерках не упомянул.

Гостомысл поинтересовался, есть ли свидетели?

«Какие свидетели?» – удивился я. Мы, даны, когда начинаем убивать, то не успокоимся, пока не укокошим всех врагов. Рабов мы, конечно, не тронули, но у нас как-то не принято принимать свидетельства рабов. Правда, вспомнил я, есть и один свободный. Я освободил его, потому что знал, что это – свободный человек. Его отец когда-то оказал мне гостеприимство, а я добро помню. И вообще у нас на Сёлунде если кто-то без должного основания обратит человека в рабство, то, если об этом узнают, наказание будет сурово. Не знал, что здесь, на земле Гостомысла, – иначе.

– Ты слишком хорошо говоришь на нашем языке для дана! – заявил князь в ответ на претензию в негуманности.

– Я некоторое время жил там, где говорят на вашем языке, – сказал я, переходя на скандинавский, который, как я понял, Гостомысл понимал отлично. – А на Сёлунде у меня земля, дом, жена и много работников. Я – не бедный человек и славы немалой (хвастаться здесь принято, это норма), и с Рагнаром-конунгом в дружбе, но Хрёrek-конунг дорог мне, и я услыхал,

что ему нужны верные люди. И вот я здесь.

Отличная речь, как мне показалось.

Хрёrek одобрительно кивнул.

– Что за человек, которого сделали рабом? – спросил Гостомысл.

Я рассказал о Квашаке. И о том, что сделали люди князя Водимира с его семьей.

– Этот человек – здесь? – резко спросил Хрёrek.

– Да, – четко ответил я. – Послать за ним?

Конунг знал мой ответ и видел Квашака. Следовательно, вопрос задан для Гостомысла. И тот линию уловил.

– Эти люди не были моими данниками, – проворчал он.

– Но они не были и данниками Водимира! – заявил Хрёrek.

– Я не могу защищать тех, кто не мой! – возразил Гостомысл, и я понял, что спор этот возник не сегодня.

– Люди, которых Водимир делает своими холопами, и люди, которых он продает эстам, свободные люди! – не сдавался конунг. – Раньше они торговали с нами, мы богатели и становились сильнее. Теперь сильнее становится Водимир. Если не дать ему укорот, то придет день, когда он явится сюда и сделает своими холопами нас!

– Так уж и холопами, – пробормотал Гостомысл.

Он не хотел спорить. И драться он тоже не хотел. И еще я видел: у него что-то болит внутри, и боль эта мешает князю думать.

– Ты говорил, что твой скальд хороший, – сменил тему Гостомысл. – Пусть он споет нам. Я давно не слышал ваших сказителей.

Тьёдар тут же полез за своей музыкальной доской, а я сжал кулаки и постарался притупить слух. Драпа о Волке и Медведе. Убил бы!

Ну да, всем понравилось. Как всегда. Мои бойцы так даже подпевали. Медвежонок прям-таки источал самодовольство.

«Это я! Я! Это всё про меня!» – было написано на его квадратной физиономии.

Тьёдара поощрили. Кубок поднесли, Гостомысл колечко подарили. Потребовали «на бис!».

Но скальд двинулся дальше.

– Новая драпа! – провозгласил он. – О величайших героях, которые вдесятером встали против целого войска Мьёра-ярла из Сконе, причем одной из десятерых была женщина-воитель, прекрасная Гудрун, дочь Сварё Медведя.

Ого! Этого даже я не слышал. И уже не экспромт – серьезная работа.

Впрочем, стиль Тьёдара остался прежним. Неумеренные преувеличения. Еще более неумеренные, потому что у скальда появилась возможность вплести в повествование себя. Надо ли говорить, что мы все убивали врагов десятками, а Гудрун по собственной инициативе вступила в бой с Мье́ром-ярлом и двумя его лучшими воинами и прикончила всех троих. Медвежонок поначалу хмурился – его в драпе не было. Но появился и он. Как раз когда разъяренные гибелью ярла от руки женщины хирдманы Мье́ра навалились на нас с особенной яростью. И тут – явление Свартхёвди Медвежонка во всей красе. То есть где щитом взмахнет – там проплешина и трупы штабелем, где клинком хлестнет, там просека на двадцать шагов, а отрубленные головы и конечности – во все стороны.

– Я знал Мье́ра-ярла, – сказал Хрёrek, когда похвалы скальду начали стихать. – Твоя жена действительно убила его?

– Да, – сказал я. – Всадила ему меч в живот. И одного хускарла Мье́рова тоже убила, а вот третий убил бы ее, но, слава богам, одна из моих рабынь-англичанок помогла: разрубила ему шею топором.

– Выходит, твой скальд правду спел, – пробормотал конунг. – Надо же, Мье́ра-ярла убила женщина! Хотя кто еще мог родиться от крови Сваре и Рунгерд? Только валькирия. Хотел бы я на нее взглянуть. Почему ты не привез такую воительницу с собой, Ульф?

– Эта воительница во время того боя потеряла ребенка, – сказал я. – А сейчас носит второго! Хватит с меня таких геройств!

– Я тебя понимаю, – кивнул конунг. – Жаль, что я не был на вашей свадьбе. Но подарок ей ты от меня отвезешь. Потом. Когда отправишься домой. Или, может, ты решишь поселиться здесь? Я получил от Гостомысла земли в приданое. Могу выделить тебе добрый надел.

– Отказываться не стану, – ответил я. – Но пока – не заработал.

– Коли так, то у меня есть для тебя поручение, – сказал Хрёrek.

– Только для меня?

– Для всех вас, – он кивнул на «нашу» часть стола.

– Слушаю тебя, конунг.

– Князь, – поправил меня Хрёrek. – Князь Рюрик, так меня здесь зовут.

– Думаешь, Рагнарсоны...

– Рюрик, – с нажимом произнес человек, называвший себя природным Инглингом. – Князь Рюрик.

Ладно, мне нетрудно. Хотя не думаю, что, если Сигурд докопается до того, кто схитил его драккар, новое имя съебет его с толку.

– Корабль, который ты взял у эста, я у тебя куплю, – сообщил Хрёrek. – Цену скажу позже, после осмотра. А за рабов, которых ты

привез, я могу заплатить прямо сейчас. Скажем... Полмарки за голову.

Маловато, конечно. В Роскилле они стоили бы вдвое, а в Бирке – еще дороже. Но я же не собираюсь ими торговать.

– Добро.

– Погоди, побратим, – у Медвежонка нюх на такие разговоры. – Конунг...

– Князь! – снова напомнил Хрёrek. – Рюрик.

– Можно ты пока останешься для меня конунгом? – попросил Свартхёвди. – Это ваше «Кнес» мне не выговорить. Мой брат, он очень добрый и очень щедрый, ты знаешь.

– Допустим, – согласился Хрёrek.

– Но еще есть я, которому приходится быть жадным и жестоким, чтобы наш род совсем не обнищал.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что о цене корабля со мной будешь говорить. И учти: это очень хороший корабль. Крепкий и чистый. Один только его парус стоит...

– Довольно! – махнул рукой Хрёrek. – Я тебя понял, сын Сваре Медведя. Но полной цены ты от меня всё равно не получишь. Я знаю, что у вас не хватит рук на два корабля, так что продавать его вам придется. Не понравится моя цена – ищи других покупателей. Но сначала я должен на него взглянуть. А теперь...

– Я не закончил, конунг! – не слишком вежливо перебил Хрёreka Медвежонок. – О корабле мы поговорим позже. Но кое-что я хочу обсудить прямо сейчас.

– Говори, – буркнул Хрёrek, не скрывая недовольства. Почем я, что мой побратим собирается залезть к нему в кошель.

И не ошибся.

– Ты хочешь, чтоб мы потрудились для тебя, верно?

– Это было предложение Ульфа. Ты против?

– Нет. Но я хочу знать, что ты нам дашь за службу?

– Землю? – предложил ярл.

– Земля – это неплохо. Земля здесь богатая, но ты – не конунг всех словен. И кто-то может позариться на то, что ты дал.

– А разве у тебя больше нет меча, Свартхёвди Сваресон? – поднял бровь Хрёrek.

– А разве земля, которую я взял и обороняю собственным мечом, может считаться жалованной?

Вид у Медвежонка простецкий, но законы он знает и торговаться умеет так, что мне до этого уровня никогда не подняться.

— Чего ты хочешь, прямо говори! — потребовал Хрёrek.

— Пища! — заявил Медвежонок. — Столько, чтобы хватило нам всем, даже Гагаре.

— Место за моим столом для тебя всегда найдется, Медвежонок. Даже если ты не станешь мне служить.

— Благодарю. Но я — не один. И если нам потребуется ходить посуху или по воде, твой стол может оказаться слишком далеко. Пища на всё время, что мы тебе служим. Лошади и ремонт для кораблей, если потребуется. Еще за это лето ты заплатишь нам сорок марок серебром.

— Раньше ты не просил платы за то, что ходил на моем драккаре, — нахмурился Хрёrek.

— Раньше это был твой драккар и ты был вместе с нами, — напомнил Медвежонок. — Я попрошу богов за тебя, конунг (на этот раз Хрёrek не стал его поправлять), за то, чтобы ты снова вел нас на врагов. И когда это случится, мы по-прежнему будем просить лишь положенную долю добытого, верно, Ульф? (Я кивнул.) Но пока мы без тебя будем брать кровь *твоих* врагов и оборонять *твои* земли, — с нажимом произнес Медвежонок, — то было бы справедливо получать за это плату.

— Что ж, — подумав, согласился Хрёrek. — Да, это справедливо. Но так же справедливо будет отдавать мне десятую долю добычи, которую ты возьмешь на *моих* врагах, кормясь за *моим* столом.

— И это справедливо, — Медвежонок ухмыльнулся. — А еще я предпочел бы все лето жить у тебя в доме, пить твое пиво и слушать скальдов.

— Даже и не надейся! — усмехнулся Хрёrek. — За то серебро, что ты получишь от меня за службу, тебе придется побегать.

— Мы, Медведи, бегать не любим, — проворчал Свартхёвди. — Хотя и умеем.

— Да, — согласился Хрёrek. — Вы любите есть и спать.

— Не только это, — возразил Медвежонок. — Еще мы любим убивать! Верно, брат?

— Лично я убивать не люблю, — заявил я. — Хотя и умею. Если вы обсудили важное, то можно перейти и к пустякам. Ты хочешь купить у нас рабов, князь. Я понял. Но это не всё, верно?

— Да. Не всё. С этими рабами поговорят мои люди. Если окажется, что воины Водимира увезли их с ближайших земель, где раньше они были свободными, то я верну им свободу. И дам землю в аренду. Но с условием: они станут моими данниками.

— Что ж, это лучше, чем быть бесправным трэлем в чужом доме, — одобрил Медвежонок. — Но кто помешает хирдманам Водимира снова

увести их и продать? Теперь уже – с твоей земли?
– Вы, – ответил князь.

Глава 7

Старый должок

Немного поразмыслив, я решил, что к месту назначения мы пойдем пешком, минуя город Водимира. Я не хотел раньше времени оказаться на подконтрольной противнику территории. Я договорился с Хрёром, что его люди подбросят нас вверх по Волхову до нужного места и помогут с лошадьми. Ташить на горбу провизию для себя и наших подопечных я не собирался.

Как только из княжьей казны нам были выделены деньги на закупку провизии и прочие расходы, мы всей толпой отправились на местный рынок.

Курировали торговые ряды люди Гостомысла, однако к нам они отнеслись с подчеркнутым уважением. Маленькие трения между нами были улажены, когда на следующий день после совместной княжьей пирушки я не поленился навестить Бобрёнка. Того уже просветили, насколько я крут, и когда я сделал ему маленький подарок, отделанный серебром рог, Бобрёнок был польщен. И отдаился, как положено – то есть штуковиной подороже, – луком явно неместной работы в чехле из красного сафьяна. Красный налуч – это понты, годные исключительно для парадного выхода, но сам лук был хорош. За такой в Роскилле предложили бы марку серебром как минимум.

Впрочем, сам факт посещения мной, вождем нурманов, как нас здесь называли, такого сосунка, как Бобрёнок, поднимал авторитет последнего сразу на несколько пунктов. А денежки у паренька водились. Его тесть Бобр – местный олигарх. И не просто купчина первой руки, а бывалый вояка и чуть ли не правая рука самого Гостомысла.

Рынок в Ладоге-Альдейгье – огромный. Ничуть не меньше, чем в Роскилле. А вот цены куда скромнее. Основная местная «монета» – цветные стеклянные бусины, которые отливают тут же, во дворе Гостомысла. За горсть таких бусин можно купить связку беличьих или куных шкурок, стоящих у нас никак не меньше десяти-двадцати граммов плавленого серебра. Впрочем, за серебро тоже продавали. И намного охотнее. Но платили им – редко. Местная система была довольно-таки грабительская. Люди Гостомысла меняли товары местных жителей на бусины и продавали за реальные деньги, всячески препятствуя прямой

торговле и не подпуская импортных купцов к производителям.

Однако мы были уже местные и нам было можно.

Медвежонок решил не торопиться. Он резонно предположил, что в глубинке цены еще ниже, а при случае можно и бесплатно взять. А ведь мы как раз в глубинку и собирались. Так что провиант – исключительно на ближайшее время.

Так, а это еще что за скопление народа? И почему такой смущенный вид у парочки местных стражников?

– Пойдем-ка глянем, брат, – предложил я Медвежонку, и мы всей толпой отправились поглядеть, что там за представление. Может, скоморохи пляшут или еще какое диво?

Нет, не скоморохи. В центре толпы – плечистый мужик в качественном воинском прикиде.

Вещает громко, поза важная, смотрится солидно. Куда солиднее Гостомысловых отроков, коим вверено поддержание порядка на рынке. Кольчужка у мужика вороненая, пояс с золотыми бляшками, красный камешек на оголовье меча.

Ба! А ведь знакомое лицо! И прикид тоже знакомый. Сколько лет прошло, а помню эту сволочь.

Я смотрел на наглую рожу с заплетенными в косички усами и понемногу зверел. Именно эта гадина два года назад отвела меня к своему князю, где меня форменным образом ограбили.

Что интересно: в то время мне казалось – мужик действительно крут. А теперь вижу – понты. Кольчужка, вороненая для понту, в один слой и плетение не ахти. Меч с гранатом на изголовье, но уже по рукояти видно: местного производства. Гринва на шее – серебряная, а не золотая, как у меня. А браслетов желтого металла, по которым враз опознается в этом мире серьезный человек, и вовсе ни одного.

Но вещает важно, и простой народ, в большинстве Гостомысловы данники, внимает почтительно.

– Ты чего? – поинтересовался Свартхёвди.

– Знакомого встретил, – процелил я. – Схожу поздороваюсь.

Подошел. Со спины. Остановился. Косичкоусый меня заметил боковым, но не отреагировал. Ну, еще один нурман, эка невидаль. И продолжал окучивать мирян. Смысл речи: подрыв ладожской экономики. Мол, здесь не торговля, а чистый отстой. Ни цен правильных, ни товаров стоящих. Другое дело, если князю Водимиру шкурки сдавать. Вот там и цена настоящая, и деньги настоящие, а не глупые бусины.

В чистом виде вражья агитация против действующей власти.

Интересно, почему стражники не вмешиваются? Боятся или покуплены?

Нет, насчет бусин, которые ладожские купцы народу вместо доброго серебра впаривают, он, конечно, прав. Но ведь не заставляет никто. Не хочешь – не бери. И за эти же бусины можно здесь и утварь купить, и железки полезные для сельского хозяйства.

А этот гад Водимиров, выходит, приперся к нам на торг клиентов отбивать и за свободу проповедовать. И это при том, что его коллеги по военной партии вообще свободных в рабов превращают.

Я легонько похлопал косичкоусого по железному плечу.

Водимиров гриденъ обернулся, глянул надменно...

– Что надо, нурман?

Спокойно спросил. Без наезда. Разбирается, однако. Прочитал, небось, по моей одежке и происхождение, и социальный статус.

– Узнаешь меня?

Задумался. Даже лоб наморщил... Нет, не получается. Ладно, подскажем.

– Прошлой осенью ты привел меня к своему князю. Ну, вспомнил?

Ага, есть проблеск сознания... И сразу наглая такая ухмылочка:

– Ешь тя опарыш! Голожопый вояка!

Зря он это сказал. Дурак.

Смерды дунули в разные стороны, а косичкоусый мешком осел на землю.

В рукопашке я – не очень. Но в челюсть пробить с такой дистанции – никаких проблем. Эк он легко вырубился! Двинь я так тому же Медвежонку, он бы даже не поплыл.

– Что он тебе сказал? – на этот раз проявил любопытство Стюрмир.

– Сказал, что я – голожопый воин, – честно перевел я.

Стюрмир поглядел на вырубленного с уважением.

– Храбрец! Что теперь, убьешь его?

– Пока воздержусь. Он – из хирда ярла Водимира.

Ага! А косичкоусый у нас не один, оказывается. Имеется и группа прикрытия. Аж два полноразмерных бойца на выручку кинулись. Теперь понятно, почему Гостомысловы отроки пропаганду не пресекали. Эти-то покруче будут.

Были. До тех пор, пока на моих не наткнулись.

Вот так-то. Зубки щерят, но в драку не лезут. Очко-то – не казенное, свое.

– Ярла Водимира? Того самого, что когда-то у тебя оружие и доспех

отнял? – уточнил Стюрмир.

Память у викингов – идеальная.

– Этот меня к Водимиру и привел, – сказал я, легонько пихнув косичкоусого ногой. Тот пришел в себя, завозился…

– А что за история? – поинтересовался Гуннар Гагара.

– Грустная, – ответил я. – Два года назад привели меня во двор к местному князю и отняли все, что на мне было. Ну и что в кошеле было, тоже.

– Это же настоящий разбой! – воскликнул Гуннар. – И ты отдал?

– А что делать, если тебя дюжина лучников на прицеле держит?

– Я бы дрался! – заявил Стюрмир.

– Ну и убили бы тебя. И всё равно добро забрали. Разве что кольчугу им потом чинить бы пришлось, а так – то же самое.

– Кабы меня убили, Хрёrek потом этого ярла в землю по самую жопу вбил! – рыкнул Стюрмир. – Головой вниз!

– То – тебя, а я тогда один был. Мстить некому было, – напомнил я. – Так что я выбрал жизнь, дружище. Живой, он может вернуться и отомстить, а вот мертвый – вряд ли.

– Разумно, – одобрил Гагара. – А что с этим делать будем? – Он тоже пихнул ногой косичкоусого, который как раз начал подавать признаки жизни: попытался встать на четвереньки. Знатно я его всё же нокаутировал. Сам не ожидал.

– Для начала разоружим, – я наклонился и избавил Водимира дружинника от боевого пояса. – Скиди, Вихорёк, избавьте птичку от пестрых перышек. Приподними-ка его, Хавур…

Через несколько минут косичкоусый стоял перед нами голый, как лягушка, если не считать волосяного покрова и татушек.

Группа прикрытия только глазками сверкала. Препятствовать не смела. У них на пути стояли Хавгрим, Стюрмир и Свартхёвди. С оч-чень характерными выражениями лиц.

Один Водимиров опричник, правда, кинулся к стражникам и принялся на них орать…

Но те только ухмылялись и плечами пожимали. Мол, сами разбирайтесь. Вы крутые, а мы – люди подневольные. Никого ж не убили, правда?

Да, так и есть. Косичкоусого не убили. Но было ему неуютно. Как физически, так и морально. Любой почувствовал бы себя не в своей тарелке, оказавшись голышом в общественном месте. Особенно, когда рядом – вооруженные до зубов громилы, одного из которых ты когда-то

ограбил и унизил. Причем публично.

Публики между тем прибавилось. Но вмешиваться никто не собирался. Это ж кем надо быть, чтобы попытаться воспрепятствовать произволу вооруженных викингов, да еще из дружины княжьего зятя? Отвечу: полным кретином надо быть.

– Ты что творишь, нурман? – прорычал голожопый агитатор за свободу торговли.

– Должок возвращаю, – я улыбнулся. – Помнишь, князь твой добро мое отнял?

– Водимир – в своем праве был!

– Ага, – согласился я. – Право силы называется. А теперь я – в своем праве.

– Я пойду к Гостомыслу! – заявил косичкоусый, стараясь держаться с достоинством.

– К Гостомыслу он собирается, жаловаться, – сообщил я друзьям.

Викинги дружно заржали. Даже в толпе кое-кто захихикал.

– Боюсь, не получится, – вздохнул я. – Такого голожопого вояку Гостомыслова дворня метлами прочь погонит.

– Отдай мне мое! – Косичкоусый рванулся к кучке своего добра, но запнулся о ногу Скиди и шмякнулся оземь. Руки, правда, успел подставить (воин всё-таки), встать я ему не позволил. Наступил на загривок.

– Твои здесь только вши у тебя в лобковой шерсти, – произнес я ласково. – Тебе повезло, голожопый. Сегодня я добрый. Так что – беги, – я убрал ногу. – И беги быстро! Или, может, ты сначала хочешь деръма поесть? – Я показал носком сапога на подсохшую кучку экскрементов в метре от гриднева носа.

Косичкоусый вскочил на ноги. Глаза его метали молнии. Это радовало. Во всяком случае он – не трус. Значит, запомнит, вернется и даст мне повод еще разок вываливать себя в деръме.

Неизвестно, что бы еще заявил Водимиров друдинник, но тут Свартхёвди достал нож.

– Ульф, можно я ему детородные органы отрежу? – спросил он, хищно улыбаясь. – Тот, кто ограбил моего брата, не должен оставить потомства.

Шутка. Или – не шутка.

– Дети у тебя есть? – спросил я голожопого. – А то мой брат хочет тебе срам отрезать. На память.

Косичкоусый поглядел на Медвежонка. И ничуть не усомнился в серьезности его намерений.

– Беги! – посоветовал я. – Если он тебя схватит, попрощайся с яйцами.

Ух он и дернул! Быстрее, чем я когда-то удирал от отроков Водимира. Группа поддержки припустила следом, но сразу отстала. Косичкоусый мчал налегке, и стимул для бега у него серьезный.

– Трус, – презрительно заявил Скиди.

– А что б ты сделал на его месте? – спросил Тови Тюлень.

– Забрал бы у тебя, увальня, меч и дрался!

– И убили бы тебя враз!

– Зато умер бы как воин, а не улепетывал, как трэль! – Скиди щелкнул дренга по носу.

– Весело было, – резюмировал Свартхёвди. – Забирай свое добро, Ульф, и пошли пиво пить.

– А припасы? – спросил я.

– Скиди купит.

– Так он по-здашнему не говорит.

– Виги говорит. Пошли, брат. Харра место показал, где доброе пиво варят. Почти как наше.

Глава 8

Прочь из Ладоги!

Бочонок пива нам поставили – от заведения. Хозяин харчевни был когда-то обижен людьми Водимира и очень сожалел, что не видел, как Водимиров десятник сверкал голой задницей.

И судя по реакции других посетителей, Водимира и его присных здесь не жалуют. Так почему же терпят?

Скоро я узнал, почему. Сам Гостомысл мне поведал.

– Зачем ты приказал своему человеку это сделать? – заявил князь Хрёrekу. – Такого Задорей не простит. И его князь – тоже.

Задорей. Надо же. Хотя... Задорей Голожопый. А что? Звучит.

Последнюю фразу я произнес вслух.

Заржали не только наши, но и бойцы, сопровождавшие Гостомысла.

– Он шутит! – сердито мотнул в мою сторону головой Гостомысл. И уже мне: – А знаешь ли ты, Ульф Свити, что у твоего князя нынче лишь пять десятков воинов, не считая тех, что привел ты. И у меня – под сотню. А у Водимира – одной лишь личной дружины три большие сотни. И у его союзников – вдвое от того.

Ого! Приличное войско по здешним меркам.

– Зато воины очень храбрые. И проворные. Особенно с голой жопой, – заявил я, вызвав очередной взрыв смеха. – Видят боги: я так испуган. Гляди, князь, как у меня руки трясутся!

Народ опять заржал.

– Да уж! Славно ты его победил! – желчно процедил Гостомысл. – Сколько вас было? Десять? А он – один!

– Их было трое, – уточнил Свартхёвди. – И он оскорбил моего брата. А брат мой, как всегда, проявил неуместную доброту. Если бы Голожопый оскорбил меня, я бы его убил. И тех двоих. И стало бы у Водимира-конунга на трех людей меньше. Что в этом плохого?

– А если он придет сюда? – воскликнул Гостомысл. – Что ты тогда скажешь?

– Я говорить не буду, – Медвежонок потянулся, хрустнув суставами. – Я буду убивать.

– Их три больших сотни, а то и больше!

– Ну и что? – удивился Свартхёвди. – Ты слышал вчера, что о нас пел скальд? Так вот знай: скальды обычно привирают, но на этот раз он пел чистую правду. Нам не впервой драться малым числом против целого хирда. И посмотри на меня, конунг: что ты видишь? – Свартхёвди подбоченился.

– Я вижу того, кто ищет смерти! – заявил Гостомысл. – Так вот – я ее не ищу! И я должен защищать своих людей, дан! Всех! Смердов, женщин, детей! Ты не понимаешь!

– Это ты не понимаешь, конунг. – Свартхёвди поскреб грудь. – Я не ищу смерти. Я есть смерть.

Хавгрим Палица одобрительно хмыкнул. Но Гостомысл не впечатлился:

– Рюрик! Что ты молчишь? Это твой человек!

– Мой, – согласился Хрёrek. – И я думаю: он прав. Водимира надо остановить. Сам же видишь, отец, Водимир с каждым годом становится сильнее. А когда он достроит свой новый град, то никто больше не сможет пройти мимо него в южные земли. И что тогда будет с нашей Ладогой, если без разрешения Водимира никто не сможет ходить туда, где можно продавать дороже, а покупать – дешевле? И вспомни, что рассказал вчера Ульф Свити. Люди Водимира примучивают новых данников. И скоро доберутся до наших. Меря и чудь, дикие племена, которые раньше платили дань тебе... Думаешь, осенью они снова принесут тебе шкурки и рыбью кость?

– Принесут. А если нет, то твои варяги их заставят!

– Моих варягов сорок человек, – сказал Хрёrek. – И настоящих воинов, таких, как он, – кивок на Медвежонка, – среди них не больше десятка. Остальные тоже станут добрыми дружиинниками, но не сегодня. И не в этом году.

– И ты, выходит, считаешь, что мы справимся с Водимиром, если он осерчает?

– А зачем ему серчать? – удивился Хрёrek. – Это он становится сильнее, а не мы с тобой. Ему достаточно достроить свой город и немного подождать. Год-два... И ты, Гостомысл, придешь и поклонишься ему в ноги. Без всякой браны.

– Тому не бывать! – отрезал князь.

– Значит, это придется сделать мне, как младшему среди нас, – спокойно произнес Хрёrek. – Иначе он заберет нашу Ладогу и посадит своего сына в твоем тереме.

Я изумленно глядел на Хрёreka! Он – и вдруг такие слова!

– Что ты предлагаешь? Позвать твоих родичей-данов, как я позвал тебя?

– Мои родичи-даны не придут, – сказал Хрёrek. – А если придут, то это будут такие родичи, что похоже Водимира.

Уж точно! Я бы предпочел сразиться с дюжиной Водимиров, чем с любым из Рагнарсонов.

– Собирай дружину, где хочешь, Рюрик! – заявил Гостомысл. – Нужны деньги – я дам. Но поторопись. Сам сказал: у нас есть два года, вот и не теряй времени. И не задирай людей Водимира, иначе он придет и сделает то, чем ты меня пугал, прямо сейчас.

Развернулся и ушел.

Хрёrek вздохнул.

– Стареет князь, – пробормотал он по-скандинавски. – Когда уходит сила, приходит страх. Уж я-то знаю.

– Прости, конунг, я не подумал, когда поучил этого... Задорея.

– Ты всё правильно сделал. Вот если бы ты его убил, тогда худо. Но ты его опозорил. И его самого, и его князя. Люди, которые это видели, разъедутся по домам и станут рассказывать, как старший гридень Водимира удирал с рынка с голой задницей. Может, они и не рискнут смеяться ему в лицо, но за спиной точно будут хихикать. Смех убивает славу не хуже меча. Я рад, что ты здесь, Ульф Свити! Но я хочу, чтобы ты не тянул с отправлением. Не знаю, может, Задорей... хм... Голожопый не захочет жить с такой обидой, а захочет вызвать тебя на хольмганг...

– Отлично! – одобрил я. – Тогда он умрет.

– Ульф, ты меня не понял. Мне не нужен мертвый Задорей. Мне нужен человек Водимира, который удирал не только без оружия, но и без штанов при всем честном народе. Так что собирайся, хёвдинг, и убирайся из Ладоги. Если тебе что-то нужно для похода, возьмешь из моих кладовых. Я скажу Светозаре, чтоб выдала потребное твоему человеку. Медвежонку, да? И велю Харре подготовить насады и лошадей из моей конюшни. Но чтоб после захода солнца ты уже был в пяти милях от Альдейгьи!

– Буду, – обещал я. – А теперь скажи: что я должен делать там, куда иду?

– А то ты сам не знаешь? – удивился Хрёrek. – Раньше там была свободная земля, а теперь – оброчная Водимиру. Я хочу, чтобы эта земля снова стала свободной.

– То есть убить всех, кто Водимиров? – уточнил я.

– Можно и убить, – кивнул Хрёrek. – Тех, кто с оружием. А смердов зачем убивать? Кто будет тогда нам дань платить? Однако зря не рискуй. Ты

мне живой нужен. И хирдманы твои – тоже. Если врагов больше, не нападайте. А то знаю я берсерков! Как перекинутся, так им и сотня хускарлов – нипочем. А ты ведь и сам знаешь: убивают и берсерков.

Конечно, знаю. Сам убивал.

И еще один нюанс:

– Скажи мне, конунг, ты хочешь, чтобы Водимир знал, что его людей убили по твоему приказу? Или пусть сам решает, кто его обидел?

Хрёrek задумался. Серьезный вопрос. Готов ли он не просто показать силу, но и дать понять, что это именно его сила? Ответ может быть жестким.

– Он и так узнает, что это я, – наконец произнес Хрёrek. – Больше некому.

Логично. Есть, конечно, и другие города, другие вожди. Полоцк. Смоленск. Но это зона интересов Ладоги. И Водимира. Открытое нападение требует реакции. Иначе можно потерять авторитет. А догадки, пусть даже обоснованные, можно оставить без немедленного ответа.

Хочет ли Хрёrek спровоцировать недруга?

Нет, не хочет.

– Постарайся не оставить следов, – неохотно проговорил он. – Следов, которые ведут сюда.

Ладно, есть у меня одна идеяка, как направить ищеек на ложный след. Хрёrek – не единственный дан в этом мире. Ладно, поразмыслим на эту тему позже.

– Проводники тебе нужны? – спросил князь.

– Квашака с Быськой возьму, – отказался я. – Они местные. И сам там проходил, кое-что помню.

Правда, в те времена бойцов Водимира там не было.

– Как знаешь. Береги себя, Ульф, на железо грудью не лезь!

– Постараюсь.

Душевным, однако, стал мой конунг. Раньше за ним такой заботы не замечалось. Интересно, это ранение на нем так сказалось или недостаток людей, на которых можно положиться? А может, я не прав, и эта трогательная забота исключительно обо мне?

Ладно, разберемся со временем. Интересно, что же у них там случилось, у берегов Фризии? И как им всё же удалось спереть драккар прямо из-под носа Сигурда Рагнарсона? Ну да узнаю когда-нибудь. Варяги расскажут. А сейчас время не ждет. Рейд по тылам противника – это не по рынку шастать. Продумать хотя бы предварительный план было бы неплохо. Но для этого надо знать хотя бы дислокацию противника. Можно

предположить, что у Водимира есть где-нибудь на озере опорный пункт с небольшим гарнизоном. И вряд ли там больше двух десятков бойцов, потому что со стратегической точки зрения озеро, на котором жил Коваль, просто озеро, и не более. Правда, из него вытекает река, которая впадает в Волхов, а реки и здесь – главные транспортные артерии. Но мало ли здесь озер, из которых что-то вытекает? Вспомнить ту же Карелию или Финляндию, так там озер больше, чем твердых земель. Короче, задача проста. Найти и уничтожить. Как раз то, что моя братва умеет делать лучше всего. Зачистить и пустить слушок, будто мы – это не мы, а совсем другие нехорошие дяденьки.

* * *

Задорей не смог жить с уязвленной честью и уже на следующее утро пришел к Рюрику и потребовал удовлетворения в честном поединке.

И получил ответ: не сегодня.

Обидчик Задорея вчера покинул Ладогу, вполне дружелюбно сообщил князь оскорбленному гридню. И добавил, что ему искренне жаль, что с таким уважаемым человеком (тут князь сделал вид, что пытается спрятать улыбку) обошлись столь неуважительно, но ведь до пролития крови не дошло, верно? Хотя Задорею тоже стоит быть поосторожнее. Среди друзей Ульфа Свити – два берсерка. Знает ли Задорей, кто такие – берсерки? Не знает? Ну, значит, ему повезло. Это ужасные чудовища. Стоит их раздразнить, и они превращаются в бешеных медведей, да еще с оружием в лапах. Вдобавок железо их не берет. Эти звери могли бы разорвать Задорея на куски и сожрать. И что бы тогда делали он, Рюрик, с князем Гостомыслом? Как бы объяснили уважаемому Водимиру гибель его доверенного человека? Но, слава богам, теперь всё хорошо. Он, Рюрик, уже выкупил у Ульфа Свити отнятое имущество Задорея и отправил с верным человеком князю Водимиру. С подобающими извинениями и заверением, что никакой вражды со стороны правителей Ладоги к правителью Старого и Нового градов нет.

Задорей едва не впал в буйство. Его не просто опозорили, но отправили доказательства позора его князю. И никаких сомнений, это нурман Рюрик, ешь его опарыш, сделал это умышленно. И обидчиков отослал тоже он. Чтобы Задорей не смог смыть обиду своей или чужой кровью.

Оскорбленный Задорей поступил невежливо. Молча развернулся и...

И услышал за спиной, как кто-то негромко, но вполне отчетливо произнес:

– Голожопый.

Задорей обернулся так быстро, что усы-косички хлестнули его по щеке, цапнул рукой... но меча на поясе не было, только топор. Меч, по словам нурмана, отправился к Водимиру.

Друдинники Рюрика ухмылялись, и сам проклятый нурман тоже кривил губы в улыбке. Говорят, что он едва не сдох от ран и даже на ложе с молодой женой смог возлечь только прошлой зимой. По этому поводу в дружине Водимира шутили много и обидно. Особенно изоцялся воевода Турбой, который, как говорили, сам к Светозаре сватался еще до Рюрика, но получил от Гостомысла от ворот поворот. Ничего! Дай срок, князь Рюрик, и мы вышибем тебя из Ладоги! Вот тогда и поухмыляешься!

«Чтоб тебе не оставить потомства!» – пожелал князю-нурману Задорей. Молча пожелал. Что бы он сейчас ни сказал, это только подчеркнет его позор. Впору на меч броситься, но ни меча у него нет, ни денег, чтобы купить новый. Всё забрал этот...

Знать бы заранее, как выйдет, Задорей не потащил бы тогда гадину к князю, собственноручно зарубил бы его. На месте. И сейчас зарубил бы, но сбежал, гаденыш! Струси!

– Твой человек вернется! И тогда я возьму его кровь! – нашел наконец подходящие слова Задорей.

– Это боги решат, – спокойно ответил дан. – Я не стану препятствовать вашему поединку.

На этот раз Задорей всё же поклонился. Даже нет, не поклонился: кивнул, как равному. И снова его догнали на пороге чужие слова, сказанные уже в полный голос:

– Напугал ежа голой жопой!

И громкий хохот. В спину. Потому что обернуться – значит принять новые оскорбления, на которые невозможно ответить достойно.

Задорей выбежал из терема соправителя Ладоги, сгорая от стыда и неутоленной ярости. Это было еще омерзительнее, чем когда он бежал с рынка. Тогда страх заглушил стыд, но сейчас страха не было. Вернее, был. Страх погибнуть неотмщенным.

Глава 9

Возвращение к исходному

Четыре с лишним года назад я появился в этом удивительном мире, голый, как новорожденный, и не ведая, куда попал.

За эти годы я пережил больше, чем за всю прежнюю жизнь в цивилизованной эпохе. Я выжил в мире, где смерть – причем насильственная смерть – это обыденность. Для этого мне пришлось научиться убивать лучше тех, кто хотел убить меня. Я пришел в этот мир из жизни, в которой был довольно одинок. Теперь рядом друзья, готовые драться и убивать за меня. Так же, как я – за них. И здесь это не просто оборот речи.

Я здорово изменился за эти годы. Теперь я видел, чувствовал окружающий мир совсем по-другому. Я читал следы зверей и людей, и не просто читал, но привычно вычленял из множества порождаемых жизнью звуков и теней полезные и опасные. Обнаружив в чаще просвет, я больше не тянулся к солнечному местечку, а прежде всего изучал противоположную опушку на предмет засады, и пенье птиц перестало быть звуковой дорожкой летнего леса, а превратилось в индикатор наличия или отсутствия опасности.

Вел нас Квашак. Он прожил здесь всю жизнь, знал тайные тропы, по которым можно и самим пройти, и лошадок провести. Знал и укромные места, где можно встать на ночь.

Тем не менее мы были предельно осторожны. Впереди обязательно пара дозорных. Викинги в таких делах – мастера. Их не видят никто, зато они видят всё сквозь любые заросли.

Часть пути мы срезали, пересекая топи по известным Квашаку проходам, зато удобные для жизни и движения места на всякий случай огибали, чтобы не обнаружить себя прежде времени. Не то чтобы я опасался наткнуться на врага... С врагом как раз просто, хотя, когда у противника вдруг пропадают люди, особенно оружные люди, он начинает беспокоиться. Психологически сложнее с мирными гражданами. Очень не хотелось, чтобы поползли слухи о том, что в окрестностях появился большой вооруженный отряд. А убивать всех встречных подчистую – не мой стиль. Тем более что и Хрёrek рекомендовал щадить потенциальных данников. Как знать: может, это моя будущая вотчина?

А неплохо было бы, кстати. Леса, полные дичи и отличной древесины, озера, столь же обильные рыбой, как здешние чащи – зверьем... Да, здесь было где развернуться. Особенно если сравнить с Данией, где каждая роща, да что там роща, каждый квадратный метр земли непременно имел хозяина. А здесь – свобода! И здесь мне было как-то по-особому хорошо. Может, потому что и впрямь – земля предков. Родина.

Вывел нас Квашак практически идеально – на хутор своего отца.

Опаньки! А здесь, оказывается, жизнь кипит.

– Всем ждать! – распорядился я. – Идем вчетвером: Я, Скиди, Вихорёк и Квашак. И еще Быська, – добавил я, подумав. Присутствие женщины, причем женщины явно свободной и мирной, – успокаивает. А это хорошо в любом случае. Опаски у людей меньше, так что и договариваться легче, и напасть внезапно – тоже.

Новые жители появлению нашей команды, мягко говоря, удивились. И испугались, понятное дело.

– Кто такие? – рявкнул я, надвигаясь на чернобородого мужика, который пятился в ужасе, пока не уперся спиной в поленницу.

Крупный мужик, повыше меня и пошире. Плечищи – как у Квашака. Тоже, небось, кузнец. Однако человек, который умеет ковать железо, не станет противиться тому, кто умеет этим железом убивать. А по мне сразу понятно: воин. Причем воин элитный. И доспехи дорогие, и меч на поясе. А меч – это такая штука, по которой воин и опознается. Топором можно валить лес, с копьем – охотиться, а меч – исключительно чтобы убивать. Людей.

Так что здоровяк только глянул – и сразу врубился: он и его домочадцы – в полной моей власти.

И естественно, что вопрос «Кто такие?» задал не он, живущий здесь, а гость незваный и страшный.

– Князя Водимира рядные^[7] холопы, – пробормотал мужик, вжимаясь в поленницу широченной спиной.

Кто-то из детишек заплакал, но тут же умолк. Видимо, рот закрыли.

– Посмотри на этого человека, холоп, – произнес я, указывая на Квашака. – Это его земля и его дом. Он и его отец построили здесь всё, расчистили эту землю. Здесь всё – его. И даже лодка эта – его, – я кивнул в сторону причала.

– Я же не знал... – пробормотал чернобородый. – Человек князя сказал: будете жить здесь. И отдавать половину всего, что добудете, вырастите и сделаете. Так по ряду.

– Не знал, – согласился я. – Теперь знаешь. Даю тебе срок – до

завтрашнего утра. Если после восхода ты и твои остаются здесь, то тогда ты станешь уже не рядный холоп князя Водимира, а обельный – вот его, – я кивнул на Квашака.

Мужик поглядел на Квашака. Не впечатлился. Но тут его взгляд упал на Скиди...

А Скиди таращился на женщин. Алчно. И Вихорёк тоже. Вот же маньяки. А ведь всего четыре дня назад неплохо гульнули в Ладоге. Да и по дороге, кажется, оба успели попользоваться... Быськиной добротой. Я не возражал, потому что не возражала Быська. Нравилось ей это дело.

В общем, глянул мужик на Скиди – и хищный взгляд потомственного викинга решил дело.

– Я уйду не утром, – решил мужик. – Сейчас. Отпустишь?

– Иди, – разрешил я.

– А можно мне лодку взять? – совсем обнагел мужик.

– Можно, – разрешил я. Квашак хотел возмутиться, но придержал язык. Он знал, кто тут главный. – Можно. Только не эту.

– Так другой же здесь нет! – проявил мужик логику и наблюдательность.

– Значит, пойдете пешком.

Сборы заняли минуты три. Чернобородый и его родня похватали, что под руку подвернулось, и – на выход. Эти люди знали, что такое воины. Чужие воины. Потому-то так и спешили унести ноги, пока я не передумал.

– Эй, хёвдинг, ты что, их отпускаешь? – воскликнул Скиди. – Всех? Даже вон ту, молоденькую?

– Ах, прости! Забыл кое-кого спросить! – прищурился я. – Скажи мне, известный мудростью, могу я отпустить эту девушку?

– Раз ты спрашиваешь, то по мне лучше бы ты оставил ее до утра! – ухмыльнулся Скиди.

– Я вообще-то не у тебя спрашиваю, хускарл, – уточнил я.

– А у кого?

– У того, кого хускарл Скиди прячет в штанах и который нынче думает за хускарла.

Скиди насупился. Но заткнулся.

– Квашак, Быська, разбирайтесь здесь. Начните с обеда: хочу отведать горячего. И поторопитесь, потому что мы уходим.

– Все? – забеспокоился Квашак.

– Не боись, одного не бросим.

Оставил я семерых: Стюрмира, Хавура, Тови, Вихорька, обоих Скегги и отца Бернара. Вихорька я охотно забрал бы с собой, но остальные по-

словенски изъяснялись на уровне малого армейского разговорника.

Старшим назначил Стюмира. Не без тревоги. Слишком простодушен мой друг Стюмир. Потому я постарался как можно четче поставить задачу: проверить округу на предмет людей; в бой ни с кем не вступать без острой необходимости. Вооруженной толпой не маячить. Оружным быть либо в доме, либо в дозорах. Выйдет кто на хутор, постараться выдать себя за простых рабочих парней... Можно пни покорчевать или там сарай поправить... В остальном – по обстоятельствам.

Еще раз повторил: найдете кого – не бейте. Наблюдайте. Я вернусь – разберусь.

Сейчас главное – рекогносцировка. Узнать, где опорный пункт противника, если таковой имеется. Выяснить численность гарнизона и вообще как-то сориентироваться.

Я уже жалел, что отпустил холопа-кузнеца, не расспросив как следует. Поторопился, потому что подозревал: будь со мной рядом Свартхёви, он бы свидетелей в живых не оставил. Спорить со мной не стал бы, но потом тихонечко догнал бы ушедшее семейство и исправил бы ошибку добротолюбивого брата. Плавали, знаем.

С собой я взял обоих берсерков, Тьёдара, Скиди и Гагару. Так надежнее. В таком составе, решил я, мы управимся с любым форпостом Водимира на этой территории.

Глава 10

Разведка на местности

Лодка была небольшая и под грузом нашей компании осела прилично. Не проблема. Вода в озере была ровная, как стол.

Названия у озера не было. Помню, Коваль когда-то называл его Длинным. Чтобы отличить от меньшего, располагавшегося пятью километрами севернее. Вытекавшая из озера река называлась попросту рекой. Или рекой, что течет к городу. А город, к которому она текла, назывался Городом. Или Старым Городом, как его именовали сейчас, чтобы отличить от Нового, который заложил Водимир. Здешним обитателям было достаточно.

Парус мы не ставили. Две пары весел и две пары гребцов, которые соскучились по гребле. Зачем им парус?

А я устроился на носу и вел наблюдение. Озеро было не слишком широкое, но вытянутое и извилистое, так что даже с середины просматривалась лишь часть его. Ближайшим от кузнечного двора селением был хутор некоего Дубишка, на котором я когда-то прошел боевое крещение, попутно спасши самого Дубишка и его семью от местных бандюганов. На берегу, противоположном нашему, раньше никто не жил. Насколько я помнил. Но сейчас в одной из бухточек кто-то строился. Нам помахали. Я тоже помахал. Однако выяснять, что это за люди, не стал. Сначала проведаем знакомцев, которые кое-чем мне обязаны. Память у местных хорошая, как на добро, так и на зло.

Ввалившись к Дубишку всей страшной компанией не говорящих по-словенски викингов я не стал. Взял с собой только Скиди, а остальных высадил неподалеку, предупредив, что могу задержаться. Может и до утра. Как кости лягут.

Скиди по-словенски разумел еще хуже Свартхёвди, потому я на всякий случай велел парню помалкивать. Может, и не догадаются, что нурман. У него ж на лбу не написано, что он – викинг?

За прошедшие годы хутор Дубишка изменился ненамного. Но изменился. И народу прибавилось. Во всяком случае, мужика, который чинил сеть на бережку, я не знал.

Он меня – тоже, потому что сначала схватился за топор...

Но тут же уронил и продемонстрировал пустые руки. Нормальное поведение смерда, увидевшего воина.

Причалили.

– Дубишек – тут? – спросил я, опустив вежливое приветствие.

– Ага! Счас позову.

– Стоять! – рявкнул я. – Куда поскакал?

– Так я это... – Мужик заметно трусил. Еще бы. Недовольный воин – серьезное испытание для психики простолюдина.

– Вперед пошел! – И бодрящий пендель.

Главное – послушание.

Первое, что я увидел, поднявшись: огромная куча болотной руды. Местное стратегическое сырье. Коваль плавил из такой руды «грязное» железо, крицы. Потом из криц, уже в кузнице, выковывалось железо нормальное.

– Дубишек! – рявкнул я.

Выскочил, заполошенный. Сначала меня не узнал, тоже перепугался...

Но вспомнил – и расплылся в улыбке. Поклонился в пояс.

Вот это правильно. Имя мое, надо полагать, запамятали, но не растерялся:

– Господин! Будь гостем в моем доме!

– Буду, – охотно пообещал я. – Зови меня Волк, Дубишек. Не ошибешься.

Починщик сетей попытался смыться, но был пойман за шкирку Скиди.

– Лодку нашу вытащи, – велел ему я.

– Сейчас велю стол накрыть! – пообещал Дубишек.

И не обманул. Накрыл, и щедро. Причем сам за стол только присаживался время от времени: руководил женщинами, которые нас ничуть не боялись. А чего им бояться? Вот эту, к примеру, я помнил! Славная девушка. То есть уже не девушка, а вполне взрослая женщина. Почему она здесь? Она ж вроде бы невестой Квашака была?

Что, впрочем, не помешало ей, юной и невинной, залезть ко мне под одеяло и отблагодарить по-своему за спасение от лап порубленных мной головорезов.

– Дубишек, а что ж дочь твоя за Квашака не вышла? – поинтересовался я.

– Так поженились они, – сообщил хуторянин. – Но забрали ж Квашака. Ваши ж и забрали. А она сбежать успела и домой вернулась. Вон, с сынишком.

Сынишко сидел на земляном полу и что-то грыз. На вид ему года полтора. Значит, точно не мой.

– Наши забрали?

– Ну да. Вы ж княжьи люди, Волк, верно?

– Княжьи, – охотно подтвердил я. Чистая ведь правда. Если не уточнять, какого именно князя.

– Я о долге своем помню, – поведал мне Дубишек. – Оброк отдам сполна. Глянь, сколько уже собрали! – и показал на кучу руды. – С вашим князем – хорошо. Холопы, которых он дал, трудятся исправно. А кто ленился, так тех ваш старший кнутом поучил немножко, и теперь все хорошо работают.

«Вот так, – подумал я. – Был простой мелкий земледелец, а стал, типа, плантатор». Выходит, не всем от Водимира неприятности. Кое-кто и пользу получил, рабами обзавелся. Впрочем, у Дубишка раб и раньше имелся. Но того после нашей спасательной операции Коваль себе забрал.

Я поглядел на Скиди. Скиди улыбался и кашал. За двоих. Знаки внимания от противоположного пола принимал благосклонно.

Пользуясь тем, что Дубишек считает меня человеком Водимира, я начал раскручивать его на предмет информации. Спрашивать приходилось очень аккуратно. Впрочем, Дубишек все выбалтывал сам. И кто куда подселился из пришлых, и где остались коренные, обязавшиеся Водимиру данью. А главное: где расположены главные опорные пункты новой власти.

Ну да, таких баз было две. Военный городок и торговый пост.

Это потому, что я недооценил стратегическое значение озера Длинного. То есть я знал, что из него вытекает река, сам по ней когда-то сплавлялся. Но оказалось, что есть еще две речки, которые в озеро впадают, одна из которых для здешнего транспорта судоходна на всем протяжении, кроме, может, самого сухого летнего периода. И зимой по ней на санях – милое дело. Дойти можно хоть до Плескова, а оттуда...

Куда можно дойти из Плескова, я знал. И понимал, что контроль над транспортной артерией, пересекающей здешние дремучие леса и болота, вещь серьёзная. Так что Водимир наложил лапу за это дикое место не просто так, а с дальним прицелом. Что ж, тем огорчительней ему будет узнать, что на облюбованное им место претендует кто-то другой. Например... Ивар Рагнарсон! А почему бы и нет, кстати? Почему бы победителю англов и франков не заинтересоваться сухопутной, вернее, речной дорогой в богатые южные земли? Как там, в учебнике истории... Путем из варяг в греки. И почему бы Ивару не прислать сюда своего разведчика? То есть меня...

Прекрасная идея. И еще тем хороша, что можно больше не скрывать от местных наше датское, вернее сёлундское происхождение. Любой, кто в курсе скандинавского расклада, а здесь таких немало, мигом доведут до Водимира, что Сёлунд – и есть вотчина Рагнара и его сынишек. Логично? Вполне. Что ж, так и запишем. А пока послушаем Дубишка, благо, он не только слухами кормился, но и лично побывал в обоих Водимировых укреплениях.

Главный военный городок был возведен у истока реки, вытекающей из озера, и контролировал главную транспортную артерию.

Торговый пост вполне логично возвели в устье той самой реки, которая была частью пути на запад.

В военном городке гарнизоном заправлял аж целый сотник. И стены там воздвигли ого-го какие! На взгляд Дубишка.

У торговой точки ограда тоже была, но пожиже, а рулил там не военный человек, а какой-то купчина.

Дубишек его ругал. Очень эмоционально. Мол, товаров полезных у торгаша много, но дорожится. В городе вдвое дешевле купить можно.

«Так почему не купить?» – поинтересовался я.

Так в город придется мимо военного городка плыть, пояснил Дубишек. А там тоже люди небескорыстные сидят: так и норовят свой кусок отщипнуть, и немаленький. Понятно, что форпост Водимира можно и лесом обойти... Но водой-то – удобней. Да и патрули из крепости вокруг шастают. Изловят – отнимут всё, да еще и работать заставят на строительстве. Стены-то в военном городке уже возвели и то, что можно назвать донжоном, – тоже. Но работы еще непочатый край. Осенью, понятно, отпустят, а дальше что? Чем семью кормить, если лето, считай, пропало?

В общем, не такая уж радужная у Дубишка жизнь под хозяином, как мне показалось. Князю и оброк плати, и торгуй только с его представителем, который покупает дешево, а продает дорого. Хотя, думаю, досуха Водимир народ выжимать не станет. Не то соберут вещички и двинут в леса. Ищи их потом...

Вечером вернулись с болота работяги. Приволокли очередную порцию руды. Получили хавчик.

Скромный, надо отметить. На первое – уха из рыбы. На второе – рыба из ухи.

Присматривал за холопами всё-таки не Дубишек, а тот самый человек князя, который стимулировал кнутом тех, кто ленился. Дрянь человечишко.

Морда крысиная, глазенки подлые. Не воин, приказчик.

Я до разговора с ним не снизошел. Дубишек сам поведал крысенышу, кто мы такие. В его понимании, естественно.

Приказчик вслух усомниться не рискнул. Но зыркал недоверчиво.

Наверняка настучит обо мне начальству, если пустить дело на самотек. Но я – не пущу.

Ночь прошла... ну, назовем этот вариант не скучным.

Надеюсь, Квашак не станет держать на меня обиду за маленькие такие рожки.

Впрочем, в здешнем обществе к небольшим постельным изменам относятся спокойнее. Если обе стороны не против. Что здесь, что у скандинавов. Мой маленький сынишка Хельги, согласно неофициальной версии рожденный матерью от неизвестного божества, официально считается законным и моим, поскольку я его усыновил по всем правилам, и он пользуется такими же правами, как ребенок, что рождается от моей законной жены Гудрун. И Гудрун по этому поводу совсем не обижается. Так же, как и по поводу моего второго приемного сына Виги-Вихорька. Впрочем, у Вихорька прав поменьше, чем у младенца Хельги, поскольку последнего я принял в род с правом на одаль. А Вихорёк, пожелай он выделиться в автономную единицу, никакой доли из моего хозяйства не получит. Ну да Вихорёк однозначно в бедности прозябать не будет. Есть у него и личные накопления, а главное – хорошее боевое железо плюс умение им пользоваться. Как говорят мои родичи-даны: железная цена – правильная цена, что переводится как «отнять лучше, чем купить».

В общем, если от моей быстротечной связи с женой Квашака народится чернявенький младенчик, то Квашак вряд ли обидится, даже если узнает. Хотя откуда ему знать? С генетикой тут не шибко знакомы. Родился и родился. Лишь бы выжил и вырос.

Напоследок я шепнул согревшей мою постельку соломенной вдовушке, что мы – не Водимировы люди, а совсем наоборот. И попросил передать эту новость Дубишку вместе с горсткой серебряных арабских дирхемов и рекомендацией держать язык за зубами. Еще я добавил, что Квашак уже дома. И непременно ее заберет с собой. Вернее, я заберу Квашака, а тот – ее.

Не знаю, порадовал или огорчил, но женщины здесь – существа подневольные. Это не область датского права, где женщина может даже землей владеть, не говоря уже о личном имуществе.

Утром я встал поздно. Позавтракал сытно и без спешки, когда

«рудодобывающая» бригада уже отбыла.

А вот Скиди на завтрак опоздал, хотя встал с постельки раньше меня. И не потому опоздал, что предавался плотским радостям, а потому что работал. Выполнял мое поручение. И сев за стол, доложил со спартанской лаконичностью: «Утоп».

Углубляться в детали я не стал. И так понятно, что сработал чисто. Никто и не догадается, что Водимирову бригадиру помогли сделать бульбуль. Зато теперь здесь не осталось никого, кроме Дубишка, кого стали бы слушать серьезные городские дяди.

Припасов мне на дорогу загрузили – на семерых. И правильно. Мне ж ватагу кормить.

Хотя мои хускарлы и хольды тоже не голодали. Набили птицы, наловили рыбки и забахали роскошную ушицу.

Я ею пообедал, попутно рассказав о том, какие нам вскоре предстоят ратные подвиги.

Бойцы оживились. Резня. И добыча!

Возвращались вдоль противоположного берега. Мимо поселений, которых стало заметно больше, чем несколько лет назад. Что характерно: нас, суровых и вооруженных – не боялись. Уверовали, надо полагать, что здесь может быть лишь один сорт вояк: Водимирова гридь. А эти и без грабежа свое получат.

Что ж, мир да любовь – это хорошо. Пригодится, когда мы переключим на себя здешние финансовые потоки.

К форпосту свободной торговли по завышенным ценам мы подошли незадолго до полудня. Заходить не стали. Проследовали мимо на хорошей скорости, изображая, что очень торопимся. Однако увидеть кое-что успели. Почти достроенный деревянный форт над берегом и очень симпатичный кораблик румов на шесть, ориентированный на речную навигацию, то есть с хорошим водоизмещением и малой осадкой.

Медвежонок тут же положил на него глаз. Для нашей команды – идеальное суденышко.

Далеко уходить от торговой точки не стали. Через километр спрятали лодку в камышиных зарослях удачно подвернувшейся протоки и занялись делом. Задача, которую я поставил: пассивная разведка. Пассивная – это значит «языков» не брать и никого не убивать. По возможности.

Себе я выбрал наиболее интересную часть: изучение самого торгового

поста. В пару со мной – Медвежонок. Нам предстояло решить: достаточно ли нас для того, чтобы взять укрепленную точку, или придется возвращаться на хутор Квашака за остальными.

Обустраивался Водимиров торговый гость солидно. Просторный двор с кучей свежевоздвигнутых построек, главная из которых – аж в два этажа и сложена капитально: на каменном фундаменте покоился сруб из толстых бревен, причем окошки в срубе – не окошки, а прорези высокие и узенькие. Человеку не притиснуться, зато стрелять очень удобно.

Вокруг двора – частокол из старательно подогнанных друг к другу стволов, обмазанных глиной и белеющих свежезаостренными верхушками. Ворот – пара. И те, и другие – настежь.

Со стороны озера – береговой обрыв почти двухметровой высоты, со стороны реки – почти такой же обрыв и зеленый луг, судя по всему, заболоченный. Всё, однако, рассчитано. И надо полагать, во время половодья поднявшаяся водичка до подножия частокола не доходит.

Со стороны леса тоже всё хорошо: расчищено не меньше чем на три сотни метров в глубину. Расчищено, распахано, засеяно и даже удобрено речным илом. Последнее – очень прогрессивно. Обычно удобрениями местные не пользуются.

Хозяйственный человек здесь рулит. Даже жалко такого в расход пускать.

Работа кипела. Не меньше десятка лесорубов и корчевщиков трудились на опушке. Во дворе, насколько я мог разглядеть через открытые ворота, тоже впахивало не меньше десятка мужиков. Еще трое тянули бредень. Несколько теток занимались стиркой. Вокруг бегали детишки. И собачки. И лошадки паслись. И коровки на лугу. Прям-таки пасторальная картинка...

В которую не укладывались только двое парней, упражнявшихся в стрельбе из луков. Боевых. Стреляли, должен отметить, недурно: за полсотни шагов попадали в красное пятно, намалеванное на старой шкуре.

Медвежонок поднял большой палец и показал знаком: стрелков надо бы сейчас в расход пустить. Могут быть опасны.

Я покачал головой. Выводы уже сделаны. Брать пост будем ночью, а ночью от лучников вреда меньше. Есть, правда, такие, что стреляют на звук, а мой покойный араб Юсуф вообще умел бить интуитивно. Правда, недалеко: метров на двадцать... Ну да эти – послабже. Если бы я сейчас захотел, то снял бы обоих. На пустоши они – как на ладони.

Однако не будем торопиться. Вряд ли пара лучников – единственная

охрана нашего купчика. Где он, кстати?

Озвучил свой вопрос для Свартхёвди, и тот сразу указал на полуголого мужика, восседающего верхом на деревянном хребте строящегося сооружения и активно жестикулирующего.

Спросил, почему этот – главный? Получил ответ: на нем золотая цепка. Ну да, с такими глазами, как у викингов, никакого бинокля не надо. Особенно если касается драгметаллов.

А воины еще есть? – поинтересовался я.

Свартхёвди презрительно хмыкнул. Откуда здесь воины? Так, бонды с оружием. Не парься, братец Волк, сделаем, как обычно: мужчин убьем, женщин перетрахаем, ценности конфискуем. И корыто, которое мокнет у причала, заберем. В него много добра войдет. Пригодится.

Сомнений – ни на миллиграмм. Все викинги крайне самоуверенны, а уж берсерки врагов даже не по копьям или головам считают, а исключительно по времени, потребному, чтобы эти головы снести.

Но сейчас я был с ним согласен. С таким контингентом мы и впятером справимся. Легко.

– Возвращаемся, – решил я. – Пора обедать.

Остальные разведчики не принесли в клювицах ничего интересного. Гагара видел каких-то подростков, ставивших силки на птиц, а Хавгрим Палица приволок олененка. Берсерку свежатинки захотелось. И не только.

Глава 11

Ночная операция

Викинги не любят воевать ночью. Говорят: боги ночью хуже видят. Не любят, но могут. Тем более что тут не война, а банальный разбой.

Сначала через частокол полетела оленья требуха. Две порции. И только после этого с противоположной стороны частокола – пара «бородатых» топоров с привязанными к рукояткам ремнями.

Первыми наверх взлетели оба берсерка. Пока что – в обычном, не форсированном режиме. За ними Гагара и Скиди. Я, как наименее ловкий, перебрался последним.

Во дворе было пусто, темно и тихо. Если не считать рычания и грызни собак.

Четвероногим было не до нас. У них – внеплановый ужин.

В большом двухэтажном доме тоже было пусто, темно и тихо.

А вот в строении пониже и поплоше звуки фиксировались. Кто-то хралел, кто-то раскашлялся, потом заплакал ребенок... Беспокойно спит простой люд.

Сквозь тучки проглянул остренький месяц. Чуток посветлело. Это кстати. Для меня. Остальным и так светло.

А вот нас разглядеть и в этом свете непросто. Рожи покрыты слоем смешанной с жиром сажи, поверх доспехов – темные плащи.

Мимо проковылял Медвежонок, направляясь к малому строению и волоча здоровенный брус. Упер один конец бруса в землю, второй – в двери, под поперечину. Подложив край плаща, тюкнул разок-другой обухом секиры. Зафиксировал.

Я отсигналил: давайте за мной, и двинул к большому дому.

Дверь оказалась заперта. Хорошая такая дверь, дубовая, на железных петлях. И подогнана мастерски: ни щелочки. Не то что топор, нож не просунуть.

А окна, как я еще днем заметил, – узенькие. Даже мне не протиснуться, не говоря уже о таких, как Палица.

Пока я размышлял, Хавгри姆 с Медвежонком уже приняли решение. И реализовали. Свартхёвди влез на плечи Палицы, на Палицу вскарабкался Гуннар, на Гуннара – Скиди. Палица закряхтел. По его лицу, вычерненному смешанной с жиром сажей, текли струйки пота. Крепись, берсерк. Это еще

не всё. Второй, третий и четвертый «этажи» цеплялись за то, за что удавалось. Тем не менее, когда на пирамиду полез легкий (под семьдесят живого веса плюс еще десять – всякого боевого железа) я, на могучие плечи Палицы легло никак не меньше двадцати пудов. Зато и оказался я почти вровень с коньком. Осталось лишь подтянуться, и дело сделано. Я – на крыше. Закрепил веревку и отодвинулся подальше, уступая место остальным. Пара минут – и мы все на вершине.

И что теперь будем делать?

И опять у моих берсерков оказался наготове план.

Медвежонок, удерживаемый Гагарой и Хавгримом, улегся на покатую крышу и, ругая сквозь зубы бестолковых словенских строителей – то ли дело плоское покрытие длинного дома! – принял счищать с крыши дранку. Довольно шумно, на мой взгляд. И главное – зачем?

– Медвежонок! – зашипел я. – Прекращай! Есть способ получше. Эй! Поднимите его!

– Ну? – буркнул приведенный в правильную вертикаль Свартхёвди. – Что это у тебя за «лучше»?

– Вон там, – показал я, и Медвежонок снова выругался. На этот раз уже в порядке самокритики. Примерно в двух саженях от него в крышу был врезан люк. Люк, как чуть позже выяснилось, запертый, но взломать его оказалось нетрудно. Обычная деревянная щеколда, которую я без проблем отвернул ножом.

Спустились по очереди, с максимальной осторожностью. Сначала – на чердак, потом ниже. В доме – тишина. Только комары звенят. Медвежонок, Гуннар и Скиди по кривой лестнице сошли на первый этаж, а мы с Палицей остались обследовать верхний. Мне повезло. Спальня. В спальне – кровать порядочной ширины, а в изголовье – еще теплящаяся изложница. Света – в самый раз, чтобы понять: спят двое. Мужчина и женщина. Женщину убивать категорически не хотелось. Да и мужика стоит пока оставить в живых. Потому что он – хозяин. Вон цепка золотая на стенке висит. А рядом – мечуган. Тоже на стенке. Вот это зря. Оружие надо под рукой держать.

Я размахнулся и от души врезал по кудрявой головушке плоскостью клинка. Аж звон пошел. От звона проснулась купцова женушка. Разинула рот, выпустила глаза... Но не закричала, а засипела, потому что я успел стиснуть ее нежное горлышко, пережимая артерии, и накрыть ротик ладонью... которую она тут же попыталась укусить.

Это на здоровье. Чтобы прокусить мои мозоли, волчьи зубки нужны.

Через полминутки дама обмякла. Спи, моя радость, усни.

Я прислушался. Вроде идет какая-то возня... Или – кажется?

Так, мужика связать, да покрепче. И вот это полотенчико – в пасть. Завоняло, однако. Похоже кто-то из супругов таки обгадился. Так. Женщине ротик затыкать не будем, а вот ручки свяжем. На всякий случай.

Не успел я закончить, как началось.

Внизу заорали злобно... Вопль тут же оборвался, но его подхватил кто-то другой. И третий. Что-то грохнулось, зазвенело железо. Я ожидал, что вот-вот раздастся вынимающий душу рёв берсерка...

Не раздался.

Я бросился к лестнице, успел увидеть широкую спину сиганувшего мимо ступенек Хавгрима, услыхал истощный женский визг, который перекрыл мужской вопль на словенском:

– К оружию! Враги в доме!

Молодец, мужик! Сообразительный!

Навстречу мне – женщина в белом. С какой-то деревянной хренью в руке. Хрень я вышиб, женщину отпихнул невежливо... И едва не зарубил Гуннара, который выбирался из закутка спиной вперед, волоча за собой что-то тяжелое... Вернее, кого-то.

Тут кто-то позади меня очень удачно зажег факел. Увы, любитель света с огнем обращался неправильно. Попытался сунуть факел мне в лицо. Вот же сопляк безусый! Факел я отобрал, а тинейджера пнул в живот, на время лишив боеспособности.

А вот это уже серьезно! И откуда вы взялись, дорогие мои? Аж трое, и все, что характерно, – с копьями. И со щитами. А я, как на грех, свой щит решил не брать.

Впрочем, добраться до меня копейщикам не позволили. За их спинами, аки настоящий медведь, вздигся мой побратим и прикончил всех троих тремя ударами. Причем даже не впадая в боевое озверение.

Прикончил, обтер меч вышитой занавеской и сообщил:

– Здесь – последние. Хозяина видел?

– Наверху, – сказал я. – Живой.

– Живой – это хорошо, – одобрил Медвежонок. – Нам с ним беседовать, а с мертвым какой разговор?

Глава 12

Плоды победы

Держался купец неплохо. Как воин.

Не всякий бы рискнул в его положении задавать вопросы, а он – рискнул:

– Кто вы?

Неправильный тон.

Свартхёвди без замаха полоснул его плетью по роже. Рассек кожу на лбу. Мог бы и глаз выбить, но ударил расчетливо. Чтоб кровь по роже потекла.

– Водимир вас...

Опять неправильно. На этот раз – поперек бороды. Кровь из рассеченной губы брызнула на голую грудь торгового представителя князя.

А хорошо он смотрит. Яростно. Раздетый догола, связанный по рукам и ногам. Напротив – супруга. Тоже нагая и связанная. И мы, все из себя такие красивые: с черными рожами и серьезными намерениями. Вон и железо на жаровенке греется: порезы прижигать. Пара ударов плетью – это так, баловство. Купчина должен это понимать. Тем более не такой уж мирный человек. Шрамы на бледной тушке очень характерные, и сама тушка – правильного сложения, лишь чуток жирком подернута от мирной жизни. Лучше бы купчине принять наши правила игры, не то зашкворчит этот жирок...

Не люблю пытать людей. И не буду. Но побратим мой – другого склада. Для него допрос – как для музыканта сольный концерт. Радость творчества плюс обязательный гонорар. Так что у нашего клиента два варианта: развлечь нас познавательной беседой более-менее добровольно, или сделать это чуть позже, но уже в виде, малопригодном для счастливой жизни.

– Люди, которые живут на этом озере, – мои люди, – сообщил я купчику на языке викингов, который он, как выяснилось, прекрасно понимал.

– Водимир...

Я удержал руку Свартхёвди, подобрал с пола какую-то тряпку и запихнул в окровавленный рот.

– Помолчи и послушай, – сказал я. – Это в твоих интересах. Мои

люди, я сказал. Твой князь покусился на чужое. Мне это не нравится. И ты мне тоже не нравишься. Однако я готов тебя пощадить. Чтобы ты рассказал своему князю обо мне и объяснил ему, что здесь – не его земля. Если понимаешь, что я говорю, кивни.

Кивнул, естественно.

– Больше того, я даже не стану убивать твоих людей и твою женщину, – кивок на перепуганную супругу купчика. – Ты понимаешь?

Еще один кивок.

Кивай, дорогой, кивай. Учись говорить мне «да».

– Но я заберу всё, что у тебя есть, – сказал я. – Потому что это – моё, ведь ты взял это на моей земле. Понятно?

Невразумительное мычание.

– Думаешь, твой князь сильнее?

Кивок.

– Зря. Ты ведь не знаешь, кто я и кому служу. Тебе это пока знать не обязательно. А должен ты знать вот что: я сейчас выйду и велю обыскать твой дом. Что-то мы найдем сами, но я уверен, что главное ты спрятал. И потому вот он, – я показал на Свартхёвди, – заставит тебя вспомнить, где ты устроил склонки. Он очень способный и умеет разговорить даже немого.

Медвежонок ослабился и проворчал:

– Так и есть.

Комplимент пришелся ему по вкусу.

– Если я выйду, – продолжал я. – Он займется тобой и твоей женщиной. Думаю, тебе очень не понравится то, что потом произойдет. Но что куда важнее: это не очень нравится и мне. Хочешь знать, почему?

Конечно, он хотел.

– Потому что я не люблю, когда красивая женщина превращается в кусок горелого мяса, – пояснил я. – Но это тоже не главное. Хочешь знать, что главное?

Энергичный кивок.

– Главное, когда в такой кусок, – слепой, безрукий, оскопленный – превратишься ты, мне придется искать другого посланца к твоему князю. А мне бы не хотелось. Ты построил неплохой дом. Я буду жить в нем с удовольствием и лишь ради этого готов сохранить тебе жизнь. Ты – неглупый человек и должен понимать: мертвому богатства не нужны. А живой и умный сумеет восполнить потери. Я хочу оставить тебя в живых. Тебя и твою жену. Ты согласен?

Кивок. Ну, естественно.

– Очень хорошо. Мой брат, – жест в сторону Медвежонка, – считает, что ты всё равно не выдашь нам всё, что у тебя есть, если тебя как следует не поджарить. Но я попытаюсь его убедить. Если ты сумеешь убедить меня. А сейчас я выдерну тряпку у тебя изо рта и разрешу сказать дюжину слов. Если это будут правильные слова, значит, мы поладим. Нет, я выйду, и тобой займется мой брат. Тобой и твоей женой. А когда я приду снова, ты будешь говорить только правильные слова. Но видеть меня уже не сможешь.

И я выдернул кляп.

– Поклянись богами, что сохранишь нам жизнь! – выпалил купец.

И я запихнул тряпку обратно.

– Неправильно, – заявил я, а Свартхёвди придинулся и навис над пленником. – Ты слышал, что я сказал. Ты понял, что я сказал. И впустую потратил половину разрешенных тебе слов. Если я решил тебя обмануть, ты ничего не сможешь с этим поделать. Сейчас я дам тебе еще одну попытку. Последнюю. Не ошибись!

И я вновь избавил его от затычки.

– Я покажу! – поспешил выкрикнуть пленник. – Всё покажу, всё!

Что и требовалось доказать. Добрыйм словом и дубинкой всегда можно добиться большего, чем одним добрым словом. И клиент после этого выглядит куда симпатичнее, чем если пользоваться исключительно дубинкой.

– Ты хороший хёвдинг, – сообщил мне Медвежонок. – Любят тебя боги!

– Любят, любят! – подтвердил Хавгрим Палица. – Теперь можно и в Альдейгью возвращаться! Я Каменному Волку всегда говорил: когда вождь удачлив, за один вик можно взять железом больше, чем наторговать за десять.

Ну надо же! Оказывается, мастер-берсерк Стенульф ратует за честную торговлю. Вот уж не ожидал!

– Ты, Палица, сначала до его годов доживи, а потом умничай! – одернул Хавгрина мой побратим. – И в Альдейгью мы возвращаться не будем. Наши дела здесь не закончены. Так, братец?

– Да.

Свартхёвди и Хавгрим оставались в доме купца. Присмотреть за порядком. Чтоб пленники не безобразничали и даже не думали о том, чтобы передать весточку ребяткам с Водимирова «блокпоста».

«Сутки, – сказал я. – Потом пусть делают, что хотят. Но хозяйскую

семью не трогать! Я поклялся. И постарайтесь, чтоб вас потом не опознали. Пусть Водимир гадает: чьи мы и откуда?»

А чтоб не опознали, тем же берсеркам достаточно не снимать латных рукавиц и шлемов, в которых «очки» закрывают верхнюю половину лица, а нижнюю прячет борода.

Особых проблем не ожидалось. Купца с женой и детьми заперли в горнице, бойцов перебили при штурме, а простонародье здешнее – это не скандинавские бонды. Делают, что велено. А уж если берсерк рявкнет...

– Мы тут еще пошарим немного, – сказал Хавгри姆.

Он всё еще сомневался, что хозяин выдал все свои тайники. Свартхёвди хмыкнул. Он-то знал, что купец выложился до конца.

Хотя, не будь меня, викинги всё равно запытали бы купца до смерти. На всякий случай. И перебили бы всех, потому что мы слишком далеко от «базы», чтобы взять с собой челядь на продажу. Сожгли бы тут всё, в том числе и холопов в бараке. Мало ли кто что кому обещал? Обещания, данные чужому, гроша ломаного не стоили. Разве что в свидетели призывали богов. Тогда – может быть. Да и то не факт. Боги, они ведь тоже понимают, кто свой, кто чужой. И со своими богами всегда можно договориться.

Но я запретил убивать – и никто не прекословил. Предполагалось: я знаю, что делаю.

Тем более что добычу мы взяли изрядную. В основном – меха. Но серебришком тоже разжились, и воском. И даже с десяток бочонков меда прихватили. И металлов цветных и черных – с полтонны. И даже золотом, то бишь золотой цепью купца, которую общим решением подарили мне.

Но почивать на лаврах – рано. Из двух военных задач, которые мне предстояло решить, взятие торгового поста было той, что попроще. Здесь было всего восемь человек, способных взяться за оружие, причем троих уокошили прямо в постельках, и остальных, считай, взяли тепленькими. Не бой, а резня.

Вторая задача потруднее. Судя по тому, что мы узнали от того же купца, форпост Водимира на озере был крепким. Два больших десятка дружиинников плюс столько же ополченцев. И человек тридцать наемных строителей. Так сказать, холопов на договоре, которых при случае тоже можно на стену поставить. А стена – была. Поставили за год двойной частокол с заборолом^[8]. Да не в два с половиной метра, как у купца, а все три с половиной: с древесиной в лесу проблем нет.

И охраняют «блокпост» по ночам, надо думать, не только собачки. Мы, конечно, крутые парни, и многократно превосходящий численностью

противник нам не впервые.

Но очень не хотелось бы, чтоб этот самый противник был в курсе нашего существования. Потому что выковыривать его из этого форта – не с нашей численностью. Нас выручит только внезапность и лихая импровизация. Желательно, продуманная заранее. И при этом времени у нас – всего ничего. Вот и не будем его терять.

До дома Квашака мы дошли за пару часов на трофейном корабле. Порадовали братьев. Они нас тоже порадовали. Новостями.

Пока мы отсутствовали, парни провели разведку окрестностей. И решили проявить инициативу, мать их в бабушку! Зачистили территорию. Вырезали два «гнезда» ни в чем не повинных переселенцев.

Зачем? Да потому что викинги всегда так поступали. Мертвые молчат. В общем, зря я доверил командование Стюрмиру.

Однако и мой гуманизм в отношении прежних обитателей хутора едва не вышел боком.

Семейка, которую я выгнал, поперлась прямиком к Водимировой новопостроенной крепостице. И тут нам серьезно повезло. Не дошли изганники. Потому что встретили по пути четверых Водимировых бойцов, сопровождавших очередную команду переселенцев.

Неглупая, кстати, политика. Выселить мнящих себя свободными хозяев, а на хозяйства посадить покорных князю холопов. Надо бы на вооружение взять, если когда-нибудь сам князем стану. По мне, так и продавать-убивать никого не надо. Просто провести рокировку. Тут люди поколениями живут на одном месте, даже не помышляя о переменах. И достаточно перебросить их на чужую незнакомую территорию, чтобы они тут же потеряли уверенность в себе. А страх – это такое полезное для правителя чувство, которое заставляет подданных держаться за господина, даже если этот господин обходится с ними весьма сурово.

Но возвратимся к нашей ситуации. Встретили бедные изгнанники княжьих людей и немедленно пожаловались. Причем версию выдвинули такую: вернулся прежний хозяин имущества с тремя дружками-разбойниками, да и выгнал новых жильцов из избушки.

Соврали, в общем. Уж кузнец-то способен отличить профессионального воина от любителя. Вопрос: зачем было врать? Понятия не имею. Может, решили, что если сказать правду, то Водимировы бойцы в штаны наложат?

С точки зрения здешнего служилого воинства, разбойники – это несерьезно. Смерды, возомнившие, что обладание оружием само по себе

делает их сильными и опасными.

Еще вопрос: почему сами дружины даже толком не расспросили потерпевших?

Вот на этот вопрос я ответ знаю. Потому что – салабоны. Отроки, молодняк, опыта – чуть, мозгов примерно столько же, а вот желания проявить себя – выше крыши. Будь на их месте, допустим, я, то уж не поленился бы выяснить в деталях, что это за вершители справедливости такие? А расспросив, наверняка поймал бы беглецов на нестыковках и добился правды. То есть узнал бы, что «разбойники» не с дубинами-топорами, а в стальной броне и с мечами у пояса. И нахрапом уже не полез. Провел бы разведку. А еще раньше непременно послал бы кого-нибудь в форт, потому что по-взрослому вооруженные бойцы просто так по лесам не шляются. Вполне можно допустить, что это – передовой дозор. То есть где три, там и тридцать...

Но молодняк решил: вот он, повод, показать свою крутость. Скорее всего, им прибавило храбрости заявление выгнанного кузнеца, что не бывший хозяин хутора Квашак – при нас, а мы – при нем.

Кого может пригласить изгнанный смерд для того, чтобы отстаивать свои права?

Да никого серьезного. Да и кто нынче решится вершить суд на подконтрольной князю Водимиру территории? А главное – зачем? Чтобы вернуть какому-то смерду хозяйство ценой в четверть гривны?

Не знаю, чему их учили у Водимира в детинце, но явно не осторожности. Четыре отрока без опыта настоящих боевых действий, потому что смердов гонять – это не война, а козы потягушки, решили стяжать легкую славу.

Глава 13

Война – работа для профи

Они даже разведки не провели, бараны. Ввалились во двор Квашака, как будто в собственный огород. Мы – представители князя, блин! Все упали и отжались.

А вот мои – молодцы. Мои – битые. И, естественно, не забыли, что находятся на чужой территории. И заметили противника еще на подходе, так как не забыли выставить дозор, вернее, посадить наблюдателя на крышу.

Пока четверка гордо шагала от опушки полями-огородами, моя команда успела приготовиться к встрече.

А когда исполненные важности отроки-дружины ввалились на подворье, то встретили их не Квашак с Быськой, а мои бравые парни.

По возрасту мои – не старше Водимировых. Если не считать Стюрмира. А вот по боевому опыту, вооружению и подготовке они превосходили отроков на порядок.

И для них вопрос «кто победит?» не стоял. Кого тут спрашивать? Уж не этих ли недоделанных вояк? Так что боевая задача для моих звучала так: «чтоб никто не ушел».

Ввалившись во двор и обнаружив в нем не трех оборванцев-разбойников, а пятерых недурно экипированных бойцов, отроки сначала зависли, потом попытались смыться.

Но тут уж сработал шестой, Вихорёк, расположившийся на крыше хлева: всадил стрелу в спину самого шустрого. Доспехи на Водимировых бойцах... Ну, я бы это даже доспехами не назвал. Так, жилетки из вареной кожи. Так что подставлять спины под стрелы им было нежелательно. Они это тоже сообразили, наконец-то повели себя как воины. То есть развернулись, сомкнули щиты и подготовились в бою...

Который закончился секундой позже. Когда пятерка моих одновременно метнула копья.

Броски Хавура и Стюрмира оказались слишком мощными. Пробили не только щиты, но и тех, кто их держал. С восьми шагов – не удивительно. Третий дружины оказался удачливее. Или ловчее, потому что одно копье он ухитрился отбить, а от второго увернулся.

И обнаружил, что остался в одиночестве.

И повел себя достойно: лапки задирать не стал, а решил умереть в бою.

И умер бы, потому что Стюрмир как раз собрался его прикончить, но вмешался Вихорёк. Соскочил с крыши и закричал, что сначала надо с парнем поговорить. Мол, папе, то есть мне, не понравится, если они могли взять «языка» и не взяли.

– Живьем, так живьем, – заявил Стюрмир, поигрывая мечом.

Но Вихорёк не то чтобы сомневался... Возможно, ему просто понравился парень: ловкостью и храбростью.

– Я поговорю с ним, Стюрмир! Очень прошу!

– Да ладно, бери его, если уж так хочешь! – разрешил могучий хускарл, который сообразил, что победа над таким сопляком – невелика и ничего не добавит к славной Стюрмировой биографии.

– Как тебя зовут? – спросил Вихорёк у Водимирова дружиинника.

– Домаслав. Зачем тебе мое имя?

– Затем, что понравился ты мне, Домаслав. Хочу ряд с тобой заключить, – с важностью произнес Вихорёк. – Будем мы с тобой биться один на один. Если ты одолеешь – уйдешь. Никто чинить тебе препятствий не станет. Если я одолею, то станешь служить моему отцу.

– Этому, что ли? – Парень показал на Стюрмира.

– Нет. Это Стюрмир. Один из воинов моего отца. Он – хороший воин, Стюрмир, но не лучший. Хотя и получше меня. По-вашему, он – гриденъ.

– А ты?

– А я, по-вашему, отрок считаюсь. У нас таких дренгами зовут.

– Отрок? – с сомнением проговорил парень. – А бронь откуда? И меч? Отец подарил?

Вихорёк засмеялся:

– Ты, Домаслав, глупости говоришь. У нас оружие не покупают, а сами берут. А если уж платят, то не серебром, а железом. Вот этим, – Вихорёк похлопал по ножнам. – Ну так что? Встанешь против меня честно или отдать тебя вот ему? – Кивок в сторону Стюрмира. – А чтоб думалось тебе легче, скажу правду: убивать он тебя не станет. Сразу не станет. Сначала выпытает, что ты знаешь, а потом, может, и убьет. Если добрый будет.

– Почему, если добрый? – Парень неплохо держался, страху воли не давал.

– Так ты сам его умолять будешь, чтоб добил, – сказал Вихорёк.

– Что ты там ему толкуешь? – вмешался Стюрмир. – Будете вы драться или нет?

– Я ему предложил договор, – сказал Вихорёк. – Если я его побеждаю,

он будет служить моему отцу, если он меня – ты его отпустишь.

Стюрмир ухмыльнулся:

– Он совсем дурень? Если он тебя убьёт, твоя клятва умрёт с тобой, а я ему ничего не обещал.

– Это ты дурень, Стюрмир! – парировал Вихорёк. – Если думаешь, что этот сын бонда может меня победить.

– Сын бонда, значит? – ухмыльнулся Стюрмир. – Кто-то забыл, как два года назад овец пас?

– Кто-то помнит, что теперь его отец – твой хёвдинг! – отрезал Виги-Вихорёк. – Он не так уж плох, этот сын бонда. Ловок, храбр и удачлив. Ты глянь: дружки его мертвые, а он – живой.

– Это еще как посмотреть, – показал желтые зубы Стюрмир. – Дай его мне – и он быстро пожалеет о том, что не помер.

– Что он говорит? – забеспокоился отрок Водимира.

– Говорит: ты не хочешь со мной драться, так что нечего время терять. Хочет побыстрее прижечь тебе пятки. Он – нурман, а нурманам... Может, слыхал? Нурманам нравится резать да жечь. Они в этом большие искусники, и палачи у них в большом почете. Знаешь, почему? Потому что оказаться в руках палача – самое трудное испытание для воина. И чем палач искуснее, тем большее мужество может проявить тот, кто оказался у него в руках. О таких у нас, данов, песни поют хвалебные.

– Ты не похож на дана, – перебил Вихорька парень, косясь на Стюрмира. Не было у отрока желания доказывать свое мужество подобным образом, потому и постарался сменить тему. – И по-нашему говоришь хорошо.

– Моя мать – из словен, – пояснил Вихорёк.

– А отец, получается, из нурман?

– Стюрмир, похоже, прав, – вздохнул Вихорёк. – Ты не хочешь драться.

Тогда...

– Хочу! – воскликнул Домаслав.

– Согласен на то, что я сказал?

– Да! Но...

– Да или нет?

– Я Водимиру в верности клялся, – буркнул Домаслав. – Драться с тобой я готов, но служить твоему отцу не буду. Не могу.

– Ладно, – сказал Вихорёк. – Слов уже довольно. Пусть говорит железо. Тови, дай мне свой щит... Ну, Домаслав Верный, – Вихорёк поймал брошенный щит и обнажил меч: – Попробуй меня убить!

Дважды повторять не пришлось. Отрок рванулся вперед, целя копьем в

лицо. Не для того, чтоб достать (слишком далеко), а рассчитывая пугнуть, заставить прикрыться щитом и тогда уж ударить щитом в щит и опрокинуть уступающего ростом и весом противника.

Вихорёк на пугалку не купился. Шагнул вперед-влево, без труда срубил копейный наконечник с короткой, в полгяди, трубкой, пропустив Домаслава мимо себя. Отрок оказался неплох. Даже успел среагировать: попытался прикрыться обрубком древка.

Это не помогло бы. Пожелай Вихорёк снести ему голову, снес бы. Деревяшкой в два пальца толщиной не остановить клинок франкской работы.

Но Вихорёк убивать не собирался. Ударил подошвой в сгиб колена, добавил краем щита по шее – и отрок полетел на траву. В полете, впрочем, ухитрился извернуться, чтобы встретить неминуемый удар щитом, а не затылком.

Но Вихорёк бить мечом по щиту не стал. Поддел ногой под край, отбросив в сторону, наступил Домаславу на горло и коснулся жалом клинка безбородой челюсти отрока.

– Ты умер, – сказал он. – Тебя больше нет. Твоя жизнь теперь – моя. Нет больше Домаслава. Тебя нет – и нет больше никаких клятв. Мои боги, Тор и Один, оказались сильнее твоих. И они к тебе благосклонны, так что у тебя есть выбор: ты можешь умереть по-настоящему, как безымянный раб, под пыткой. А можешь пожить еще немного, приняв новую веру, сражаясь, как воин, и взяв имя, которое я тебе даю сейчас. Траусти. Это значит – Достойный Доверия. Принимаешь ли ты его, мертвец?

– Да, – просипел придавленный.

– Быть твоему сыну скальдом! – воскликнул Тьёдар Певец, когда Вихорёк пересказал нам историю вербовки Водимирова отрока. – Сам придумал, Виги, или боги надоумили?

– Ничего я не придумывал, – возразил Вихорёк. – Это как в другой род принимают. Дают имя другое, чтоб прежние пращуры не обиделись: решили, что ты умер. А в новом роду как бы снова рождаешься. И имя уже другое. Ну как у меня сейчас.

– Так ты у нас, выходит, повитуха! – воскликнул Тови Тюлень. – Новорожденного принял! Теперь буду звать тебя...

Шмяк! – И Тови прикусил язык.

– Что за глупый дренг! – Тьёдар Певец одобрительно кивнул Скиди, отвесившему Тови подзатыльник. – Это у вас, тюленей, имена повитухи дают, а у нас, людей севера, это право отца. Будь ты постарше, Виги, дал

бы я тебе прозвище: Отец. Но кому-то такое прозвище может показаться смешным, – Тьёдар больно щелкнул Тови по носу. – А верегельд платить за всех весельчаков – разорительное дело.

– Я ничего не стану у тебя спрашивать, Траусти, – заявил я представленному мне Вихорьком «новорожденному». – Пусть для людей Водимира ты умер, но ты вряд ли забыл, как делил с ними кров и пищу, как стоял с ними в одном строю. И в бой я тебя тоже не возьму. И не потому, что боюсь, что ты меня предашь, а потому что я – не Водимир. У меня довольно хирдманов, которые умеют сражаться хорошо, и я не хочу, чтобы тебя убили только потому, что ты держишь меч немногим лучше, чем вот этот кузнец, – я показал на Квашака.

«Достойный Доверия» молчал, потупясь. То, с какой легкостью его обработал Вихорёк, поразило его по самую поджелудочную.

– Так что будем тебя учить. Вот завтра с Водимировыми дружинниками управимся и начнем.

– А вдруг – нет? Там тридцать шесть воев, а четырнадцать – из лучшей гриди!

Не удержался-таки пацанчик. Посмотрел на нас, посчитал и, по-моему, обиделся за своих старших товарищей.

А может, представил, как мы атакуем крепость, в которой на каждого из нас по три защитника – и решил: так можно и новую «семью» потерять.

Я потрепал его по щеке и пошел обедать.

Хороший паренек. Крупный, жилистый, взгляд внимательно-настороженный. Пригодится.

Да и Вихорьку веселей: не один он теперь словенин в моем хирде. Думается мне, недолго этому новобранцу в «юнгах» ходить. Закваска хорошая, характер есть, а железом орудовать – научим. Кстати, и прежнее его имя – тоже говорящее было. Домослав – это, типа, прославляющий дом. А где дом, там и родня имеется. А человек с родней на территории неприятеля может очень даже пригодиться.

– Квашак, придется тебе уйти с нами в Ладогу, – сказал я своему вольноотпущеннику. – Здесь тебе не жить. Узнают, что ты с нами был...

– Да понял я, – буркнул Квашак. – И без того знал, что холопом твоим буду.

– Будешь, – согласился я. – Дам тебе денег – кузню построить и на хозяйство. Вернешь – свободен. А до той поры (я вспомнил договор Водимира с изгнанным мной семейством) половину дохода будешь мне отдавать. По рукам?

– Ага.

– Вот и хорошо. Заберешь инструмент, какой нужен и чтоб не очень тяжелый. И семью свою у Дубишка. Только помалкивай там. Не болтай зря. Сестру тоже заберешь. И ей дело найдем.

– Знаю я ее дело, – Квашак хмыкнул.

Я аккуратно взял его за бороду, жаль, коротковата, на кулак не намотать, наклонил, чтоб в глаза заглянуть.

– Сестре ты обязан, – произнес я веско. – Кабы не она, продали бы тебя вместе с прочими.

– Отпусти, – вежливо попросил Квашак. – Сестру не обижу, я понял... господин.

– Вот и молодец. Прямо с завтрашнего утра сплавай и забери своих. Потом грузи всё на лошадок и отправляйся. Ждать нас будешь у разбитого молнией дуба, что на взгорке, на левом берегу. Жди три дня. С тобой отец Бернар будет и новенький. Если у нас всё хорошо пойдет, я за тобой пошлю. Если нет – отправляйтесь в Ладогу. Скажешь князю, что мы сделали. Он тебе поможет на первых порах, – и, увидев, как помрачнел мой кузнец, постарался успокоить: – Это я так, на всякий случай. Старшим у вас будет отец Бернар. Слушать его, как меня.

– Да как же его слушать, если он по-нашему не говорит? – воскликнул Квашак.

– Ну, главные слова он уже знает, а нет, так руками покажет.

В чем в чем, а в лингвистических способностях монаха я не сомневался. Этот человек уже говорил как минимум на четырех языках, не считая латыни, греческого и арамейского. С такой базой еще один он запросто освоит.

Глава 14

Храбрость и хитрость

Водимиров форт расположился примерно в двухстах метрах от речного истока. Озеро с него просматривалось ограниченно. Причина выбора места понятна: ближайшая возвышенность. Напротив, уже на реке, вполне приличная пристань из двух широких мостков. И деревянная башенка примерно семь локтей высотой, удобная и для наблюдателей, и для пары-тройки стрелков. Неплохо задумано, вот только когда мы подошли к причалу, в башенке никого не было.

Форт люди Водимира возвели качественный. Дерева не пожалели. И трудов – тоже. Его и сейчас продолжали обустраивать: оформляли насыпь вокруг частокола. Трудилось человек пятнадцать. И еще шестеро занимались снятыми с петель воротами. А вот это нам конкретно повезло!

А еще это знак: нас точно не ждали. Вообще никого опасного не ждали. Были уверены в своей силе, надо полагать. Несколько десятков обученных бойцов – огромное войско по масштабам захолустья.

Ага, а это у нас что?

А это у нас – дорога. Не шоссе, конечно, но телега пройдет. Или сани – зимой. И ведет, что характерно, от форта на северо-запад. То есть в сторону Ладоги. Занятно. О ней мне никто не говорил. Интересно, как далеко тянется? Ладно, если всё пойдет по плану, это мы узнаем.

Подошли мы внаглу. На трофейном корабле. Пришвартовались. Высадились. На плечах – плащи, чтоб не сверкать доспехами, шлемы – на поясах, щиты – за спинами, копья, небрежно, на плечах.

Высадились и нестройной толпой двинулись к форту. Именно нестройной. То бишь вразброс. Чтобы сразу было видно: да, воины, но – никакой угрозы. Типа, свои – к своим.

Местные – ребята зоркие. Наши незнакомые рожи зафиксировали. К сожалению, шлемы пришлось снять. В такую жару шлем может нацепить только неисправимый щеголь... Или тот, кто собирается драться.

Зато наш беспечный вид, похоже, местных успокоил. Угрозы не почуяли. С чего бы? Мы пришли со стороны озера на знакомом судне, и вид у нас не агрессивный, а подчеркнуто расхлябанный.

– Представьте, – сказал я своим, – что вы пришли в Роскилле после многомесячного вика. Чего вы ждете и на что рассчитываете? Вкусно

пожрать и выпить, задрать подол девке... Вот такими вы должны быть. Вас ждет праздник!

– А мы такими и будем, – ухмыльнулся Свартхёвди. – И пожрем, и выпьем, и подол кому надо задерем, и загоним туда кое-что. – Медвежонок похлопал по мечу. – Не боись, братец, праздник – будет!

Ну да! Главный праздник берсерка – упавшая планка и разлетающиеся ошметки супротивников.

– И еще: говорить только по-датски. И по именам друг друга – только в случае крайней необходимости! – напомнил я.

Местные не должны догадаться, что мы – из Ладоги. Будем отыгрывать версию имени Ивара Рагнарсона. Бескостный вряд ли обидится, даже если узнает.

Чем больше я обдумывал идею с «человеком Рагнарсона», тем интереснее она мне казалась. Тем более что из нее вытекало еще одно очень полезное следствие: при наличии угрозы внутренние распри отходят на второй план. То есть если Водимир будет думать, что на его землю вот-вот нагрянут полчища викингов, то ему придется искать союзников... Например, в Ладоге.

Вот тут я ошибся.

Но пока всё шло как задумано. Ватага героев-раздолбаев беспрепятственно высадилась на причале ввиду форта и двинулась вверх по тропинке.

– Эй! Кто такие? – крикнул голый до пояса мужик, командовавший земляными работами.

– Люди прохожие! – заорал я, старательно имитируя скандинавский акцент. – Голодны! Жрать хотим! Семь дней на рыбе!

– А чего так?

Рабочая бригада, воспользовавшись моментом, прекратила работу.

Эти, похоже, смерды. А вот тот, что говорил со мной, – вряд ли. Такие трицепсы рыболовством или землепашеством не накачаешь.

– Спешили очень! – пояснил я.

– К князю, что ли?

Вот же любопытный. А голос властный. Сразу видно: мужик из тех, кто принимает решения. Чувствую: посыпать его не стоит. Продолжаем разговор.

– Не-е! – улыбнувшись как можно шире, крикнул я. И приостановился...

Что было ошибкой, потому что берсерки тут же меня опередили. Им не терпелось отключить мозги и войти в режим бешеной мясорубки.

А мы ведь были не в чистом поле, где воину Одина есть где развернуться. Вокруг – сплошные стены и укрепления. Я помнил, как тот же Хавгри姆 Палица – тогда он сражался не за меня, а против – впустую воевал с запертыми воротами. Здесь, правда, ворот вообще не было. Однако что там, за частоколом, с моей позиции в подробностях не видно, хотя нам и без того известно, что во дворе есть, по крайней мере, еще одно фортификационное сооружение.

Прервать беседу на полуслове я не мог, потому что парни, которые возились со снятыми воротами, тоже на время оставили трудовые подвиги. Серьезные парни, крепкие. Доспехов, правда, на них нет, а из оружия – только топоры, причем не боевые. И позы расслабленные...

Но стоит им насторожиться...

– Не-ет! Мы – к вам! – крикнул я, поддерживая диалог. – Эх! Свинью целой сожрал бы! Где справедливость? Серебра много, – я похлопал по кошелю, – а живот пуст!

Я прибавил шагу, но догнать своих не получилось, потому что Медвежонок и Хавгри姆 тоже прибавили. Еще не бежали, но уже – почти. Будь я на месте противника, непременно насторожился бы. Так, а кто у них на стенах? Вроде не вижу никого.

Зато мне в подробностях открылся местный вариант донжона – двухэтажный сруб из мощных бревен с уже знакомыми окнами-прорезями. И крыша... Крыша мне совсем не нравится. Не покатая и крытая дранкой, как у того купчины, а с барьерчиком-защитой и башенкой, прибавляющей строению еще метра три. Башенку я и раньше видел, но теперь разглядел, что на ней что-то такое блестит. Шлем, не иначе. А может, и два...

Я еще прибавил. Догнать Свартхёвди и придержать. Голосом – не предупредить. Я уже собрался крикнуть по-скандинавски, что не двор, а дом – главное...

Я не успел.

Медвежонок поравнялся с парнями, чинившими створку... И одним прыжком вскочил на лежащие ворота, метнув копье куда-то вверх.

Вопль, и через секунду звук падения тела. Выходит, был кто-то на стене, а я проглядел.

Раньше, чем пронзенный копьем грохнулся оземь, Медвежонок уже снес голову еще одному. А Хавгрим боковым ударом хогспьета развалил голову второму. А Скиди всадил копье в живот третьего. А Гагара...

Пара секунд – и пятеро убиты, а шестой бросился бежать. Но и его настигло копье, брошенное Скегги Желтым.

Землекопы заорали. Их лидер надыбал где-то топор и немедленно

метнул в меня. Ловко так метнул. Сразу видно: опыт у метателя большой.

Я не перехватил, поскольку руки были заняты: застегивал ремешок шлема. Просто уклонился.

Храбрые, однако, парни. Похватали, что под руку попалось, и дружной толпой – на меня.

Я встал в воротах. Так, чтобы мою спину прикрывал опорный столб. Боковым зрением контролируя и двор, и бегущих ко мне землекопов.

Во дворе визжали стрелы. Похоже, били с вышки...

Бригадир добежал первым. Что это у него? Ломик? Герой голопузый!

...И еле успел уклониться, потому что герой оказался и впрямь героем. Перехватил мирный инструмент наподобие копья и послал мне в грудь. Да не просто так, а с финтом. Очень толково. Не будь на мне кольчуги, мог бы и организм повредить.

Я ушел уклоном, пустив ломик скользь по пластинам, хлестнул мечом герою по шее...

Блин! Отбил, развернувшись всем корпусом. И коленом мне – в пах. Вернее, в кольчужную юбку. Хорош боец! Я б такого к себе взял. Но уже не получится. Пока он работал коленом, я сработал клинком. Дернул на себя меч и обратным движением вспорол герою шею.

Кровь брызнула в рожу еще одного героя, замахнувшегося топором...

Но этот уже не воин – лесоруб. Был. Ну подумаешь, кровь в глаза... А он зажмурился. В обоих смыслах. Я скользнул навстречу-влево и кольнул мечом под мышку.

И выхватил саблю. Ну давайте, ребятки! Весело и дружно.

Ни веселья, ни дружбы не получилось. Похоже, работая гама работа двумя клинками в стиле «гордый варяг» была знакома. Тормознули дружно. Всей бригадой.

И тут меня долбануло в спину. Вернее, в подвешенный за спину щит. Стрела. Влупило неслабо. Я даже сделал пару шагов вперед, чтобы сохранить равновесие. Однако землекопы решили: я иду их убивать. Побросали орудия труда и дернули, аки зайцы.

Очень правильное поведение. Иначе мне пришлось бы их перебить, а убивать мирных, даже условно мирных граждан, – не мой профиль. Воины – другое дело. Эти сами – убийцы. А убивать убийц – это и есть моя главная специальность.

Удирали землекопы тоже правильно. В лес. Если бы кому-то пришло в голову ломануть к нашему кораблю, пришлось бы догнать, а так... Пусть

бегут.

К сожалению, мои нехорошие предчувствия оправдались.

Разгромить врага с насока не удалось. Большая часть дружинников успела запереться в «донжоне», взять который никаких шансов. Тем более что с крыши и с башенки простреливался практически весь двор.

Мои бойцы, конечно, укрытия нашли. Благо, хозяйственных построек хватало. Чтобы достать их, Водимировым орлам пришлось бы выбраться наружу, потеряв позиционное преимущество.

Пат.

Положительный момент: мои берсерки не «перекинулись». Сумели сориентироваться и побороть искушение.

Отрицательный момент: нас стало меньше. Один из «цветных братьев», Скегги Желтый, лежит посреди двора со стрелами в шее и спине. Кто-то скажет: размен один к восьми – это хорошо. Но я никого разменивать вообще не планировал.

Вопрос: что теперь? Противник занимает выигрышную позицию. Лучники на башенке, лучники на крыше. Надо полагать, в окошках тоже кто-то есть. Их больше, чем нас. А если добавить тот факт, что работа на дистанции – не наша сильная сторона, то оснований для оптимизма нет.

Поджечь «донjon»?

Нереально.

Выкурить дымом, как мы это проделали однажды во Франции?

Тоже нереально. Во-первых, не подобраться: у противника абсолютное преимущество в высоте и скорострельности. А во-вторых, без толку. Потому что в распоряжении противника есть крыша.

Зато в наших руках: пара сараев, конюшня, хлев и прочие хозяйствственные строения. Надо полагать, многие пустуют, поскольку вон там, на лугу, лошадки пасутся стреноженные. А где пастушок, кстати? А нету.

А подальше – овечки и коровки. На заливном лугу. Натуральное хозяйство.

Что ж, если у нас нет возможности захватить главный оплот врага, то подгадить мы можем знатно. И даже представляю, как. Вот только между мной и моими людьми – замечательно простреливаемый двор...

Пока я размышлял о тактике, мои бойцы все решили стратегически. Подожгли хлев и сарай. Недурно получилось. И ветерок удачный. Десять минут – и весь двор под дымовой завесой. Видимость – ноль. Это плюс. Минус: горло дерет и глаза щиплет.

В конюшне заржала лошадь. Еще одна. Выходит, не все животные травку щиплют.

Из дыма вынырнул Тови Тюлень, волоча аж два седла. Банг! В одно тут же воткнулась стрела. С вышки пальнул, гад!

Хавур спрятался за частоколом, уронил седла и закашлялся.

И сразу – аж пятеро наших. Тоже седла волокут. И тело Скегги Желтого. Вот это правильно. И их, кстати, уже не обстреливали. Дым распространился за пределы частокола.

И последние четверо. Верхами! На храпящих конях с головами, обмотанными мокрой тканью. Галопом – мимо нас. Мне под ноги упал здоровенный мешок. И еще один.

– Забирайте! – крикнул Свартхёвди, сорвал тряпку с головы лошади и погнал галопом к коровенкам, которых местный пастушок пытался загнать в лес.

Тroe осталых, Скиди, Вихорёк и Хавур, тоже задерживаться не стали. Первые поскакали приватизировать стада, а Хавур, всю молодость проведший «при дворе» самого крутого сёлундского коннозаводчика, поспешил к лошадкам.

Два часа спустя мы сидели на пристани и обедали. Свинина с горохом и репой. Мучная болтушка с копченым салом. Парное молочко. Сало – из наших запасов, остальное – трофеи.

Обедали с удовольствием, но в сторону форта тоже не забывали поглядывать.

– До чего ж трусливые люди здесь живут, – сетовал Медвежонок. – У нас бы на такое смотреть не стали. Вышли бы и вломили.

Дружинники Водимира выходить и вламывать не спешили. Всё, на что они пока решились, – потушили пожар. Да и то – под контролем взобравшихся на забороло лучников.

Я склонен был согласиться с Медвежонком: трусоваты у Водимира бойцы. Они ж видят, что нас намного меньше. И видят, что мы прибрали к рукам всю их живность, а главное – коней.

Для меня конь – это просто средство передвижения. Потому что наши настоящие «кони» – это наши драккары. Но я знал, что для сухопутных воинов – по-другому. Была возможность проанализировать отношение коня и всадника во Франции. Для воина-шевалье конь – как близкий родственник. Воспитан с жеребенка, понимает даже не с полуслова – с полужеста. Не животное, а друг и напарник в ратном деле.

Неужели Водимировы дружинники не попытаются отбить лошадок? И

коровок? И овечек? Не говоря уже о свинках, которых мы экспроприировали вместе с двумя не успевшими удрать пацанчиками-пастухами...

Между нами и крепостью – метров двести. Меньше минуты, если бегом и с оружием. Даже быстрее, потому что – под горку.

А мы – вот они. Кушаем беззаботно и с удовольствием. Подбежать, закидать нас стрелами... Нет, не получится. Между нами и крепостью – лошадки. И коровки. И овечки. Так что придется подойти поближе и как следует потрудиться.

Чего мы, собственно, и ждем. В готовности.

Не идут. Опасаются.

– Ладно, – решил я, когда солнышко преодолело полпути от зенита до лесных верхушек. – Грузите овец на борт. Хавгри姆, Стюрмир, Гагара, Скегги, Тьёдар – пойдете к месту встречи водой. А мы с остальными – верхами. Лошадей с собой заберем, кроме той, хроменькой.

Хороший табун, однако. Восемнадцать голов. Аж по две запасные на каждого.

– Я б еще пару коровок взял, – внес предложение Тьёдар Певец, приложившись к миске с молоком.

– Бери, – разрешил я. – Только по лесу сам их гнать будешь.

– Почему я? Вот они и погонят, – Тьёдар указал на перепуганных пастушат.

И тут наши противники не выдержали. Увидели, как мы седлаем лошадей и закидываем на судно овечек... И дрогнуло ретивое.

А у кого б не дрогнуло при таком откровенном грабеже? Да и погибшие товарищи вопиют к мщению. Словом, вылезла лиса из норы. Точнее говоря: медведь из берлоги.

Вышли. Построились. Двинулись. Хороший строй. Четкий. Десяток – в ширину, три ряда – в глубину. Первый ряд выглядит внушительно: в бронях. Почти у всех – мечи на поясах. И копья – настоящие, а не палки с железными насадками. Даже отсюда вижу – наконечники на качественных длинных трубках. Позади строя еще десятка два. Ополчение, надо полагать. С луками. Тоже могут организовать нам неприятности.

– Решились! – обрадовался Медвежонок. – Всё же воины, а не бабы!

– Вихорёк, Тови – на вышку! – распорядился я, махнув в сторону околопричального сооружения.

Два стрелка – не двадцать, но лучше, чем ничего. Тем более что в регулярном строю от них толку немного. Легкие.

Мы сомкнулись. Встали в одну шеренгу. Берсерки – на флангах. За

нами – мостки и река. Не обойти.

Наши начали первыми. У них преимущество по высоте. И начали грамотно: по задним. Легкая цель. Ополченцы. Ни щитов, ни доспехов. Каждая стрела – в цель.

Вот друдинники отреагировали правильно: сомкнулись, прикрылись щитам сверху... А эти – растерялись. И тоже сбились в кучу. Пока сообразили, что к чему, оба моих лучника успели по полколчана опустошить. И ни одной стрелы – в ответ. Когда до ополченцев наконец доперло, что их убивают, большинство поступило так же, как давеча – землекопы. По схеме: «спасайся, кто как может». Лишь немногие попробовали вступить в перестрелку. Тоже не слишком умно: наши-то стреляли из-за прикрытия, а те – с чиста поля. То есть не совсем чиста, потому что вокруг – с десяток убитых и раненых. И раненые, естественно, кричат. Потому что – больно. И от этих воплей у слабообученных ополченцев мужества, ясное дело, не прибавляется.

Зато до вражеской тяжелой пехоты дошло: стреляют не в них. Это воодушевило их на скоростной рывок.

Идея хорошая: вдарить по нам с разбега и снести в реку. А потом – добить. Учитывая трехкратное превосходство – не так уж глупо. Только не было у них трехкратного превосходства. Один берсерк – плюс десять к численности. А если завоет – то минус тридцать процентов с мужества.

Но завыли они не сразу. Сначала в Водимовых полетели копья. Семь штук, потому что я свое приберег: так и не научился метать с силой, достаточной, чтобы пробивать щиты и выносить из строя.

Хавргим тоже метать не стал. Копье у него для рукопашки. Трубка в сорок сантиметров, серебром изукрашенная, перо – чуть покороче, зато обоюдоостре. Башку снести можно не хуже, чем мечом. А в руках берсерка так и намного лучше.

Спаренный рёв по останавливающему действию сработал едва ли не эффективнее, чем брошенные копья. Копья друдинники приняли умело: вынесло лишь двоих. А вот после душераздирающего рыка весь строй сбился с шага...

И мы побежали.

Вперед, естественно. Тому друдиннику, что оказался против меня, я перекрыл обзор, приподняв щит. А копье воткнул в шею его соседа слева. И там оставил, потому что в разорванном строю мечом сподручнее... И, ах!

Мой Белый Волк первым прыгнул в брешь, и я – за ним. Метнул щит в ноги тому, что справа, выхватил саблю... И захотел от восторга. Только ради этого мига стоит жить! Клинки, как стрекозиные крылья, несли меня

сквозь толпу неуклюжих врагов. Алые брызги взлетали и рассыпались веерами, стальные жала рассекали мертвую и живую кожу. Я кружился волчком, сбрасывая с себя чужое оружие, лавируя между чужими телами, рисуя стальной вязью в тугом воздухе, рассекая плоть и не ощущая сопротивления...

...Как всегда, закончилось слишком быстро.

На плечи обрушилась свинцовая тяжесть, мышцы утратили упругость, краски померкли, воздух больше не пьянил и не искрился. С хрипом входил в пересохшее горло, гнусно вонял смертью.

Но мы – победили. Убивать больше не надо. Некого. Я присел на труп какого-то друдинника, обтер клинки о рукав его рубахи. Оскаленное лицо мертвеца, тусклые, уставившиеся в небо зрачки. Привычным движением я закрыл ему глаза, посидел еще минутку, потом усилием воли воздвиг себя на ноги и занялся командирскими обязанностями.

У нас были потери. Скегги Красный отправился в Валхаллу следом за братом. Тьёдар Певец и Тови Тюлень получили легкие ранения: Певец – в правое предплечье. Очень огорчился. Пока не заживет, на скандинавской балалайке ему не бренчать. Тови раскроили голову. К счастью, череп уцелел, но потеря крови, сотрясение и прочие прелести.

Сам дурак. Сидел бы на вышке, так нет. Спрятался и полез в общий махач. И схлопотал.

Тьёдар свою рану обработал сам. Вихорёк по-быстрому забинтовал Тови. Полноценную помощь ему окажет позже отец Бернар.

Так. Теперь берсерки? Палица – в отрубе. Медвежонок – нет. Побратим наловчился не выкладываться до донышка без острой необходимости.

Так. Что-то нас маловато. Вижу Вихорька, берсерков, Тьёдара, Тови и убитого Скегги. Вижу Хавура, собирающего лошадок. А где, интересно, мой продвинутый ученик Скиди и Гуннар со Стюрмиром?

Вопль, раздавшийся со стороны «донжона», был ответом на мой вопрос.

Кому что, а викингам – грабить и насиливать.

То была первая мысль, а вторая вернула меня из мира эмоций в мир реальный.

Мои парни делали то, о чем я сам должен был подумать. Зачищали возможные очаги сопротивления.

Когда я вбежал внутрь, то понял: мне следовало бы объявить парням благодарность. Два трупа у дверей, еще один – в большой комнате. И

разрубленный пополам лук. И убитая женщина, вцепившаяся в один из обломков. И совсем молодой пацан с залитым кровью боком, умирающий у подножия винтовой лестницы... Умирающий, но все-таки сумевший метнуть в меня нож.

Нож звякнул о панцирь. Я проигнорировал. Кровь вытекала из парня широкой струей. Жить ему оставалось – всего ничего.

Лестница завивалась вокруг опорного столба. Вот от кого пожарные будущего позаимствовали систему быстрого спуска.

Верхний этаж. Галерея. На ней – еще два трупа. Подросток и женщина. Оба с оружием. Были.

В одной из комнат – охранье и пыхтенье. Дверь – настежь. Скиди. Завалил на ларь девку и пользует. Между ларем и стеной – ребеночек лет двух. Глядит с ужасом.

Всё. Оставшиеся помещения можно не проверять. Не стал бы Скиди развлекаться, если бы в «донжоне» оставался кто-то потенциально опасный.

Кому что. В соседнем помещении – Гуннар, намотавший на руку косу женщины лет тридцати. Судя по ее одежде, женщины небедной. Вон даже золотые сережки-колечки имеются. И что важнее: массивная связка ключей на поясе. Верный признак хозяйки имущества.

– Скажи ей, Ульф, пусть расскажет, где их схоронки! Или, клянусь парусами Нагльфара, я ей сиськи отрежу!

– Женщина, – говорю я с уже привычным скандинавским акцентом, – этот человек спрашивает, где золото и серебро. Покажи, где оно.

– Я покажу, не убивайте! – И поспешно выдергивает сережки из ушей, пока с мясом не вырвали. Соображает, однако. И голос твердый. Может, оставить ее в живых? Я бы оставил... Но пока ничего обещать не стану.

– Ваши мужчины мертвы. Ваш князь – далеко. Не нужно условий. Смерть тоже бывает разной. И, возможно, я пощажу детей.

Презрительно фыркнула. Надо так понимать: ее детей здесь нет, а на остальных ей плевать.

Вот это зря. Гуннар не знает словенского, но тут и без слов понятно.

Одно движение кинжала – и платье из дорогой ткани вспорото от горла до живота. Вместе с исподней рубахой. Викинг выпустил косу, схватил массивную грудь, занес кинжал...

Женщина пронзительно вскрикнула...

– Гуннар, не торопись! – быстро сказал я. – Она же кровью истечет!

Теперь уже фыркнул Гагара. В самом деле, кого я учу?

Небольшой порез на молочно-белой коже. Алая кровь, стекающая по

животу. Женщина визжит, Гагара рычит... Я здесь определенно лишний.

На крыше – два трупа. Ополченцы. Не старше пятнадцати. Луки, ножи, небольшие топорики. В рукопашной – просто мясо. Однако оказись они на крыше, а мы – снаружи, перед запертой дверью, расклад был бы другим. Нет, молодцы мои парни, что сообразили и успели вовремя.

Стюрмира я обнаружил на первом этаже. А Стюрмир обнаружил склады. В одном – меха и оружие всякое: копья, шлемы, две вполне приличные кольчуги на распялках, связки стрел...

А в соседней каморе – запасы пищи. Зерно, мясо, мёд...

Серьезно люди Водимира подготовились.

Появился Скиди. Довольный. Руки в крови, морда в саже.

– Добрая охота! – И озабоченно: – Как бы нам это всё увезти?

– Трэли потащат, – отозвался Стюрмир. – Счас отловим тех, что в лесах попрятались. – И с искренним огорчением: – Жаль, побили многих. Что ж ты, хёвдинг? Всегда о целости трэлей пекся, а нынче – позабыл?

– Ты, Стюрмир, у нас самый здоровый и самый дурной! – бесстрашно заявил Скиди. – Не видел, что ли? Ульф в священную ярость впал! Ты б еще от Палицы потребовал, чтоб он кровожадность смирял! Вот зачем ты бабу убил? – Кивок в сторону общего зала.

– Так она с оружием была! Стрелу на меня нацелила!

– Да видел я, как ты у нее лук вышиб. Баба молодая, справная. Убил зачем? Какая от бабы опасность, если ты в железе?

– Скажешь, баба убить не может? – огрызнулся Стюрмир. – Вот, его Гудрун самого Мьёра-ярла проткнула. И хускарла его!

– Так то – Гудрун! – Скиди даже глаза закатил от удивления Стюрмировой простотой. – У нее отец берсерком был, брат – тоже, и муж! А ты словенку безродную валькирией изображаешь.

– Такая же безродная девка из англов другого хускарла топором зарубила, – буркнул Стюрмир. – Шею ему прорубила и полхребта! Сам видел!

– Хватит! – прекратил я перепалку. – Рабов отловить – это хорошая мысль...

Пронзительный женский вопль сверху не дал мне закончить.

– Что там, хёвдинг? – заинтересовался Стюрмир.

– Гуннар хозяйку здешних кладовых допрашивает.

– Норег умеет, – одобрил Скиди. – Ты иди, Стюрмир. Лови своих трэлей. А мы тут сами разберемся.

Форпост мы сожгли. Весь.

Роскошные огненные похороны для братьев Скегги.

Трофеи частью загрузили на кораблик, частью навьючили на лошадей и пленников. Стюрмира сделал, что намеревался. Прихватил дренгов и прочесал верхами ближайшие окрестности. Скот оставили практически весь. Взяли пяток свиней и десяток овец. Исключительно на пропитание.

Делить награбленное решили в Ладоге. Только Скиди выделился: сразу объявил своей собственностью девку, с которой побаловался, и ее племянницу, которая пряталась за сундуком. Девка оказалась младшей сестрой здешнего «командующего». То есть, по понятиям Скиди, – хорошего рода.

– Будет моей наложницей, – заявил мой ученик. Мое сомнение: мол, дорога неблизкая, ребенок маленький, Скиди понял по-своему и решительно отмел: – Мелкую брошу, эта меня ночью зарежет.

Практичный парень. И неглупый.

– Ладно, берем, – разрешил я. – Но сейчас вам с Виги особое поручение. Пройдетесь вон по той дороге, – я указал на просеку, что вела от форта в направлении Ладоги, – и проверите, подойдет ли она нам.

Глава 15

Стратегическая идея

Трофейный корабль мы спрятали. Жаль было топить, а плыть мимо владений Водимира – слишком рискованно. Загнали в одну из глухих проток, поставили на катки, совместными усилиями затащили повыше и выстроили над ним что-то типа шалаша. Хорошо постарались. Пока вплотную не подойдешь – и не разглядишь ничего. Бурелом и бурелом.

Мы – это я, Хавгри姆, Тьёдар и Стюрмир. Свартхёвди и оба дренга остались присматривать за трофеями. Разместили их на хуторе неподалеку. Пленников – в сарай, скот – на огороженный выпас. Хозяев хутора не тронули, потому что местные, а не пришлые. Я даже обещал заплатить за постой. Натурой, то бишь захваченным скотом. Общались с ними на ломаном русском и жестами. Мы – викинги. Люди неведомого датского конунга.

Пока ждали остальных – монаха, Траусти и Квашака с семейством, за которыми отправился Гуннар, – занялись разведкой. Если новая дорога окажется удобнее тропок, по которым мы шли сюда, ее и используем. Все-таки с нами целый груженый караван и домашние животные. Здешний скот, конечно, намного лучше приспособлен к преодолению лесных дебрей, чем элитные коровы с механизированных ферм, но вести их через болота – удовольствие еще то.

На то, чтобы спрятать кораблик, нам понадобились сутки. Скиди с Вихорьком я дал на разведку два дня, так что к сожженному городку мы вернулись раньше. А может, и вовремя. Это с какой стороны взглянуть.

Если со стороны пристани – то в самый раз. Потому что у деревянного причала обнаружилась недавно пришвартовавшаяся лодка, куча только что выгруженного инвентаря и несколько вояк грозного вида, проводящих допрос с пристрастием. Причем допрашиваемый уже дошел до требуемой кондиции: висел на руках мощных друдинников и сплевывал кровью.

Я напрягся было, но нет, это был не наш товарищ. Какой-то посторонний смерд, которому не повезло.

Неподалеку от пристани, под присмотром еще одного бойца маялась группка неотловленных нами работников.

Остается лишь порадоваться, что главное место встречи я назначил не здесь. Нарвались бы Квашак с семейством на таких... решительных. Вряд

ли мой новобранец Траусти или тот же отец Бернар смогли бы их защитить. Да и стали бы? Вот в Гуннара я верю, но один, пусть даже очень крутой норег, против пятерых княжьих друдинников – все же маловато.

А вот мы четверо – это в самый раз.

– Бьем? – алчно поинтересовался Стюрмир.

– Вот так сразу бить? – усмехнулся я. – А поговорить?

Итак, эпизод «добры молодцы идут в гости», серия вторая.

Но численный расклад куда приятнее.

Первыми на наше появление отреагировали смерды. Независимо от пола и возраста. И очень активно.

Дернули со всех ног в противоположную сторону. Да так дружно, что приставленный к ним боец растерялся и сумел удержать лишь пробегавшую мимо тетку. Ухватил бедняжку и заорал, привлекая внимание... И отвлекая его от нас.

Старший боец рявкнул. Парни, державшие побитого смерда, уронили его на землю и кинулись за беглецами. Так что когда мы оказались на расстоянии броска копья от вновь прибывших, их было уже не пятеро, а трое, причем один всё еще держал вопящую и рвущуюся на свободу тетку.

– Этого – живьем, – указал я на старшего. – Остальных – по возможности.

Между мной и причалом оставалось шагов тридцать, когда вражеский лидер заподозрил нехорошее и потянулся к мечу.

Тормоз, однако.

Конечно, я за оружие не хватаюсь, но – в доспехах. И в шлеме. И хирдманы мои – при оружии. Нормальная реакция – валить. Либо – меня, либо – от меня. А этот – думает. О чем, интересно?

Э! Да я его знаю! Один из отроков, сопровождавших косичкоусого Задорея, когда тот нагло арестовал неопытного меня. Поднялся, однако. Поясок золотой нитью прошил. Гриденъ, дедушка его в бабушку!

И тут я сам надумал. Прям-таки классная идея пришла. И что характерно: если проскочит, даже убивать всех свидетелей не потребуется. Совсем наоборот.

– Меня зовут Ульф! – гаркнул я по-скандинавски. – И я человек Ивара Рагнарсона, которого зовут Бескостным! А ты кто таков? И что ты делаешь на моей земле?

– Чего?

Ни хрена он не понял, да я на это особо не рассчитывал.

На мой рык отреагировали посланные в погоню друдинники. Оглянулись и остановились.

Мой «собеседник» держал руку на мече, но доставать оружие не спешил: я-то подходил с демонстративно пустыми руками.

– Ульф! – рявкнул я и ударил себя кулаком в грудь.

– Хотен! – ткнул себя в зерцало дружинник.

Вот и познакомились.

Храбрый, однако. Совсем меня не боится. Либо храбрец, либо дурак. Впрочем, одно другому не мешает.

А сейчас я тебя, дружок, удивлю еще раз.

– У меня для тебя кое-что есть, – дружелюбно и тоже по-скандинавски произнес я, отвязывая от пояса кошель с монетами.

Что, интересно? Еще как! Даже шаг вперед сделал. Любим, значит, денежки?

А известен ли товарищу Хотену такой вот нетрадиционный способ их использования?

Увесистый кошель на ремешке – ничуть не хуже китайской хрени на веревочке, которой я когда-то владел недурно. Упакованное в кожу серебро описало красивую дугу, закончившуюся у Хотена между глаз. Серебро – серьезный довод в переговорах. И еще один довод для убедительности: левой в челюсть. Борода, конечно, амортизирует, но в данном случае – недостаточно.

Напарник Хотена среагировал лучше. Цапнул рукоять заткнутого за пояс топора... И получил всё тем же мешочком в голубой глаз. А ногой – в колено. А коленом... Сами понимаете, куда.

К концу нашего плодотворного общения Тьёдар и Стюрмир поравнялись с бойцом, который поймал тетку. Тетка испустила почти ультразвуковой вопль и рванулась так, что боец едва устоял на ногах. Что, впрочем, мало ему помогло. Древко копья ударило бойцу под колено, а толчок в грудь сделал то, что не удалось бабе: уложил молодца на травку.

Хавгри姆 испустил грозный рык и устремился к двум оставшимся бойцам... А те, вместо того чтобы последовать примеру смердов, решили поиграть в героев. Бросились навстречу. Хавгрим обрадовался. И убил обоих. Жаль. Хотя пленников у нас и без них хватает.

– Засуньте их куда-нибудь, – распорядился я. – И подождем наших.

Для этого допроса мне нужен был Вихорёк. Светить свободное знание словенского языка я не собирался.

– Ты кто?

Избитого доблестным Хотеном мужика умыли и поставили предо мной.

В ответ – невразумительное бормотание.

– Не бойся, смерд, – поощрил его я. – Говори – и тебя не обидят. Но если будешь молчать...

На многозначительную паузу мужик отреагировал правильно. Заговорил.

Звали побитого Дедята, и должность у него была: бригадир строительной артели. Если можно так выразиться. Бригада профессионалов численностью в двадцать шесть человек (мужчин, разумеется, женщины – не в счет) взялась выполнить подряд на строительство. За деньги и кормежку. О чем и заключили договор (ряд, по-здешнему) с княжым доверенным человеком, боярином по имени Добромусл. Затем приступили к работе под контролем представителя подрядчика, «коменданта» будущей крепости.

Работу артель выполнила практически в срок. Остались сущие пустяки...

И тут мы.

И я, в частности. Лишил артель главного подрядчика, коим оказался тот самый полуголый герой с ломиком. Неудивительно, что он так ловко управлялся с железякой. Сотник как-никак. По-нашему, никак не меньше, чем хольд, а то и целый хёвдинг.

В общем, наш набег поначалу обошелся артели недорого. Погиб только один работник. Да и тот – сдуру. Воином себя возомнил.

Работу тоже жалко. Парни почти год строили, а мы за день сожгли. Ну да их дело маленькое: построить. А защищать – это уже другая профессия. Так считал Дедята. Работа сделана – денежки сполна извольте.

У прибывшего из города гридня, который как раз эти денежки привез (вместе с новым подрядом), оказалось другое мнение. О чем ряд был? Построить фортификационное сооружение со всеми внутренними и наружными постройками. И где это всё? Даже и половины не уцелело. Следовательно, что? А то, что нет работы, нет и денег. Вот когда артель представит положенное, тогда и расчет.

Дедята возмутился: получается, по второму разу всё строить? Да еще огарки разбирать? И все бесплатно! Не будет такого! Они свое дело сделали. А что дружины княжы не смогли защитить укрепление от численно уступающих пришельцев, да еще и сами полегли, так это не его, Дедяты, проблема. Деньги – на бочку!

Теперь уже возмутился княжий гриденъ Хотен. И возмутился действием. Сунул в рожу. Да еще в предательстве обвинил. Мол, где ты был, когда воинов княжых убивали? Меньшим числом, говоришь? А не

потому ли их побили, что вы пособничали? Дедята заспорил – и в результате былбит. Чего и следовало ожидать холопу, который вознамерился спорить с воином.

– Ты прав, – сказал я бригадиру. – Но денег за работу тебе теперь точно не получить. Зато ты можешь отправиться со мной.

– Куда? – насторожился Дедята.

– В Ладогу!

– А жрать мы чего будем?

– Денег на прокорм я дам, – успокоил я строителя. – Под будущую работу.

Расходы, которые я легко мог себе позволить. Например – из той же зарплаты артельщиков, которую пытался зажать Хотен. Чей психологический портрет тоже понемногу складывался.

– Переведи ему: я – вождь великого конунга данов. Мой конунг велел мне взять для него здешние земли. И я их возьму. Скажи своему конунгу: если он согласен платить нам дань, его пощадят. Хотя я очень огорчусь, если он согласится!

Вихорёк старательно переводил. Даже ухитрился имитировать скандинавский акцент: мол, он тоже из немцев.

Вихорёк тоже в закрытом шлеме. Мало ли как жизнь обернется? Нет, личики свои перед княжым человеком мы светить пока не будем. Не хочу, чтобы возникла связующая нить между мной, человеком князя Рюрика, и мной – неизвестным вождем известного датского конунга.

– Почему огорчишься? – Похоже, до сознания Хотена дошла только последняя фраза. Он по жизни такой тормоз? Или потому, что по головенке прилетело?

– А скучно, – ответил я, «прослушав» перевод. – Убивать – весело. Хотя если у твоего конунга все воины такие, как ты... – Я щелкнул его в лоб, а он даже не среагировал. Только поморщился. – То это тоже скучно. У нас бонды лучше сражаются.

Хотен промолчал. А что тут скажешь. Я его взял, как беглого раба берут: не добрым железом, а мешком по голове. И то, что мешок этот с серебром, а не с песком, дела не меняет.

– Сейчас тебя отпустят, – пообещал я. – И твоих людей тебе отдадут. Всех. А ты скажешь своему конунгу, что ровно через год он должен прийти сюда с данью или войском. Запомнил?

Кивок. На роже – счастье. Придурак. Его князя собираются раком поставить, его самого опустили ниже порога, а он лыбится, потому что

отпускают. Живым и непокоицанным.

— Грузите этого барана на лодку, — велел я своим. — И дружков его, живых и мертвых, туда же. Всех раздеть до исподнего. Из лодки убрать всё, даже черпак. Парус тоже забрать. Оставить пару весел. И на всех — один нож поплоше. И пусть убираются к своему князю.

— Добрый ты, брат, — с осуждением произнес Свартхёвди. — Убить их всех надо.

— Если их убить, братец, то кто тогда расскажет их конунгу о страшном конунге Иваре?

— Для этого довольно и одного.

— Медвежонок, ты ведь меня давно знаешь, — я положил руку на облитое кольчугой плечо Свартхёвди. — И знаешь, что я живу по закону: в убийстве слабых нет чести. Будь моя воля: на древе Одина в Оденсе^[9] висели бы не никчемные рабы, а храбрые воины.

— Эти — тоже воины, — возразил Свартхёвди.

— Уверен?

— Да поступай как знаешь, — махнул рукой побратим. — Ты — хёвдинг. Тебе и ответ держать перед конунгом. Ох, не терпится мне узнать, что он скажет, когда узнает о твоей затее!

Глава 16

Княжье застолье

– Великого конунга данов? Ха! – Хрёrek развеселился. – Лучшая шутка, которую я слышал с того времени, как очнулся на палубе морского коня, уведенного прямо из конюшни Сигурда Змееглазого! Ну теперь пусть гадает, кто есть этот конунг.

Разговор шел на пиру. Причем не у Хрёрека, а у Гостомысла. И пир этот происходил, что называется, в малом кругу. От «партии» князя Рюрика – только мы вдвоем. Ну и Светозара – на женском «конце» стола. Хотя по княгине у меня твердого мнения пока не было, на чьей она стороне: мужа или отца?

А вот «партия» Гостомысла была представлена шире. Четверо почтенных мужей. Бояр, как их здесь именуют. Люди серьезные. Государственные. Лица основательные. Тот тип, когда щеки глаза подпирают. Не у всех. Есть и другой. «Всех убью, один останусь». Вояки. Пропорция понятна. Гостомысл правит не столько силой, сколько правильно выстроенной экономикой и контролем над транспортными артериями.

– Думаешь, Водимир поверит, что это даны его людей побили? – пробурчал Гостомысл.

Я подхватил ножом половинку утки, запеченой с клюковой и брусникой, окунул в жир свежеиспеченную ржаную лепешку...

– А почему бы ему не поверить, если это и есть даны? – спросил Хрёrek.

– Нурманы не ходят сушей, это всем известно, – заявил один из бояр, осанистый, краснорожий, не гнушающийся ни угощением, ни медовухой.

Как по мне, то я бы держал этих дяденек подальше от гостайн. Ну как проболтаются?

– Почему не ходят? Я же хожу, – напомнил Хрёrek.

– Ты, князь, почти наш, – возразил боярин. – И служат тебе по большей части варяги. Да и о самом тебе говорят, что ты не нурман, а варяг.

– Вот этого я еще не слыхал, – Хрёrek заинтересовался. – А что еще говорят?

Боярин не стушевался.

– Что дочку беловодского князя Стемида Малфу хочешь женой взять, а

Светозару отцу вернуть.

– Как это? – Для Гостомысла эта инфа тоже оказалась внове.

Хрёrek захохотал.

Потом повернулся ко мне и заявил:

– Видишь, Ульф, не ты один шутить умеешь. – И Гостомыслу: – Если кто-то верит, что я хочу Светозару, любушку мою, прогнать, то почему бы Водимиру не поверить, что кто-нибудь из данов, например Ивар Рагнарсон, нашу землю подмять хочет? Правды в этом точно больше. Думаю, он знает, кто таков старший сын Рагнара Лотброка.

– Знает, ясное дело, – вместо князя ответил тот же боярин. – Ты – не единственный дан, что ходит по нашим рекам.

Ага, а боярин-то с моим конунгом – в открытой оппозиции. Хрёrek на него даже не глядит, обращается прямо к Гостомыслу:

– Что ж, пусть теперь Водимир голову ломает, что ложь, а что правда. А у меня, княже, просьба к тебе. Хёвдингу моему Ульфу землю выделить надо. И не на выселках, а поближе к городку. Поговори со своими уважаемыми боярами, пусть потеснятся немного.

– Твой хёвдинг – ты и выделяй! – отрезал Гостомысл.

Экий он мрачный нынче, подумал я. Может, геморрой мучает? Надо бы князю предложить: пусть отец Бернар его осмотрит? Вдруг поможет чем?

– Не могу выделить, – развел руками мой конунг. – Это не моя земля. Это приданое дочери твоей. Я его делить не вправе. Поговори, княже, очень прошу. Вот хоть с Сырогоем поговори, – кивок на краснорожего. – У него двор большой и на реку выходит, а людей боевитых мало. Ну, как нагрянут враги?

– С чего это они нагрянут? – вскинулся краснорожий.

– Так времена нынче опасные! – развел руками Хрёrek. – Решит вот Водимир, что боярин Сырогоя должен ему дань платить, пришлет к тебе гридней, а ты что? Берестами долговыми отбиваться будешь?

– Не пришлет! – выпятил грудь Сырогоа. – Я Водимиру родня по младшей жене!

Та-ак. Ох, не следовало Хрёrekу мою придумку с Иваром публично оглашать! Точно до Водимира дойдет!

– Это хорошо, – одобрительно произнес Хрёrek. – Вот ты и расскажешь Водимиру о том, что Ивар Рагнарсон к нашим землям приглядывается. По-родственному расскажешь. Мол, секрет узнал.

– И не подумаю! – воскликнул Сырогоа. – С чего бы мне родича обманывать?

Я глянул на Гостомысла: тот раскраснелся не меньше своего боярина. И нетрудно угадать, по какой причине: от гнева.

– А потому, – ласково произнес Хрёrek, – что ты – князя нашего боярин. И ему служить должен. И если придут к тебе гридни Водимира с делом для Ладоги нехорошим, то ты не по-родственному встретить их должен, а железом.

– Ты мне не указывай, нурман, как мне с родичами общаться! – заорал Сырога. – Здесь не твоя сила, а наша! Кого хочу, того и пускаю! И во двор, и в Ладогу!

Договорился краснорожий!

– Значит, теперь ты, Сырога, решаешь, кого в Ладогу пускать? – не сулящим ничего хорошего тоном произнес Гостомысл. – Может, тебе и место боярское невместно? Княжье получше будет?

Тут краснорожий сообразил, что пословица «Язык мой – враг мой. Прежде ума рыщет, беды ищет», как раз – про него. Дорыскался.

Стушевался боярин, забормотал что-то покаянно-невнятное.

Хрёrek скромно помалкивал.

Изменился мой конунг. Раньше он пожестче был. Но результат был достигнут.

– Половину подворья своего отдашь этому, – кивок в мою сторону. – Ту, что у реки. В нем я уверен, что мне будет служить, а не родичам твоим из Старого и Нового города!

– Да не тебе он будет служить, а дану своему! – в сердцах воскликнул Сырога.

– Вот и хорошо, – одобрил Гостомысл. – Для тебя, Сырога, что я, что зять мой Рюрик – всё едино должно быть.

Боярин сморщил красную рожу: кажется, еще чуть – и заплачет.

– Как же так, княже? – проскулил он. – Это ж отчина моя… Что ж мне уже и воды из Волхова не почерпнуть?

– Ты мне на жалость не дави! – отрезал Гостомысл. – Отчина твоя – по ту сторону реки. А здесь – мое. И отцу твоему здесь поселиться мой отец позволил, потому что доверял.

– Так и ты мне верь, княже! – пылко воскликнул мордастый боярин. – Я ж тебя – как отца почитаю!

– Вот и почитай, – Гостомысл цапнул с блюда птичью грудку, вцепился зубами, пачкая жиром бороду, и пробормотал невнятно: – А землю, какую я велел, отдай. Или забирай чать да иди к Водимиру.

– Не-ет, – процедил Хрёrek с хищной улыбкой, которая сразу превратила его в прежнего Хрёрека-конунга, которого я помнил и любил. –

Нельзя ему к Водимиру, отец. Слишком много он знает... интересного.

– Вот тебя не спросили, нурман! – фыркнул Сырога.

И зря.

Мне было достаточно протянуть руку. Левую руку. Нет, хватать за бороду я его не стал. Это по здешним понятиям – страшное оскорбление. А вот про кадык ничего не сказано.

– Князь Рюрик, – поправил я. Голос мой был мягок, чего нельзя сказать о пальцах.

Сырога захрипел.

Кто-то из бояр, из толстомордых, сунулся помочь, но я правой рукой слегка выдвинул из ножен Вдоводел. Солнце блеснуло на геометрическом узоре латунных и серебряных полос оголовья рукояти... И боярин плюхнулся на лавку. Обо мне в Ладоге говорили разное. Но большинство сходилось на том, что я – такой же безбашенный псих, как Свартхёвди и Хавгрим. Только еще безумнее, потому что иначе как бы я с ними управлялся? Такая репутация мне была по душе. Местная знать старалась не нарываться.

Сырога выпучил глаза и вцепился мне в руку. Хорошая хватка, но до привычных мне викинговых клещей боярину далеко.

– Послушай меня, Сырога, – почти ласково проговорил я. – Если ты еще раз обратишься к моему князю неуважительно, я тебя убью. А если я узнаю, что Водимиру стало известно о том, о чем мы здесь говорили, то я убивать тебя не стану. Я сделаю из тебя свинью. Знаешь, что это такое?

Сырога захрипел. Скорее отрицательно, чем утвердительно.

– Ничего страшного. Узнаешь. Расспроси кого-нибудь, и тебе расскажут. Ты понял меня?

Я отпустил боярина. Он зашелся кашлем.

– Думаю, ты понял, – я покосился на Хрёрека: не перегнул ли палку?

Лицо моего командира не выражало ничего. Он делал вид, что полностью поглощен жареным жаворонком.

И Гостомысл тоже делал вид, что ничего не произошло.

Для всех остальных это было верным знаком: мои действия одобрены руководством.

Но я не обольщался. Им обоим удобно иметь под рукой отморозка. Дикого зверя, которым можно пугать близников. Прежний Хрёрек-конунг повел бы себя иначе. Дал бы знать, что я действую с его подачи. Хотя с прежним Хрёреком никто и не рискнул бы говорить так, как только что – Сырога.

Ладно, переживем. Это политика. И то, что это политика, понятно уже

по тому, как отнеслись прочие бояре Гостомысла к унижению коллеги. Большинство – с откровенным злорадством. Вот так. Учитесь, Ульфхёвдинг, принципу «разделяй и властвуй».

Сырога наконец прокашлялся, тоже оценил обстановку... И покинул наше общество, даже не попытавшись опробовать на мне остроту меча. А ведь затылок человека, сидящего на скамье и обгладывающего косточку, выглядит так искушающе...

Не искусился Сырога. А жаль. Тогда бы я его убил. И одним врагом у нас стало бы меньше.

Глава 17

Похищение

В итоге я таки получил участок земли вдоль берега. На четверть километра выше порогов. Кусок, достаточный, чтобы обосноваться самому и поселить еще человек сто. Маловато для сельского хозяйства, но для торговли и войны – хватает. Соседи, правда, подкачали. С трех сторон – Гостомысловы близники. Сырого – через дорогу. Ха, в рифму! Еще один боярин – через спуск к воде, а последний – вообще через забор.

Участок оказался немалый, но практически голый. Сырого, сучара, разобрал и вывез все строения вплоть до собачьей будки. Не тронул только причал, да и то лишь потому, что к нему уже пришвартовался мой драккар, а разбирать пристань на глазах у викингов людишки боярина не рискнули.

Разрушительной деятельности Сырого я не препятствовал. Деньги у меня имелись. Помимо изрядной добычи, взятой на озере Длинном, немаленькая сумма, которую Хрёrek выложил за эстский кораблик. Медвежонок, правда, бухтел, что нас ограбили, но я не сомневался, что он отжал у Хрёрека всё, что можно. В общем, денег было навалом. А еще у меня под рукой имелась собственная строительная артель, древесина шла за совсем смешную по сёлундским меркам цену. И скобяной товар у меня, считай, свой. Купил Квашаку землю на отшибе, проплатил строительство кузни и партию сырья. И за эту помощь Квашак стал моим рядным холопом. Год на меня будет работать за треть стандартной цены, а потом десятую долю дохода – мне. А я ему – железо в ломе и крицах – с небольшой скидкой. Я же не жадный, как мой названный братец.

Задачу Дедяте я поставил. Первое: о том, как мы познакомились, помалкивать. Он знал, что я и разрушитель Водимировых крепостей – одно и то же лицо. Но для всех остальных придумана легенда. Мол, я выкупил Дедяту со товарищи у загадочного вождя викингов за хорошую цену, которую артели теперь предстоит отработать.

Убедить Дедяту помалкивать было легко. Труднее – поставить задачу. Например, растолковать, какое именно отопление я желаю получить (эх, где мне отыскать еще одного такого мастера, как Пэррик) и почему сруб собирать не по-здешнему, а по-скандинавски – с клиновидной выборкой. Если я ничего не перепутал, то будет у меня теплый дом с нормальным, а не «по-черному», отоплением. Хороший теплый дом, в котором зимовать –

одно удовольствие.

То есть я еще не знал, где буду зимовать, но если есть возможность что-то сделать качественно, так почему нет?

А еще мы с Хрёrekом пустили дезу. И сделали это так.

Пришли с ним на пару поглядеть на Гостомыслово «пожалование», как раз когда на нем активно трудились люди Сыроги, превращая недвижимое имущество в стройматериалы. А по ходу завели разговор о том, что заезжал к нам в гости посланец Ивара Рагнарсона с интересными предложениями. Я агитировал Хрёrekа, что надо всячески помогать Рагнарсону захватить здешние земли. А уж Ивар в долг не останется. Закрепит за Хрёrekом и Гостомыслом Ладогу и прилегающие земли. А все прочие захватит и наладит правильную торговлю аж до самого ромейского моря. Хрёrek делал вид, что сомневается. Мол, придет Рагнар с сыновьями и всё заберет под себя. Я же упирал на свое долгое и плодотворное сотрудничество с Иваром и Рагнаром, напоминал Хрёrekу, как он сам отлично повоевал вместе с папой и сыновьями и сколько всего хорошего добыл. А здесь так будет. Что против Иваровых хирдманов здешние гридни – просто детишки. Того же Водимира Ивар пройдет и не заметит. А нам с Иваром в одиночку точно не совладать. Даже если мы с тем же Водимиром в союз войдем – и то не факт.

Говорили мы, естественно, по-скандинавски. Но из Сырогиных работников, по крайней мере, двое речь эту понимали. Судя по тому, как они активно «грели уши», когда мы с Хрёrekом обсуждали условия перехода под могучую руку Рагнарсона.

Деза пошла. Хочется верить, что дойдет она не только до Гостомысла, но и до Водимира. Пусть подумает: стоит ли емуссориться с Ладогой, когда на его землю положил глаз большой дядя? И очень надеюсь, что никто из Гостомысловых бояр не проболтается о том, кто на самом деле выступал в качестве «людей конунга данов». Хотя если подумать... Я ведь правду тогда сказал. Разве Хрёrek – не дан и не конунг? А разве мы – не его люди?

Пока артель Дедяты занималась строительством, меня с бойцами «приютил» Хрёrek. Выделил домишко неподалеку от собственного терема. С прислугой и прокормом.

Но особо расслабляться не дал. Не в его стиле. Пара дней на отдых, а потом отработка натурой. У Хрёreка под рукой по моим прикидкам было чуть больше сотни бойцов. Половина, варяги, в настоящее время отсутствовала, а вторая половина состояла главным образом из зеленого,

как июльские яблоки, молодняка. Чтобы перечислить более опытных, таких, как, например, Харра или Витмид, достаточно было пальцев одной руки. Так что просьба погонять салабонов была вполне оправданной.

Учить так учить, я не против. Тем более что у меня самого есть несколько зеленых, да и тем, кто постарше, тренировки не помешают. Чтобы поддерживать себя в форме, викинг должен упражняться с боевым железом ежедневно.

В общем, выбрали мы подходящий лужок, наскоро соорудили что-то вроде тренировочного городка и занялись делом.

А на следующий день поглядеть на наши игры пришел Хрёrek. И привел с собой того боярина Бобра, Гостомыслова близника, исполнявшего при князе ладожском роль воеводы.

Зрители не мешали. Просто наблюдали.

Но тем же вечером Бобр заявился в гости с несколькими бочонками пива. Уважил, понимаешь. Здешние-то медовуху предпочитали.

Мои, естественно, обрадовались, а я насторожился. Зря. Боярин всего лишь попросил взять в науку еще полсотни учеников. Уже из Гостомысловой дружины.

– Князь Рюрик не возражает, – пробасил боярин, угожая меня пивом. – А с тобой, Ульф Свити, мы сочтемся, не сомневайся.

Я был не против. Надо было налаживать отношения с ладожскими боярами, а Бобр показался мне мужиком правильным. То есть не мужиком, конечно, воином, но всё равно правильным. В отличие от того же Сыроги. А с виду и впрямь – вылитый Бобр, только что без хвоста. Массивный, щекастый, основательный. И пиво его дворня варит отменное. Давно такого не пробовал.

– Доброе пиво, – в сотый раз повторил Стюрмир. – Надо освободить место для нового бочонка. Ты со мной, Волчонок?

Праздник затянулся до середины ночи. Бобр давно ушел... Но пиво пока оставалось.

– Не-а, – замотал я затуманенной башкой. – Я – баиньки. Вот только меч прихвачу...

Вышли из трапезной втроем. Стюрмир, я и какая-то девка, повисшая на мне. Или это я на ней повис?

Вопрос сложный. Земля раскачивалась, аки палуба дракара в ненастье. Но пространство я контролировал. Слышал, к примеру, как Стюрмир с крыльца орошал княжий двор. Видел две луны в небе. Кстати, почему две? Вроде бы одна должна быть. Или это фонарь?

– Пойдем, миленький, – уговаривала меня девка. – Пойдем скорее в постельку.

– Ага, – согласился я. – В постельку. Только ты, девка, это... Я тебя имать не буду, – сообщил я своей то ли обузе, то ли подпорке. – У меня жена есть. И наложница. Спать будем. Вот.

Девка не спорила.

Мы сошли с крылечка и побрали к моему «номеру».

Нет, с пирами надо завязывать. Это уже третий с момента нашего возвращения. Если я буду столько жрать и пить, то скоро догоню старину Стюрмира. По весу.

Вход в мою клетушку – отдельный. Конунг уважил своего верного хёвдинга. Впрочем, скоро у меня свои хоромы будут. Да еще какие! С подогревом!

Я скинул верхнюю одежду и рухнул на ложе, раздумывая, как мне так половине стянуть сапоги, чтобы не рухнуть на пол. Пока я размышлял, проблема решилась сама. Подключилась девка. Избавила меня от сапог и кожаных портков, поднесла ковш чего-то кисленького, приправленного травами, уложила в постельку, задула изложницу...

Мое сознание тем временем витало в облаках приятных, игристых мыслей. Моя прежняя позиция «не иметь» ослабела. Девка пахла приятно и на ощупь была как раз такая, каких я предпочитаю в роли послевкусия дружеской пирушки. А почему нет? Мы ж в походе. Гудрун не обидится.

Темнота ласково обнимала меня. Я улыбался...

– Лыбится, сын нурманской суки! – проворчал мужской голос по-русски где-то в районе моего правого уха. – Что ты ему подмешала, Горёна?

– Порошка из дурманного корня, – отозвался, тоже по-русски, голос женский. – Ты же сказал: он должен заснуть надолго и проснуться в памяти. Он дорогенек, порошок этот. За щепоть ноготь серебра плачен.

Интересное ощущение. Я вроде бы понимал, о чем говорят. И вроде бы должен был насторожиться. Даже не просто насторожиться, а уже нащупать Вдоводел.

Но не делал ровно ничего. Мне было так спокойно, так хорошо. И тела я практически не ощущал. Я будто лежал в ванне с горячей водой в ленивой дрёме.

– За всё получишь сполна, Горёна, – пообещал мужской голос.

– А скоро ли, господин мой? – с заметным беспокойством спросил голос женский.

– Да хоть сейчас! – пообещал мужчина.

И в следующую секунду мое одурманенное сознание зафиксировало знакомый хрусткий звук, с которым хорошо отточенная сталь входит в бренное тело.

Женщина даже не пискнула.

Ненавижу, когда убивают женщин. Даже если эта женщина, судя по диалогу, опоила меня какой-то дурью.

Однако сейчас меня это почему-то не тронуло. Будто всё – не по-настоящему. Такая веселая игра. А вокруг – мои лучшие друзья.

Потом «друзья» мне вязали руки-ноги, а я только по-дурацки улыбался.

Время от времени мелькали мысли, что игра эта, может быть, и не совсем хорошая. А если вокруг друзья, то зачем им меня связывать? Но мысли эти тонули в патоке необъяснимого счастья.

– Зачем ты ее зарезал, Задорей? – спросил мужской голос. Другой.

– А затем, Шмыга, что не твоего ума дело, ешь тя опарыш! Нож не вымай. Это его, нурмана, нож. Пусть думают, что нурман ворожейку зарезал. А потом пропал.

– И зачем всё это, Задорей?

– А затем, – с раздражением пробасил первый голос, – что всё торжище видело, как нурман меня поганил. Как думаешь, на кого подумают, узнавши, что он пропал?

– А так, по-твоему, не догадаются?

«А то как же!» – мысленно заявил я, продолжая дурацки ухмыляться.

– Может, и не догадаются, – без особой уверенности проговорил косичкоусый Задорей. – А почто ты, Шмыга, так по ворожейке плачешь? Из того серебра, что ей причиталось, половина твоей будет.

– Вот так годится, – сразу повеселел таинственный Шмыга. – К воротам, говоришь, свезти? Так это я мигом!

Недолгая возня и затухающий стук неподкованных копыт довели до моего ума, что порученец отбыл.

– Поехали, нурман, – сообщил мне нехороший человек Задорей, ухватил меня поперек туловища и закинул поперек лошадиной спины. Закинул, перехватил ремнем, чтоб не свалился, вскочил на другую лошадь, и мы рысью припустили в неизвестность.

Путешествие было приятным. Я понимал, что это тоже – дурман. Человек, которого везут на лошади на манер поклажи, животом вниз после обильной во всех отношениях попойки, не может радоваться жизни. А я радовался. Всему. Даже тому, что могу избавляться от избытков пищи, никого не тревожа.

Транспортировка моего тела длилась около часа и закончилась на берегу Волхова. Я определил с помощью логики, потому что река была немаленькая.

На берегу нас ждала лодка. Так себе суденышко. Сугубо для речного плавания.

Меня уронили на лодочный поддон.

– Это он? – поинтересовался юношеский голос.

– Он, нурман подлый, ешь его опарыш! – Задорей от души пнул меня в бочину. Я улыбнулся еще шире. Больно не было.

– Что это с ним? – заинтересовался вьюнош.

– Да с зельем ворожея перебрала, – с досадой воскликнул Задорей. – Ничё! По пути очухается, и я ему покажу его место у свиного корыта.

– А худа не выйдет? – встревожился молодой. – Он же нурман! Да еще из дружины самого Сокола! Может, вспорем ему брюхо, камней напихаем да в реку на стрежне скинем? Тогда точно не найдут!

«Плохая идея! Очень плохая!» – сигнализировало мое сознание. Но мозг его не слышал. Мозгу было хорошо.

К счастью, Задорей был настроен серьезно и убивать меня столь примитивно ему было обидно. Как выяснилось позже, была у него собственная идея о том, как именно я должен умереть. Заковыристая и крайне неприятная. Для меня.

Задорей не торопился. Уже светало, а мы все еще стояли у берега. Кайф из моей головы выветрился. Осталась боль в затылке, боль в глазах, боль везде, а также жажда и привкус блевотины во рту. И вообще во всем окружающем мире.

Соратник Задорея, прыщавый юнец с пушком на подбородке и боевым топориком, заткнутым за серебряный пояс, определяющим его как отрока из княжьей дружины, то есть, по-нашему, – дренга, решил проявить сочувствие. Напоил меня забортной водичкой. Спасибо, друг! Когда придет пора распределять подарки, я тебя небольно зарежу.

Вернулся Шмыга. Вот кого, оказывается, мы ждали.

На свету подручный Задорея оказался таким же безусым отроком лет пятнадцати с виду, как и прыщавый. Но кость хорошая и предплечья накачанные. Значит, тренировками с оружием не пренебрегает. По тому, как он легко перемахнул через борт лодки (даже не закачалась), становилось понятно: с координацией и вестибулярным аппаратом у паренька проблем нет. Пожалуй, я мог бы вырастить из него что-нибудь путное. Сделать при

оказии парню предложение? Моя свобода в обмен на место в нашем хирде?

Не годится. Пацан с виду правильный. Значит, откажется. А если верности в нем нет, зачем нужен такой брат по палубе? Ох, не о том я сейчас думаю. Хотя что я могу сделать по факту, связанный по рукам и ногам? За борт выброситься? Так достанут же.

Толчок – и мы отправились в путь. Отроки – на веслах, Задорей – у руля, а я – в исподнем, между скамейками.

Нет, надо что-то делать. И если нет возможности защитить себя руками, попробуем действовать головой. Которая болит, собака, как после хорошего удара дубинкой.

Кое-как извернувшись, я принял сидячее положение. Оглядел всех мутным взором, подождал малость, пока боль уймется, а в глазах прояснится... И демонически захохотал.

Отроки прекратили грести, уставились на меня с опаской.

– Он умом двинулся? – осторожно поинтересовался Шмыга у своего косичкоусого лидера.

– Умом двинулись вы! – заявил я. – Украдь человека князя Рюрика! Да лучше вам друг другу кишки выпустить и на тех кишках повеситься!

– А он точно нурман? – усомнился прыщавый. – Ишь как по-нашему шпарит...

– Нурман, не сомневайся! – влез косичкоусый. – Самая что ни на есть нурманская гадина, ешь его опарыш! Вожак ихний! Людоед!

– Может, и людоед, – не стал я оспаривать слова Задорея, заметив, что храбости молодым его слова не прибавили. – А вот вы скоро деръмо будете жрать. Из собственного брюха. Ложками! Ну-ка развернули лодку и живо в Ладогу! Тогда, клянусь Одином, я забуду о вашей глупости. Возьму полгравны за обиду и отпущу восвояси!

Отроки пришли в еще большее смущение, но их вождь, как и следовало ожидать, оказался покрепче.

– Слушайте его больше! – рявкнул он. – Когда нурман клянется Одином, точно обманет. Один у них – бог лжи!

Ишь ты, какой информированный.

– За такие слова, собака, тебя следует в котле сварить, язык предварительно вырвав, – в лучших традициях Севера ответил я. – Но ты невежествен и туп, потому я возьму с тебя еще полгравны, и ты сохранишь жизнь. Свою и этих молодых. Я даже не скажу никому о том, что ты опозорил себя женским колдовством.

Не понял, зараза, хотя по северным понятиям ему только что было нанесено оскорблениe, куда более страшное, чем слово «собака».

– Глупо с твоей стороны было оставлять труп колдуны, – отечески произнес я, устраиваясь поудобнее, что, признаться, было непросто – со связанными-то конечностями. – Теперь мой конунг сразу догадается, что взяли меня с помощью женского колдовства. Ты сам сообщил ему об этом. И кого в этом винить, тоже понятно. Очень скоро хирдманы моего конунга придут в гости к твоему Водимиру и освободят меня. А уж твоя судьба и судьба этих молодых, – я покачал головой. – О том, как долго и интересно вы умирали, скальды сочинят отличную историю.

Теперь парни точно были готовы наложить в штаны.

А вот их лидера я недооценил.

У Задорея был план. И непростой.

Косичкоусый не собирался везти меня в резиденцию своего князя. Более того, сам он тоже не собирался туда ехать.

– Наглый нурман считает нас совсем глупыми, – усмехнулся он. – Думает: это наш князь хочет его жизни. Много чести для тебя, нурман, чтоб князь Водимир беспокоился из-за какого-то хирдмана! Это я, я хочу тебя наказать! – объявил он с таким чванливым видом, будто взял меня в честном бою.

– Ты? Наказать меня? – Я изобразил крайнюю степень презрения. – Ты и бабу наказать не сможешь. Разве что зарезать подло. Вот это твое. Тут ты славу немалую стяжал. И не Задореем тебя звать следует, и даже не Голожопым, как прозвали тебя в Ладоге, а Бабобойцем. И не стыдно вам, отроки, за таким идти? Ужель нет у вашего князя добрых воев, только Бабобойцы Голожопые? Хотя что тут говорить: каков князь, таковы и вои. Всей дружиной – на одного. Это по-вашему. Бабы вы все! Я с пустыми руками вас троих к предкам отправлю раньше, чем Бабобоец свинью уестествит. Что скажешь, Бабобоец? Вы втроем, с железом – против меня в одном исподнем?

Я откровенно шел на конфликт. Пусть только развязнут. Драться с ними я не собирался. Дурман, гулявший в моей крови, губил рефлексы, скорость и координацию, кисти рук, если их развязать, будут минут пять отходить... В таком состоянии драться даже с одним косичкоусым – чистое самоубийство. Так что заботься он о своем рейтинге среди молодежи, непременно принял бы вызов. Я б на его месте точно принял...

А уж пацаны точно не против. У них на рожах было написано желание порубить меня на неравные части.

Только я бы не дался. Река – вот она. Плаваю я неплохо. В теплой воде, пожалуй, даже скандинаву не уступлю. А плавать – не фехтовать. Ни нарушение координации, ни онемение кистей и стоп погоды не сделают.

Так что нырнул бы в мутную водичку – и до свиданья.

Задорей не поддался.

– Гребите шибче! – рявкнул он на молодежь. – А ты, нурман, будешь попусту болтать – язык отрежу!

И ведь не шутил, сволочь. С такой лютой ненавистью на меня глядел, будто я его любимую бабушку укокошил.

Я заткнулся. Парни бодрее заработали веслами, и где-то часа через два Задорей указал пальчиком на вход в протоку, прорезавшую высокий берег. Туда.

Там нас с ним и высадили. Хорошее место, укромное. С реки и не разглядишь, если не знаешь.

Высадили. Не то что жилья человеческого, даже тропы пригодной не видать. Крохотный пляжик внутри заросшей ольхой протоки. С реки нипочем не разглядишь.

Засим молодежь уплыла. А мы с косичкоусым остались.

Задорей, пыхтя, затащил меня в заросли. Усадил у дерева потолще. Привязал к нему. Присел рядом на корточки.

– Сейчас я расскажу тебе, что с тобой будет, нурман. В двух поприщах^[10] отсюда деревенька есть. Сейчас я туда сбегаю за лошадками, и мы с тобой отправимся в селище, где дед мой – старейшиной. Отныне там твоя судьба: будешь рабом рода моего.

«Счас! – подумал я. – Только голову побрею!»

Рабом я уже успел побывать. И всякий раз это плохо кончалось для рабовладельцев.

Однако стоит задуматься: почему именно со мной происходят подобные гадостные вещи. Вот Стюмира, к примеру, никто не крадет и в рабское сословие не определяет. А я в который раз – на одни и те же грабли. Почему?

Впрочем, об этом можно и на досуге подумать. По-любому, мой косичкоусый похититель меня недооценивает. Определить меня в рабы к местному земледельцу – это как нанять лису в курятнике прибираться.

Должно быть, что-то такое отразилось на моем лице, потому что Задорей ухмыльнулся и сказал:

– Знаю, о чём думаешь. Мол, не совладать с тобой смердам. У вас, я слыхал, жилы на ногах строптивым рабам перерезают? Верно ли это?

– Вот станешь нашим рабом – узнаешь!

– Тебе, мыслю, жилы перерезать – маловато было бы. Потому для тебя я особую участь придумал. Жилы мы тебе трогать не станем. Глаза выпечем, этого довольно будет.

И вперился глазёнками: испугался я? Нет?

Ага! Так я тебе и покажу!

Я ухмыльнулся со всей возможной наглостью:

– Такого, как ты, я и без глаз удавлю. Сомневаешься? Давай проверим!

– Глаза и мошонка, ешь тя опарыш! – повысил ставки Задорей. – Твой здоровенный дружок собирался меня оскопить. Это он славно придумал. Мерин силой жеребцу не уступит, но куда спокойней и послушней.

Я ухмыльнулся еще шире.

– Лучше бы тебе меня убить, – посоветовал я Задорею. – Братья мои искать меня станут. А ну как найдут? Что тогда они с родичами твоими сделают, догадайся?

– Они тебя найдут, – пообещал Задорей. – Только не в роду моем, а в Беловодье. У варягов тебя найдут. Точней сказать: труп твой. Да такой, чтоб сразу понятно: мучили тебя перед смертью знатно.

– Не сходится, Бабобоец! – оскалился я. – Ты уж определись: замучить меня или в рабы. Тут что-то одно. Вместе никак не получится.

– А вот и нет! – радостно воскликнул косичкоусый. – Труп-то будет, да останется от него мало чего. Одежда твоя. Обереги. А голову, руки, ноги я огоњком припалю. Да оставлю так на недельку, чтоб и зверушкам мясца досталось. А потом тебя найдут, нурман. И что подумают? А то, что дружки князя твоего, варяги, с тобой поиграли малость, как они любят. И что тогда? А то, что дружбе варягов и князя твоего конец придет. А кроме варягов да Гостомысла у него на нашей земле никого и нет. И останется тогда Рюрику твоему или Водимиру поклониться, или убираться с нашей земли восвояси. Как, нравится тебе моя придумка?

Хитро. Идея гнусная, но ведь может и получиться. В то, что конунг поверит, что это варяги меня запытали, сомневаюсь. А вот искать меня больше точно не станут. Обидно, однако. Я с конунгами и королями дрался, а тут какой-то мною же битый уродец намерен меня искалечить и в раба обратить.

И что я могу сделать?

Сейчас – как минимум не показать слабину. Ну да, вот он я, связанный по рукам и ногам, не способный даже комара со щеки согнать. Но я жив, а следовательно – поборемся.

– Ты, главное, бабу с мужиком не перепутай, когда мучить станешь, – озабоченно проговорил я. – А то прирежешь девку какую по своему обыкновению... Так и не признают ее товарищи мои. Тебя, Бабобоец, может, и признали бы, а меня – вряд ли.

Обидеть не получилось, но Задорей сообразил: запугать меня не

получится. Хотя уверенность его в том, что я крепко взят под мицкитки, никуда не делась.

К сожалению, эта его уверенность имела основания.

– Сиди тут, не уходи никуда, – издевательски произнес он и скрылся в чаще.

Машинально я отметил, что ходить по лесу мой недруг умеет. Канул в зарослях без хруста и шороха.

Но меня в данный момент интересовало другое.

К лодке меня привезли на лошади. И на борт конягу не взяли. Тоже понятно: куда? Однако вывод: в Ладоге у косичкоусого остался помощник. Он-то и увел лошадок. А это – след. Вопрос: смогут ли его распутать мои друзья?

* * *

– Ворожея, – Харра Стрекоза толкнул ногой труп женщины. – Я ее знаю. Плохая баба. Горёной звали. Отец ее у Гостомысла в гриднях ходил. Убили его в походе. В память о нем ворожею и не трогали. Гостомысл не велел. Не то давно б на правёж вывели: слухи о ней скверные ходили.

– Я ее тоже знаю, – пробасил Стюрмир. – Ульф вчера с ней ушел. Видать, чем-то она ему не приглянулась, раз он ее убил.

– Стюрмир! Это у тебя, видать, вчерашнее пиво весь ум вымыло! – сердито перебил Свартхёвди. – Сказать такое! Что мой брат бабу убил!

– А что худого? – удивился Стюрмир. – Ну, убил и убил. Обычная баба. Колдунья вдобавок. Наколдовала чего не то... Хотя нет. Прав ты, Медвежонок, – Стюрмир потер лоб. – Это ж Ульф наш. Он баб да детишек всегда щадил. Помнишь, как франков...

– Лучше б ему эту бабу раньше убить, – неожиданно произнес отец Бернар.

– Почему? – в один голос спросили викинги, оборачиваясь к монаху.

– Зелье дурманное, – отец Бернар встряхнул ковш, в котором оставалось жидкости на пару ложек. – Вот понюхайте.

Понюхали все. Но разбирались в зельях только берсерки.

– Так и есть, – подтвердил Хавгри姆. – Сильное снадобье. А еще если с пивом...

– Может, он из-за зелья бабу убил? – предположил Скиди.

– От этого дурмана не убивают, – сказал отец Бернар. – И убивал не Ульф, это уж точно.

– Почему так думаешь? – усомнился Свартхёвди. – Нож – Ульфов, добрый. И удар тоже добрый – во всю длину.

– Сейчас поймешь, – монах наклонился, без особого труда поднял мертвую женщину, удержал на весу так, чтобы ноги ее касались пола. – За рукоять возьмись, Медвежонок.

Свартхёвди взялся.

– Удобно, – сообщил он. – В самый раз так бить.

– Тебе, – уточнил лекарь. – Виги! Теперь ты возьмись. Видишь, Медвежонок, ему уже не так удобно. А Виги ростом даже повыше, чем наш хёвдинг. – Он уронил труп на пол. – Что скажешь теперь?

– Скажу: глазастый ты муж, монах. И умен. Как заметил?

– Посмотрел – и заметил. Уж в ранах-то, хольд, я разбираюсь. Немало их повидал да залечил.

– Небось и сам наделал? – ухмыльнулся Скиди. – В прошлом?

О том, что отец Бернар был когда-то воином, французским шевалье, догадывались многие. Да он и не спорил.

– А вот прошлое мое, воин, не твоего ума дело! – отрезал отец Бернар. – С тех пор как я Господне служение принял, крови ни разу не пролил. Разве что по лекарскому делу.

– Точно! Не мог Ульф сбечь! – внезапно воскликнул Стюрмир. – У нас же в трапезной его меч остался. Вдоводел! А он без него – никуда!

– Верно говоришь! – подтвердил Свартхёвди. – Я Вдоводел видел утром. Еще удивился, что Ульф его в трапезной оставил.

– Эй! – вмешался в их беседу Харра Стрекоза. – Что князю скажем? Кто бабу зарезал?

– Кто зарезал ворожею, меня мало волнует! – бросил Свартхёвди Медвежонок. – А волнует меня другое: куда подевался мой брат?

Глава 18

Красота мироздания

Задорей привел лошадей. Вернее, лошадь. На ней он собирался ехать сам. А я, по его мысли, должен был бежать следом. Трусцой.

В принципе, я не возражал. Всяко лучше, чем быть возиму, аки мешок, поперек седла.

Плохо, что бежать пришлось без обувки. Я умею бегать босиком. Но не на веревке. Раз оступился, два... И вот уже потянулись за мной следы. Кровавые.

Хорошо, время близилось к вечеру, и косичкоусый решил устроить привал. Состояние моих ног его обеспокоило. Как же! Я теперь – его имущество. Мне было велено привести ноги в порядок: то есть промыть и смазать вонючим жиром, который мне выдал Задорей. По этому поводу он мне даже руки развязал. Правда, доверия у него ко мне не было, так что ноги я обрабатывал под прицелом. Потом сам связал себе ноги и накинул на шею веревочную петлю, которую дружинник Водимира затянул, а конец веревки привязал к дереву. И только после этого храбрый гриденъ рискнул подойти ко мне и связать мои руки.

Все команды Задорея я выполнял безупречно. Видел, что он меня боится. А значит, дай я ему повод – стрельнет, не задумываясь. В общем, я проявлял покорность. И был вознагражден ужином. Задорей подстрелил матерого зайца и поделился со своим будущим рабом.

Шкура косого пошла на мою обувку. Простейший вариант: берешь сырую шкурку и оборачиваешь вокруг ноги мехом внутрь. По верхнему краю протягиваешь ремешок – и готово.

Следующий день прошел без происшествий. Задорей время от времени спешивался и вел лошадку на поводу.

Вечером Задорей опять расщедрился: поделился со мной ужином. Всё равно зайчатина уже начала попахивать. Под это дело он приговорил литровую флягу с медовухой и слегка осоловел. Но бдительность утратил только частично: сначала проверил все узлы на моих путах, потом стреножил коняшку и только после этого завалился спать.

А ночью коняшка всё равно сбежала.

Задорей ругался полчаса без остановки. Он даже сгонял по следу...

Вернулся часа через два. Ни с чем. Сбежала лошадка в середине ночи

и, пожалуй, была уже на полпути к дому.

Убедившись, что вернуть пропажу можно, лишь отыграв назад уже пройденное расстояние, косичкоусый решил двигаться пешочком. Накинул мне на шею ставшую уже традиционной петлю и почесал через лес не хуже лошади. А вот мне поспевать за ним было не очень. И руки связаны, и «обувь» не лучшей работы. Вдобавок груз, который до сего момента везла лошадка, теперь «вез» я. А еще – не выспался. Потому что полночи провозился, освобождая четвероногую скотину от пут. Чтобы понять, насколько это весело, попробуйте сами распутывать что-то, будучи связанным по рукам и ногам. Особенно если это «что-то» на месте не стоит, а время от времени перемещается. И пусть стреноженной лошади перемещаться тоже не совсем удобно, но мне-то приходилось вообще червяка изображать.

Но я справился, так что, несмотря на усталость и прочие неудобства, был доволен. Чем позже мы прибудем на место, тем лучше.

Прошло три дня. За это время я многое узнал и о своем похитителе, и о его боссе, князе Водимире.

У обоих были наполеоновские планы. Второй жаждал рулить всем севером, а первый – стать ладожским князем. Но если у Водимира настоящий конкурент был один, вернее, двое – Хрёrek и Гостомысл, то претендентов на Ладогу у Водимира было – до хрена и с горкой. И Задорей, который всего лишь один из старшей Водимировой гриди, претендовать на гипотетическую должность мог, но только если свершит что-то выдающееся. Например, возмутит против Гостомысла и Хрёрека исконных данников. Чем, собственно, Задорей в Ладоге и занимался.

Удивительно, что мое ладожское руководство игнорировало косичкоусого агента влияния. Да, изменился Хрёrek-конунг. Раньше он бы церемониться не стал: тут же отправил Задорея в страну вечной охоты могильных червяков.

Задорей болтал, я слушал. Запоминал. В том числе и имена.

Косичкоусого мое молчание вполне устраивало. Ему нужен был не собеседник, а слушатель. Причем социально приспущенный. Я – годился. В итоге Задорей даже симпатией ко мне проникся: пообещал яйца оставить, если хорошо буду себя вести.

Я и вел себя хорошо. В его понимании. Это как фехтовальный поединок с более сильным противником. Поспешишь – проиграешь. А приучишь постепенно к тому, что ты – слабейший, что победа – дело решенное...

К сожалению, Задорей не подставлялся. И мерами предосторожности не пренебрегал. Как бы я к нему ни относился, но воином он был опытным. И далеко не глупым. Не удивлюсь, если он и мою игру разгадал.

А еще я вот что заметил: остерегался теперь Задорей не только меня. Темп сбавил. Шел сторожко, всё время озираясь и землю сканируя со всей тщательностью. Причем время от времени он что-то такое замечал, и тогда мы вообще останавливались, пока Водимиров гриденъ разбирался с непонятками.

На четвертый день мы вышли к реке, и Задорей решил устроить дневку. Не на берегу, разумеется. Шагах в ста, в укромном местечке между трех дубов.

Дневку – для меня. Сам он отдыхать не собирался. Были у него какие-то свои планы, мне неведомые.

А мой отдых выглядел так: косичкоусый велел мне раздеться до исподнего. Обувь тоже забрал, привязал под одним из дубов и свалил.

И не вернулся.

* * *

– Пропал, значит? – задумчиво проговорил князь Рюрик, он же – Хрёrek-конунг. – Припоминаю: с ним это уже случалось?

– Так и есть! – подтвердил Стюрмир. – В Роскилле. Его, пьяного, ободрали и продали купцу одному.

– Аслаку Утке, – уточнил Свартхёвди. – Ты потом его кнорр Одину подарил. Мы узнали быстро, потому что девка одна проболталась.

– И здесь тоже баба, – Хрёrek поскреб ногтями шрам на груди. – Но эта уже ничего не расскажет.

– Сын мой, – вмешался в разговор Гостомысл. – О чем ты? Убита дочь моего гридня. Ее убийца – твой человек, и он сбежал! Надо искать и наказать!

Свартхёвди захохотал. Его поддержали остальные хирдманы.

Гостомысл набычился, собрался рявкнуть что-то грозно-обидное, но вмешался Хрёrek:

– Ульф не убивал твою колдуныю! Это доказано.

– Кем же? – выпятил бороду Гостомысл.

– Мной, – подал голос отец Бернар.

Князь ладожский глянул на него и задумался. Второй день он принимал снадобье, которое дал ему этот лекарь. И боль почти ушла. И

даже обмякший уд вроде оживать начал. Сегодня с утра.

Конечно, лекарь – человек нурмана Ульфа. Может и солгать. Но вмешался он вовремя. Гостомысл обязан защищать своих, но ссориться с зятем нельзя ни в коем случае. И поддакивать ему – тоже. Все должны видеть, что Гостомысл – настоящий князь, а не пристяжь при дочкином муже.

– Обоснуй, – разрешил Гостомысл.

И лекарь обосновал. Умно и толково.

– Что ж, велю людям своим поспрашивать, кто что видел, – объявил Гостомысл.

Но про себя решил, что делать ничего не станет. Не понравился ему этот Ульф Свити. Только появился и уже столько дел натворил. А кому потом с обиженными замириваться? Гостомыслу. Нет уж, пропал так пропал.

– Конунг, позволь нам самим правду искать! – воскликнул Свартхёвди, когда посторонние ушли и в горнице остались только свои. – Знаю я, чьих это рук дело! Задорей, хирдман Водимиров! Харра сказал: когда нас не было, он к тебе приходил. Жаловался. А в ту ночь тоже пропал. Он это, больше некому! Но в Ладоге кое-кто из людей его остался. Мы их знаем. Позволь нам их расспросить!

– Нет! – отрезал Хрёrek. – Никого в Ладоге не трогать! Пусть Гостомысл – сам.

– Да не станет он никого искать! – возмущенно закричал Стюрмир. – По роже его толстой видно!

– С каких это пор, хускарл, ты стал зрячим правду? – холодно поинтересовался Хрёrek.

– А с тех пор, как ты своего хёвдинга...

На этот раз Стюрмира остановил уже Медвежонок. Очень вовремя. Пока тот в сердцах не сказал то, что обратно не проглотишь.

– Конунг, мы тебя знаем, – сурово произнес берсерк. – Ты нам всегда был как отец. И таким остался. И мы верим тебе, как сыновья отцу. Ты мудр и справедлив. Скажи нам, как помочь моему брату, и мы сделаем, как ты скажешь. Клянусь богами Асгарда!

Суровая складка на лбу конунга разгладилась.

– Потерпи немного, Свартхёвди Сваресон, – сказал он мягко. – Скоро вернется Трувор Жнец со своими варягами. День или два. Вернется Трувор, вернется мудрый Ольбард. Мы с тобой здесь – чужие. Они – свои. Им добром скажут то, что ты узнаешь только с помощью железа. Если Ульфа и

впрямь захватил Задорей и не убил его сразу, то пара дней ничего не изменит. Если убил, то мы найдем убийцу и накажем. Но я не думаю, что твой брат мертв. У него особенная удача. Она не может уберечь его от бед, но потом твой брат всегда выскользывает из западни. И возвращается с прибытком. Я не верю, что какой-то Задорей смог перехватить его удачу. Подожди, Сваресон. А пока мы подарим богам добрую жертву, чтобы они получше приглядывали за моим хёвдингом.

* * *

Мир был прекрасен. Чист и гармоничен, как песнь соловья.

Какая-то часть моего сознания понимала, что я умираю. Но то была совсем небольшая и не слишком важная часть.

Задорей ушел и не вернулся. Оставил меня привязанным к дубу на весь день. И на ночь, во время которой меня, как ни странно, никто не скушал. Ну комары разве что.

А под утро ко мне пришел мой Волк и лег рядом. И смерть перестала иметь значение. Мир обратился в свет, а я пребывал внутри, в дивном равновесии. Я и мой Белый Волк. А вокруг царила нирвана. Или как там еще это называется...

И вот вся эта неземная благодать была нарушена прекрасной незнакомкой.

Честно говоря, ее красоту я оценил позже. В тот момент, возвращенный из грёз в лоно реальности, в царство боли и тщеты, я лишь злобно шипел, пытаясь привести свою закоченевшую от пут и неподвижности тушку в условно вертикальное положение. Затем живительная влага полилась мне в глотку, и я обрел способность говорить. Вернее, ругаться. Ругался я по-русски, потому что за годы жизни с северянами так и не научился их заковыристым проклятьям.

Потом влага пролилась на мои запекшиеся веки, я обрел способность видеть, и мне стало стыдно.

Потому что это был не Задорей.

Девушка. Молодая. Красивая. На лице – внимание, строгость и чуть-чуть сострадания. На полмизинчика.

– Кто ты, чудное видение? – просипел я, радуясь, что хоть исподнее мне оставил мой похититель. Мог бы и донага ободрать, и тогда не только лицо, шея и конечности, но и вся моя тушка превратилась бы в комариный

корм.

– Можешь звать меня Зарей, человек, – разрешила красавица. – Давно ты здесь кровососов кормишь?

Хороший вопрос. А я знаю?

Нет, знаю, конечно. Сознание возвратилось. В полном объеме. А вот Волк – ушел.

Итак, принайтовали меня к дереву с утра. Вопрос: это еще завтра или уже послезавтра? День, потом ночь... Сутки, в общем. Вряд ли больше, судя по тому, что жажда мучит, но обезвоживания вроде нет. Хотя не стоит забывать, что пребывал я в состоянии особенном... Может, я – как йоги, которых на неделю в землю закапывают, а им – хоть бы хны?

– Это важно? – спросил я у девушки.

Та покачала головой. Хорошая голова. Гордо посаженная. Головной убор бисером шит. Тем, который ладожане подданным вместо денег навязывают. Поверх шапочки – платок. И, похоже, шелковый. Ой не из простых девица, чует мое трепетное сердце. И лицом, как сказано выше, лепа. Причем по-благородному лепа. В этом мире такая откровенная демонстрация красоты сродни явному вызову. Нравлюсь? Хочешь посягнуть? Ну, давай. Рискни здоровьем.

– Скажи мне, Заря, могу ли я обратиться к тебе с просьбой?

Учивость для человека в моем положении – единственная возможность продемонстрировать статус. Учивость и выдержка.

– Говори, – разрешила мне красавица.

Нет, пожалуй, не красавица. Просто симпатичная. Это моя Гудрун – красавица, а Заря...

Не знаю. Не важно. Это вообще неуместные мысли в моем нынешнем положении.

– Не могла бы ты меня развязать? – попросил я. – Очень, понимаешь, нос чешется.

– Да уж не знаю...

Красавица выпрямилась и сделала шаг в сторону. Мне потребовалась немалая сила воли, чтобы повернуть голову без матерщины. Шея просто как деревянная. Ага. Девушка-то не одна. На заднем плане – добрый молодец маячит. Жаль, спиной стоит, личика не кажет. И девушка тоже не пустая. Поясок поуже стандартного, но вполне себе боевой. И кинжал на нем хороший, узкий, длинный, в добротных ножнах. И – вот это правильно! – полный колчан стрел и лук в налуче.

– Почему не знаешь, прекрасная Заря?

– Потому что не знаю, кто и почему тебя к дереву привязал.

Хм. Отвечать на этот вопрос следует, крепко подумавши.

– Привязал меня человек по имени Задорей, – я решил пока придерживаться правды. – Он же хитростью увез меня из Ладоги. Не родич тебе Задорей?

Уточнение требовалось, потому что я помнил: Задорей намеревался оставить меня своей родне. И мы вполне могли быть близко от его малой родины.

– Не родич?

Легкое качание головой.

У меня отлегло от сердца. Родич – это святое. Во всех остальных случаях можно договориться.

– Что ж, тогда я могу продолжить: имя мое – Ульф Вогенсон по прозвищу Ульф Свити, Белый Волк, и я – хольд Хрёрека-конунга, что породнился ныне с князем Гостомыслом.

– Ульф Вогенсон? – О, какая скептическая улыбочка! – Отец рассказывал мне о человеке, которого звали так. Но ты ошибся. Его прозвище не Свити, – тут она перешла на скандинавский, и выговор, надо сказать, у нее был прекрасный. – Его зовут не Ульф Белый, а Ульф Черноголовый. Ты ошибся, человек.

– Его звали так, – я тоже перешел на язык викингов. – Но прошлым летом человек по имени Хавгрим дал мне другое прозвище, и оно показалось всем более подходящим.

– Складно, да не ладно, – она снова перешла на словенский. – Не верю, что Задорей, не самый славный из дружинников князя Водимира, – презрительная гримаска, – совладал бы с таким воином, как Ульф Вогенсон. Пожалуй, я оставлю тебя здесь, человек. Пусть у комаров будет праздник.

– Он и не совладал, – буркнул я. – Колдовство меня победило. Женское. Могу даже имя назвать. Горёна-ворожея.

На славном лице отразился мыслительный процесс. Недолгий.

– Слыхала и о ней, – кивнула девушка. – Выходит, ты и с Гостомыслом что-то не поделил, человек, назвавшийся Ульфом Вогенсоном.

– Чего? – Соображал я туго. Неудивительно, учитывая мое состояние.

– Горёна – дочь Гостомысюса гридня. И ладожскому князю служит.

– Не только ему. И не служит, а служила, – внес я поправку. – Твой знакомый Задорей ее зарезал.

– Зачем ему?

– Затем, чтобы лишнего не сболтнула. Ну и денег не платить. Не бесплатно же она меня зельем опаивала.

– О-о-о! – Заря как-то не по смыслу сильно отреагировала на мои слова, оживилась: – Слыхал, братец?

Воин, стоявший ко мне спиной, обернулся, явив моему взору розовощекое безусое личико парнишки лет пятнадцати. Сюрприз. Я был уверен, что он – постарше. При таких-то плечицах.

– Верно люди говорят, – произнес паренек ломким баском. – Мертвый колдун опаснее живого.

– А теперь я хочу спросить, – влез я в общение родственников. – О чем это вы?

Девушка загадочно улыбнулась. Не снизошла. Ну как ей доказать, что я – это я? А может, не стоит доказывать? Мало ли кто ее отец и что он рассказывал обо мне? Может, добрый словенин учил дочку резать всех викингов, какие попадутся. А особенно таких опасных, как Ульф Черноголовый? Хотя вряд ли. Слишком уж хорошо она на языке северян говорит. Не те еще времена, когда язык потенциального противника входит в обязательный пакет разведчика.

– Послушай меня, Заря-красава, развязжи ты меня! – взмолился я. – Развязжи и дай вон хоть кинжал твой. И когда вернется Задорей, я покажу тебе и ему, что я и есть Ульф Вогенсон!

– Ничего ты ему не покажешь, – молвила красотка с той же загадочной улыбкой.

Я похолодел. Неужели я до такой степени разучился разбираться в людях, что даже юная девушка может меня так легко обмануть? Неужели она – на стороне Задорея?

– Я освобожу его, сестра, – сказал плечистый парнишка, доставая меч. Это был не вопрос – утверждение.

Я слишком устал, чтобы спрашивать, отчего меня намереваются освободить: от пут или от жизни. Просто смотрел и ждал. Недолго. Меч ширкнул в воздухе – и я повалился на бок.

– Ну и зачем? – поинтересовался я из крапивы, в которую зарылась моя многострадальная голова.

– Прости моего брата, человек, назвавшийся Ульфом, – пропела Заря и хихикнула. – Этот меч у него недавно. Хочется покрасоваться.

Парнишка проворчал что-то недовольно, но я услышал, как он вернул меч в ножны, затем меня снова усадили и наконец-то освободили от пут.

А потом паренек втянул носом воздух и проговорил задумчиво:

– Волком пахнет... Слышь, Зарёнка, от травы волком пахнет. А следов – нет... О! Так это от него пахнет!

Оба уставились на меня. Девушка забавно сморщила лоб, что-то

соображая...

А потом повела себя странно. Опустилась на колени, взяла мою правую руку и прижала к щеке. Жаль, что рука так онемела, что я ничего не чувствовал: прикосновение должно было быть приятным. Для меня. А для щеки – не очень. Ладонь у меня теперь – что стиральная доска. Ничего удивительного при моей новой профессии.

– Прости меня, Ульф Вогенсон, Черноголовый, Белый Волк, брат отца моего по мечу и палубе! Заря, дочь Трувора Жнеца, молит тебя забыть о непочтительности!

Вот же тесен мир: в диком лесу над Волховом наткнуться на детей моего брата по хирду! Хотя, если быть точным, это не я, а они на меня наткнулись.

– Вильд! А ты что стоишь столбом? – воскликнула девушка. – Виноваться живо!

– Ну вот еще! – проворчал сын Трувора. (А ведь как похож на папу! Я мог бы и раньше признать!) – Это он меня благодарить должен, что я его унюхал. Не то сидел бы он тут, пока от жажды не помер или зверье не зажрало. Хотя нет, его-то как раз зверь бы не тронул.

– Брат у меня чуйкий, как пес, – похвасталась Заря, растирая мне руки. – Его в детстве Симаргл лизнул. Так мама говорит.

Я не возражал. Сидел, стиснув зубы. Когда в онемевшие конечности возвращается жизнь, это неприятно. Зато как приятно будет встретить Задорея, если тот все-таки намерен вернуться. Особенно если славный отрок одолжит мне на минутку свой мечуган.

– А Задорея здесь ждать ты будешь напрасно, – угадал мои мысли чуйкий отрок.

– Это почему же? – забеспокоился я.

Желание проучить косичкоусого было столь велико, что я готов был напасть на него хоть с голыми руками. Урою гада!

– А не придет он.

В мои руки стараниями Зари постепенно возвращалась жизнь. Ноги уже отошли: там узлы были послабее.

– Придет! – уверенно заявил я. – Он мне глаза выколоть обещал. Ужель от слова откажется?

Паренек хмыкнул, а Заря поинтересовалась драматически:

– Простил ли ты невежество наше, Ульф, сын Вогена?

– Какой там – простил! – усмехнулся я. – Вот когда подарки мои примете, тогда и прощу. В Ладогу со мной пойдете?

– Так мы в Ладогу и идем, – степенно сообщил Вильд. – Ты – с нами?

– Охотно. Только это... Я сначала все же попробую дождаться Задорея. Вдруг он придет – а меня нет. Расстроится же!

Заря хихикнула, а Вильд с легким раздражением повторил:

– Не придет он.

– Откуда ты знаешь?

– Да вот знаю! Пойдем со мной – и ты будешь знать.

Как я узнал позже, в этом был весь Вильд. Чувство юмора – очень специфическое. Зато за слова свои отвечает на сто процентов.

Да. Задорей меня не бросил. Но вернуться бы точно не смог. По физическим показателям: многие жизненно важные части его организма были утрачены. А точнее, скучаны.

Что не поделили Задорей с Михал Потапычем, осталось загадкой и для меня, и даже для более опытных в охотничьем деле юных Труворовичей. Может, у него был особо острый зуб на княжьих дружинников, потому что в это время медведи нападают на людей крайне редко. Разве что напорешься на медведицу с медвежатами.

Но это, по словам Вильда, был именно самец. И напал на Задорея крупнейший хищник наших лесов неспровоцированно и внезапно, поскольку меч Водимирова десятника так и остался в ножнах. Рядом с мечом почему-то стояли сапоги. Нетронутые. Вот такая сюрреалистическая картинка: меч, сапоги и куча разбросанных в беспорядке медвежьих объедков. И стаи мух, разумеется.

О том, как именно погиб Задорей, вопросов не было. А вот почему на него набросился мишка – загадка. Летом, когда еды полно, косолапые с людьми обычно не связываются. Тем более с такими, от кого железом пахнет. Мишка – зверь серьезный, но охотятся все же на него, а не он. Хотя можно допустить, что на этого уже охотились. И он обиделся. А как встретил кого-то похожего на обидчиков, так и набросился. Присел наш амбициозный десятник на пенек перемотать портянки... И уже не встал.

А вот для Зари с Вильдом вопрос «почему?» не стоял.

«Он же колдуны зарезал! – тоном всезнайки заявил Вильд. – Ясно, это она в мишку вселилась и погрызла дурака. Все же знают: мертвый колдун опаснее живого».

Я эту мысль уже слышал. И склонен думать, что распространяют ее сами колдуны. Но оспаривать не буду. Я ж сам немного... колдун.

Закапывать медвежьи объедки мы не стали. Не заслужил. А вот меч я забрал. И сапоги. И еще кое-какие предметы первой необходимости.

Меч для меня оказался длинноват. Пришлось приспособить за спину, криво и высоко, иначе бы ножны за всё подряд цеплялись. Сапоги тоже не впору оказались. Пришлось внутрь мха напихать. А ведь не показался мне покойный Задорей особо крупным. Надо полагать, потому что большинству моего датского окружения я макушкой чуть выше плеча.

Еще уцелела Задореева сумка с мелким припасом, в который входила аптечка. Взятой из нее мазью Заря обработала покусанные поверхности моего организма, и они перестали чесаться.

Вот это кайф!

Глава 19

Жертва обмана

План, предложенный Зарей, был прост. Выйти лесом к Волхову-Ольховой, а там словить «попутку» – какое-нибудь судно, идущее вниз по реке.

План я, естественно, одобрил.

Хорошие у Трувора детки получились. Княжьи. Наследники.

То есть наследником числился не только Вильд, но и старшая сестра, которая была у брата в большом авторитете. Заря, как выяснилось, с юных лет была гораздо подраться и даже ухитрилась поучаствовать в настоящем боевом походе. Варяги что-то там не поделили с неизвестными мне соседями, и соседи об этом горько пожалели, потому что по результатам военных действий сменили статус с соседей на данников. Те, кто выжил, разумеется. Милая девушка с особенным удовольствием поведала, как именно убивали наиболее боевых представителей соседского племени.

А девушка и впрямь – милая. И сложена прекрасно, в чем я имел возможность убедиться, когда она купалась. То есть купались мы вдвоем.

Никаких табу на обнаженку у варягов не было, поскольку девушка запросто присоединилась ко мне, когда я решил сполоснуться в оказавшемся на маршруте озере.

Надо отметить, спортивный тип телосложения не делал ее менее женственной. А меня она ничуть не стеснялась, пожалуй, даже немножко провоцировала. А я как раз стеснялся. Потому что... провоцировался. Нравилась она мне. Во всех смыслах. Мой тип потому что.

Впрочем, никаких особых шалостей ни с моей, ни с ее стороны. Друг к другу мы даже не прикоснулись. Хотя, уверен, изучила она меня во всех подробностях, к коим в первую очередь относились мои многочисленные шрамы. Я ее тоже рассмотрел. Достаточно, чтобы убедиться: блондинка она – натуральная. Хотя можно было и не сомневаться: ни разу не видел, чтобы здешние женщины красили волосы.

В общем, поплескались.

Вильд к омовению не присоединился. И не потому, что постеснялся купаться вместе с сестренкой. Он – сторожил. Не дома, чай. Территория, подконтрольная князю Водимиру. Всякое может случиться, и нет ничего грустнее, чем в неподходящее время оказаться слишком далеко от боевого

железа.

Попутно брат с сестрой поведали мне о житье-бытье варягов в природных условиях.

В целом это житье мало отличалось от среднескандинавского. Жили – родом. Вернее, воинской общиной. Со скандинавами то дрались, то вступали в союзы. Роднились тоже. Трувор Жнец, как оказалось, ныне был единственным младшим братом главного варяжского князя. Других не осталось: из шестерых сыновей Труворова отца выжили только первый и последний. Два Труворовых племянника тоже погибли. Один – от болезни, второй – от меча.

Впрочем, титул главного варяжского вождя был не столько наследственным, сколько выборным. Кровь, конечно, тоже учитывалась. И случись что с князем, вождем стал бы Трувор. Следующим по счету был Ольбард Синеус. Потом еще пара воинов, чьи имена были мне неизвестны, а за ними, к моему удивлению, – Заря. Вернее, так: не сама Заря, а ее будущий муж. Как бы по умолчанию считалось, что у такой крутой девушки и муж должен быть непрост.

Рассказывая это, Заря вовсю строила мне глазки. Я старался не реагировать. Во-первых, я люблю свою жену. Во-вторых, чем может закончиться интрижка с дочерью Трувора, лучше даже не думать. В-третьих, мы с Трувором не просто друзья и братья по палубе. Варяги поддерживали меня с самого первого дня знакомства. Как-то нехорошо при таком раскладе соблазнять молоденькую дочь их лидера.

Хотя, блин, кто кого соблазняет, еще вопрос!

Через три дня мы наконец вышли к реке. Волхову. Именуемому также Ольховой. Или Мутной. В зависимости от рода-племени именователя.

Теперь осталось лишь дождаться попутного судна. Трафик на Волхове в это время года насыщенный. Бывает, до полусотни судов в день мимо Ладожской «таможни» проходит. Правда, поодиночке редко. Обычно небольшими караванами.

В принципе, меня устроило бы и не попутное судно. Его можно было бы нанять, а то и реквизировать именем Гостомысла.

Но реквизировать попытались нас.

* * *

– Не дерзи мне, – холодно произнес князь Рюрик. – Не забывайся!

— Я говорю то, что вложил мне в уста мой князь!

Посланник Водимира, боярин Жолудь, не испугался.

С ним в Ладогу пришли полторы сотни дружинников — многовато для посланника. Хотя для войны всё же маловато.

Однако войны — не за лесами. Водимир с каждым годом сильнее. Люди его — повсюду. Уже и в Плескове знамено Водимира стоит. И Полоцк ему данью поклонился. Чуть ли не до самого Смоленска протянулись Водимировы сети: исправно собирают мыто с каждого волока, каждый подорожный городок данью обкладывают. Дань невеликая, да и платят не все, но из сотен ручейков собирается большая река, и потому каждый — ценен. Ими силен Водимир, от них кормится его дружина. Если бы не князь Рюрик, скушал бы Водимир Ладогу, не поперхнувшись. Для того и позвал Рюрика Гостомысл, дочь в жены отдал и равным себе князем назвал. Давно сие было сговорено. Еще в те времена, когда хирд Хрёрека-конунга насчитывал более двух сотен отменных воинов. Две сотни — много меньше того, что может вывести на поле Водимир. Но один викинг, будь он дан или варяг, стоит троих Водимировых гридней. Да и сам Гостомысл не женами правил. Была и у него дружина крепкая.

Хотя когда сговаривались Гостомысл с Хрёреком, Водимир еще не был так силен. И не от Водимира Ладогу защищать позвал Гостомысл Хрёрека, а от таких же викингов, которые повадились грабить поданные Гостомыслу земли. Одни брали силой, другие — хитростью. Эти снимали носовые фигуры, поднимали на мачты белые щиты, притворяясь мирными торговцами, а когда подворачивался богатый городок, набрасывались внезапно, грабили, резали, жгли, набивали корабли добычей по самые весельные люки... И снова обращались в мирных торговцев. И не уличить. Нет свидетелей. Не осталось.

Вот, чтобы отвадить почивших добычу волков, и приглашен был в Ладогу Хрёrek Сокол.

Кто таков князь Гостомысл из Ладоги для морского ярла?

Да никто. Мало ли вождей в Гардарике? Да больше, чем конунгов у норегов. Там в каждом фьорде свой сидит, а тут в каждом окруженном частоколом городище — свой князь властью пыжится. Сидит на добре, как хомяк в норке под камнем. А что камень — медведю-викингу? Раз лапой махнул — сковырнул, два — и хомяк у медведя в пасти. Вместе с припасами.

А вот Хрёрека-конунга на Севере знали. И уважали. Со многими правителями Севера он в родстве. И если не в родстве, то — в дружбе. Вот с тем же Рагнаром Лотброком и сыновьями его. Такого ограбить — риск непомерный. Этот и в родном фьорде отыщет. И накажет.

Так было, пока Хрёrek не схлестнулся с Сигурдом Рагнарсоном, и Сигурд не лишил его большей части силы.

И главный датский конунг Харек Младший спросить с Сигурда за пролитую кровь не рискнул, хотя с Хрёrekом – в родстве.

Впрочем, о ссоре Хрёreка с Сигурдом Змееглазым здесь, в Гардарики, не знали.

Но тем не менее: обещал дочь свою Гостомысл могучему вождю многих кораблей, а отдал обладателю единственного. Вдобавок Хрёrek в день свадьбы не то что меча поднять, сам с ложа встать не мог. Опирался на плечи верных варягов.

Эти же варяги стали опорой и для Гостомысла.

Однако варяги – это не пришлые даны. У варягов здесь собственные земли и собственные интересы.

Вот тут Гостомыслу повезло. Совпало. Варягам тоже не по нраву пришлось усиление Водимира.

Пока Хрёrek метался в горячке и никто еще не знал, выживет или нет, Трувор с Ольбардом крепко встали за Гостомысла. И показали, что даже несколько десятков викингов – это сила, с которой надо считаться. Приструнили разбойников. Но не всех и не везде. Потому что у некоторых появился покровитель: князь Водимир. А что тут удивительного? Разве враг твоего врага – не друг? А что грабитель, так Водимир и сам пограбить не прочь. Хотя когда грабили его самого – очень обижался.

Вот и сейчас – обиделся. Не на шутку.

– Твои люди это были! – заявил боярин Жолудь. – Тому и свидетели есть!

– Предъяви! – немедленно потребовал Хрёrek-конунг, которого теперь звали князем Рюриком.

– Их сейчас нет со мной!

– Тогда закрой свой рот, пока я его не зашил!

Хрёrek с трудом сдерживался. Теперь, когда он снова мог держать меч, Хрёrek вновь ощущал себя настоящим вождем, конунгом, и злился от того, что какой-то боярин Жолудь смел разговаривать с ним на равных. Пусть даже за спиной этого Жолудя полторы сотни воинов, а за спиной Хрёreка сейчас, пока не вернулись Трувор с Ольбардом, – не больше четырех десятков, часть которых даже не его, а так не вовремя потерявшегося Ульфа Свити.

– Не грози мне, нурман! Это еще не все! Мой князь обвиняет тебя в том, что ты тайно убил его десятника Задорея!

Хрёrek ухмыльнулся. Ну надо же! Он, Хрёrek-конунг, ВТАЙНЕ убил

какого-то паршивого десятника. Это было так забавно, что Хрёrek даже сердиться перестал.

– И почему твой князь так думает, холоп? – осведомился он.

Жолудь побагровел. Его оскорбляли прилюдно. Сначала рот пригрозили зашить, теперь холопом обозвали. Снести оскорблению молча – позор. Потребовать удовлетворения – так мерзкий дан именно этого и добивается. И ничего хорошего из этого не выйдет. А выйдет, что кого-то убьют. Или самого Жолудя, или того, кого он выставит защищать свою честь. Среди его гридней есть отменные бойцы, но все же не такие, как эти проклятые даны.

К счастью, Жолудь вовремя вспомнил: он не сам по себе. Он – посол Водимира. Следовательно, всякое оскорбление Жолудя – это оскорблению князя Водимира. Значит, слова дана следует передать Водимиру. А сейчас – продолжать.

– Известно, что Задорей былся с одним из твоих дружинников, – заявил Жолудь. – А после Задорей хотел вызвать твоего дружинника на поединок. А потом Задорей пропал. И этот дружинник – тоже. Мой князь считает, что ты испугался, что Задорей убьет твоего дружинника, и...

Докончить он не смог. Хрёrek захохотал. И кучка его приспешников данов – тоже.

– Я требую объяснений! – закричал Жолудь.

Хрёrek внезапно оборвал смех.

– Ты требуешь? – произнес он голосом, от которого Жолудь похолодел и очень пожалел, что большая часть его охраны осталась на ладье, а здесь – всего лишь большой десяток гридней. У дана было примерно столько же людей, но Жолудь все равно почувствовал себя мышкой, которая только что дернула за усы кота.

«Будь с ним построже! – напутствовал Жолудя Водимир. – Они должны нас бояться!»

Но сейчас испугался сам Жолудь.

Но Хрёrek сдержался. Он еще поучит боярина, как должно вести себя. Не сегодня.

– Ваш Задорей – трус, – произнес Хрёrek брезгливо. – Расспроси людей, и они тебе расскажут, как десятник твоего князя удирал с рынка с голой задницей. Оружие, трусливоброшенное Задореем, я твоему князю отправил. Прибавив мои сожаления: беда тому князю, у которого в старшей дружине такие, как Задорей. Как с такими на сечу выйти? Разбегутся же!

– Не сбежал Задорей! – возмутился Жолудь. – Он к тебе пришел: справедливого поединка требовать!

— Как же! — усмехнулся Хрёrek. — Если б хотел, не стал бы ждать, когда Ульф-хёвдинг покинет Ладогу. А когда Ульф вернулся, Задорей ваш, думается мне, сбежал. Что говорит о том, что он пусть и труслив, но не глуп.

— А куда делся твой человек Ульф? — набрался храбрости на очередной вопрос Жолудь.

— Не твоего ума дела! — отрезал конунг. — Убирайся!

А вслед ему пробормотал:

— Хотел бы я сам знать, где ты, Ульф-хёвдинг...

А Жолудь убрался. Искать правды у князя Гостомысла.

Не нашел. Не знал Гостомысл правды.

* * *

Корабль неизвестной сборки оказался как раз попутным. Здоровый, но какой-то неуклюжий, непривычно пузатый, борта низкие. Хотя под парусом шел неплохо.

Увидели нас, размахивающих руками, замахали в ответ, взяли к берегу.

— До Ладоги нам! — опередив меня, крикнула Заря. — Возьмете?

С корабля кинули сходню: доску метров шести длиной. Хватило. Место удобное, а осадка у пузана небольшая.

Заря, опять-таки опередив меня и брата — вот же решительная девка! — взбежала первой. Ловко так. Я аж залюбовался. Сразу видно, что Труворова дочка.

Братик — за ней. Этот вообще птицей взлетел. Я после него выглядел как корова на дерби. Сам — не в лучшей спортивной форме. Да еще в чужих здоровенных сапогах...

Как оказалось, моя неуклюжесть сработала в плюс.

По ту сторону борта оказались мужики бывальные. Оценили нас троих по пластике движений и расставили приоритеты. Отрок Вильд — на первом месте, Заря, хоть и девка, на втором, а я, оборванец в исподнем, на самом последнем. А что меч у меня, так ведь, может, и не мой это меч. Тем более висит за спиной, а не как положено...

В общем, приняли меня за раба.

Обидно.

Но в целом — удачно получилось. Если этакое безобразие можно назвать удачей.

Вильда приняли первым. Сунули шестом в ноги, когда на палубу спрыгивал, накинули сверху сеть, и двое сразу навалились – вязать. Заря за кинжал свой схватилась (успела), да какая-то сволочь сзади колотушкой ее по головушке...

И сразу заорали, будто финальную игру выиграли. Решили: сделано дело.

Язык, на котором орали, я не опознал. Равно как и национальную принадлежность негодяев. Зато боевой уровень определил как средненъкий. С парой-тройкой таких я бы разобрался без проблем. Но было их, навскидку, десятка два. Многовато даже для старины Ульфа.

Зато у меня был бонус: всерьез они меня по-прежнему не принимали.

– Поднимайся! Быстро! – Чернявый мужик сделал мне, застывшему на шаткой сходне, недвусмысленный жест копьем.

Будь я один – сиганул бы в реку. Вода, как и следует из названия, – мутная. Не стал бы чернявый наугад копье бросать. Жалко копья-то.

А я пронырнул бы в протоку и затаился в зарослях. И хрен бы они меня оттуда выловили.

Но детей Трувора я не оставил бы, даже будь у меня возможность с опережением добраться до Ладоги. Мало ли что нехорошие люди могут с ними сотворить за это время... Опять же – я перед ними в долгу. Кабы не они, я б, скорее всего, оказался на той стороне бытия, где пребывают души лоханувшихся воинов.

«Спокойно, мужик, – сказал я себе. – Удача нынче к тебе уже не задом, а вполоборота. А меч, даже непривычный, с неудобным балансом – это все-таки меч. Покажем же этим неведомым злодеям, как мы умеем загребущие ручонки обрубать».

Ярости, впрочем, не было. Нормальное ровное состояние. Еще чуть-чуть – и мой славный Белый Волк появится где-нибудь неподалеку...

– Ты, холоп, сюда иди! Да меч отдай...

Меч тебе? Да не вопрос! Хватай!

Схватить он не успел.

Первый удар я нанес еще в прыжке. Картинный такой, во весь мах.

Рот нехорошего человека еще говорил, а голова уже летела на палубу. Была б при мне сабля – срубил бы чище, а тут еще и занесло. Пришлось, аки самураю, гасить инерцию клинка в тушке второго плохого парня.

Этому не повезло. Слишком ловкий оказался. Успел отпрыгнуть. Частично. И потому, вместо того чтобы быстро умереть от разрубленной печени, получил зацеп самым кончиком поперек живота. Аккурат мышцы взрезало и требуху – самую малость. Но здесь эта малость приводит к

кончине долгой и мучительной. Будь на месте порезанного настоящий викинг – плюнул бы на боль и ринулся бы в последний бой, но этот – похлипче. Завыл и повалился на палубу, скочившись, как зародыш в мамке.

Я же, не сумев полностью погасить инерцию (сапоги не по размеру, блин!), вынужден был уйти в низкую стойку. Зато прорубил икру одного из тех, кто выпутывал из сети Вильда. Его партнер по рыбной, точнее, рабьей ловле сеть выпустил и успел даже выхватить из-за пояса топорик... Который я и снес новым ударом. Вместе с державшей его рукой.

И, чувствуя, что сзади уже летит предназначеннное моей спине копье, а может, и не одно, ухватил безрукого за целую конечность и развернул в вальсовом па.

Было, было копье! Не обманула чуйка! И бросок отменный. Насквозь. Кабы я не толкнул безрукого навстречу – и меня нанизало бы.

Быстрая оценка ситуации.

На носу – двое. Оружие держат так себе. Салабоны. И выглядят соответственно: ошеломлены и напуганы. Тоже понять можно: только что были тиши да благодать, и вдруг – прям как на бойне. Вопли, кровища, отрубленные части тел на палубу валятся.

А вот трое на корме – другого сорта. Опытные убивцы. Удачно, что от меня они – дальше всех. Один из боевой тройки копье и метнул. Бросок отличный, но результат несколько неожиданный. Для метателя. Сейчас, судя по задумчивой физии, он переваривает этот результат. То есть прикидывает, на что я реально способен.

То, что я не раб, а боец, он уже осознал. Уровень непонятен. Теперь на его бандитской роже написано: стоит схватиться со мной лично или проявить осторожность: погодить, пока я не подустану и не продемонстрирую поярче свой боевой арсенал?

А вот сосед его, похоже, уже выбор сделал и собирается меня валить чужими руками: истощно вопит и науськивает на меня основную группу.

У третьего молодца на морде тоже, может, чего и написано, но прочитать я этих письмен не в состоянии. Кроме монголоидного разреза глаз. А вот качество его оружия мне уже не нравится. Например, лук, за который даже по самой поверхностной оценке любой профи отвалит серебром по весу. Можно не сомневаться, что на дистанции пятнадцати шагов азиат влепит стрелу в любой из моих зрачков. А то и в два сразу.

К счастью, между нами – живой барьер. Та самая основная группа игроков. Десяток с хвостиком желающих сделать мне секир-башка. Эти пока не поняли, что я такое, зато поняли, что я – один, а их – много.

Ну, эту оплошность судьбы мы сейчас исправим. Для начала – вот вам, мальчики, от меня – трофейная секира.

Метнул почти наугад, но по такой толпе – не промахнешься, а щиты только у двоих.

Эти могли бы и прикрыть дружбана, но то ли не успели, то ли – не сообразили. Был десяток с «хвостиком», и только что я этот «хвостик» отрубил.

Нет, я всё же их немного недооценил. Перестроились парни грамотно, наконец выдвинув вперед щитоносцев и изобразив подобие боевого порядка. Но неужели вы, братцы-разбойники, думаете, что я с вами в честный бой вступлю. Щас, разбежался! Не, ребятки, пока что я вас даже не трону. Вы у меня нынче – живой заслон. О монголоиде и копьеметателе я не забываю ни на секунду. Так что в очередь, злодеи. А мне сейчас – на нос. Мелочь прибрать.

Вот это я понимаю – взаимовыручка. Один салабон геройски попер на меня, другой... с диким воплем махнул за борт.

Хотя не буду осуждать. Я ведь себя со стороны не видел. Может, и сам бы за борт сиганул, кабы в зеркало глянул. Пусть поступок паренька и не достоин упоминания в висе, но зато – жив, трусишка.

А второго упомянуть бы следовало: мол, вышел один на один с Ульфом Свити... И пришел. К естественному концу.

Жаль, скальда под рукой не оказалось. Воспеть некому.

Разворот навстречу набегающей толпе. Ага, развалился строй. Чай, не лужок здесь, а палуба. И квалификация у вас, пацаны – не чета викингам. Это – радует. На строй кидаться – это таким зверюгам, как Хавгрим Палица или мой братец. А мне куда милей вот такая толпа, пусть и вооруженная. Тем более что они не сражаться бегут, а убивать в спину. Какая наивность! А как вам мое нежное лицо, парни? А моя сладкая песенка? Тут я испустил волчий вой в лучших традициях варягов и ульфхеднаров (Страшно? А вы как думали?) – и ринулся сам на десять...

...И крайне изумился, услыхав такой же вой, даже тоном повыше и посочнее.

Опаньки! Юный Вильд! Из сети выпутался и вступил в бой.

Нет, мои враги не наложили в штаны. И Вильда вмиг связали боем те, что в арьергарде. Но когда за спиной тоже идет рубилово, это, как бы сказать поделикатнее... Немного беспокоит.

Труворыч, держись! Покажи им, чему тебя папа научил.

А мы покажем фирменный стиль «страшный викинг».

Когда на меня лезут не строем, а кучей, вот как сейчас, то размеры

кучи обычно играют в пользу меня, родимого, который работать со слабо организованной группой умеет и любит. И все естественные помехи и препятствия, вроде скамей, мешков, канатных бухт и порубленных героев – автоматом мои союзники.

Хлест налево, хлест направо. Бойтесь меня? Правильно. Бойтесь! Нырок, уклон, еще один хлест, переворот клинка на обратный хват – я уже в куче, тут не помашешь – уход вниз, перехват бьющего в живот копья с поправкой траектории совсем в другого товарища...

И вот я уже прорвался и оказался за спиной парней, рубящихся с Вильдом, а основная масса, потерявшая три боевые единицы, даже переварить не успела, что за тайфун по ним прошелся.

Милое дело – рубить со спины. Два удара – два покойника...

И – толчком сбив Вильда в сторону – перехват посланного в него (или уже в меня!) копья.

Получи, фашист, гранату! Ах ты какой умелец! Перехватил! Я ушел нырком и очень вовремя. Первая стрела едва не срезала мне ухо, вторая порвала исподнюю рубаху (ну да ничего: выживу – найду что-нибудь по размеру в трофеях), а третья долбанула бы меня, вскинувшегося с палубы, прямо в лоб, если бы я не ухитрился вывести в линию копьеметателя, перекрывшего мощным торсом директрису стрелку-монголоиду.

Что ж вы так, дяденьки! Взаимодействие в бою надо отлаживать. В мирное время и старательно, иначе в военное будет больно и обидно.

Молодец метатель! Двинул меня копьем по нижним конечностям. Причем – плоскостью наконечника. Передумал валить. Решил – живьем. Нормальный вариант – уйти прыжком, для меня был неприемлем – за спиной копьеметателя пас монголоид с луком, поэтому я поступил нетрадиционно: сбил удар ногой (больно, однако!) и метнул меч в азартную рожу противника. Баланс у меча, как я уже говорил, был неважный, но на такой дистанции по фиг. Воткнулся. В правую сторону груди ближе к подмышке.

И опять нетрадиционное действие: мощный, с толчка, удар ногой в живот.

Копьеметатель, которому, боюсь, не скоро удастся взять в десницу копье, отлетел прямо на монголоида. Тот начал маневр уклонения, но на его пути попался третий «старший», и мой «посыл» достиг сразу двоих. Давненько я так удачно не пасовал. Не, ребята, играть в мячик с викингами я вам не советую. Не тот класс.

Монголоида я не убил. Не возникло необходимости. Белый Волк глянул на меня из-за плеча монголоида и спас азиата. Я двинул его не в

кадык, как намеревался, а в челюсть. Хар-роший такой кросс получился. Были б мы на ринге – чистая победа.

А вот третьему, который больше насчет покомандовать, – не повезло. Схлопотал копье в живот. Причем не от меня, а от Вильда. Я так думаю: с такой раной меч тебе, мужик, больше не нужен? Да мужик и не возражал: тискал пальчиками окровавленное древко и громко жаловался на отсутствие анестезии. И я, естественно, не смог отказать ему в такой мелочи. Хотя бы в благодарность за мечуган. Превосходное, кстати, качество: череп бывшего хозяина развалил, как тесак – тыкву.

Но не следует забывать, что мы с Вильдом здесь не одни. На палубе еще восемь кандидатов в покойники.

Как там у Высоцкого: «их восемь, нас двое»? Так кажется. Но кто посмеет сказать, что расклад не наш? Из этой восьмерки – точно никто.

Атаковали мы разом. Плечо к плечу, вернее, спина к спине. Мне этот варяжский приемчик известен. Было бы у нас по паре мечей, еще веселее получилось бы. Но и так неплохо. Я хотел перехватить трофеинный меч в левую руку, но не понадобилось. Вильд меня опередил. Вдобавок поймал брошенное почти в упор копье и пустил его в ход в лучшем стиле Хавгрима Палицы: вскрыл касательным шейку замешкавшегося разбойничка.

А я тем временем двоих порешил, а третьего сначала укоротил на правое запястье, а потом – контрольный на голову. Еще одного отправил за Кромку Вильд, а пятый решил, что на палубе слишком жарко, и прыгнул в речку охладиться. И утоп. Дно вязкое, броня – если обшитый пластинками ватник можно так назвать – тяжелая...

Больше никого убивать я не разрешил. Не зря же мои друзья говорят, что я слишком добр для воина. Так что оставшуюся парочку храбрецов мы взяли живьем.

– Не добивать! – остановил я разохотившегося до кровушки Вильда. – А прибираться здесь кто будет? Глянь-ка лучше, как там сестра?

Заря отделалась шишкой на голове, легким сотрясением мозга и дюжиной синяков: наступили.

Вильд схлопотал резаную рану спины, длинную, но неглубокую, и вывих мизинца на правой руке.

Вывих я вправил, а с раной разобралась Заря.

На мне, к собственному изумлению, – ни царапины. Но еще больше меня удивило поведение моего личного хищника. Белый Волк изволил явиться мне лишь однажды, да и то в совершенно несвойственной ему ипостаси – спасителя моего супротивника.

Тем не менее супротивника этого, стрелка-монголоида, я связал с особым тщанием.

А потом не менее тщательно обыскал. И не зря. Обнаружил аж три заначки: ножик в сапоге, ножик в поясе и никогда прежде не виданный ножик в упаковке из семисантиметрового звериного клыка, оформленный в виде оберега.

Ну прямо ниндзя какой-то, а не простой средневековый разбойник.

— Хороший воин, — по-словенски монголоид говорил довольно чисто. — Кто ты, человек, похожий на белого хузарина и бьющийся, как нурман?

Нет, ну до чего ж самоуверенный мужик! Можно подумать, что это я перед ним лежу, связанный и беспомощный, как младенец.

Но мой Волк его выделил, так что проявим терпение.

— А ты сам-то — кто?

— Я — человек без рода, — на губу пленника опустился слепень, потоптался и впился... «Человек без рода» и веком не шевельнулся.

— Огнем его, Ульф! — азартно воскликнул Вильд. — Прижжем ему пятки! Враз заговорит!

— Не заговорит, — возразил я и по азиатским глазам пленника понял, что заработал еще один балл к рейтингу. — Но имя у него всё же есть. Скажи мне его, воин, чтобы я знал, как тебя звать.

— Звать меня можешь — Бури, — разрешил пленник. — Хотя меня редко зовут. Чаще я прихожу сам, и мне не рады, — уточнил он с кривой ухмылкой, спугнув слепня. — Раньше было иначе, но теперь я — никто. Просто стрелок из лука.

Молодец. И имени не назвал. И пошутил изрядно. Выходит, у этой шутки борода еще больше, чем я думал.

— Всякий заговорит, когда... — Вильд дернулся и зашипел.

— Сиди смирно, брат! — прикрикнула Заря, зашивавшая ему спину.

Бури снисходительно усмехнулся.

— А как мне называть тебя, воин?

— Ульф Вогенсон.

— Нурманское имя. Но ты не нурман. Говоришь по-другому.

— Не слишком ли ты умен, простой стрелок из лука? — произнес я на языке данов.

Не понял. Или сделал вид, что не понял. И — следующий вопрос:

— Почему ты пощадил меня, Ульф Вогенсон? Ты убил всех, кто мог быть опасен. А я был самым опасным из людей Красного Угра, когда тот был жив.

– Мне был знак, – сказал я. – Этого довольно?

– Это ответ, – согласился Бури. – Но тебе придется меня убить.

– Почему же?

– Потому что иначе я убью тебя. Когда избавлюсь от этого, – он пошевелил связанными руками.

Вильд вновь хотел вмешаться, но сестра прикрыла ему рот.

– Зачем тебе меня убивать?

– Ты победил меня. И ты меня унизил. Не позволил умереть с честью.

– Значит, я сильнее. Разве ты никогда не встречал тех, кто сильнее тебя?

Азиат усмехнулся:

– Встречал. Давно.

– А если я предложу тебе другой путь, Бури? – произнес я, разрезая путы на его ногах.

– Сразиться с тобой? Это вернет мне честь!

– Я сказал: другой. Не тот, который ведет к смерти одного из нас.

– Покажи его – и я пойду по нему. Возможно.

– Заря, ты закончила с раной? – спросил я, не оборачиваясь.

– Рана! – фыркнула девушка. – Царапинка!

Вильд недовольно хрюкнул.

– Труворсон, принеси оружие этого человека!

Принес. Вот что значит – командный голос.

– Я покажу тебе путь, – сказал я, перерезая ремни на руках азиата. – Но выбрать ты должен сам.

Некоторое время он просто сидел, растирая запястья и искоса глядя на меня. Я был подчеркнуто спокоен и расслаблен. Хотя не сомневался, что смогу опередить. С искусством айдзюцу у меня всё хорошо.

Бури взял короткий прямой меч, вытянул из ножен. Хороший меч. Но его луку и в подметки не годится.

Вытянул руку с клинком ко мне (Вильд за моей спиной задышал чаще), глянул вдоль плоскости.

– Да, – сказал я.

Мы понимали друг друга без слов.

Меч крутнулся у него в пальцах: рукоятью вперед.

Универсальный жест.

Я взял меч, глянул точно так же – вдоль клинка, на одной стороне которого отражалось небо, а на другой – палубный настил, символизирующий землю, потом не менее ловко развернул его острием к себе.

Бури принял его и вложил в ножны.
Он предложил мне свою службу, и я ее принял.

Глава 20

Подобное – к подобному

Приятно быть везучим. Только что ты бегал в исподнем, в сапогах с чужой ноги, а теперь в твоем распоряжении целый корабль с кучей полезного имущества.

И четверо рабов, взятых по праву меча.

И один личный телохранитель экстра-класса.

И красивая девушка, которая уже не только строит тебе глазки, но и совершенно откровенно соблазняет. То бедрышком прижмется, то грудкой...

Пленников я усадил за весла. Парни молодые, здоровые, почти не покоцанные. Нечего им прохладиться. Это речное корыто, а не боевой драккар, на котором на румах сидят только свободные воины. Да и не Лебединая Дорога здесь, а мутная пресная речка. Пущай работают. Хотя ноги пленникам на всякий случай спутали.

За кормило я поставил Вильда, который, как и положено варягу, съзмала обучался судовождению, а сам решил поговорить с Бури. Очень уж меня заинтересовал этот человек.

Не поговорили.

Не успели.

Всё в жизни изменчиво, а подобное, как говорится, тянется к подобному.

Это я о приключениях.

Не успел я разобраться с трофеями и подыскать смену одежды по размеру, как нас догнал еще один парусный кораблик, практически аналогичный трофейному. И тут же один из рабов-пленников завопил дурным голосом и попытался треснуть меня веслом.

Не преуспел.

Но на попутном судне возникло нездоровое оживление.

Команда его – навскидку человек пятнадцать – похватала оружие и подготовилась нас обижать.

Причем – дистанционно.

– Кто они? – спросил я Бури, так же как и я, на всякий случай прикрывшегося щитом.

– С нами шли, – пояснил мой новый боец. – От Смоленска. Два дня

тому назад отстали.

– Глубоко сидят! – воскликнул Вильд. – Много добычи возьмем!

Раздухарился паренек. Понравилось ему «мирных» купцов грабить.

– Руль закрепи! – бросил я ему. И Бури: – Поговоришь с ними? Хотя нет, не надо.

Что ему говорить? О том, что прежний хозяин убит и речной баркас теперь наш? Так это и без того видно.

Но сказать что-то надо. Вдруг передумают драться. Сила и разум. Вот наше преимущество.

– Кто такие? – заорал я. – Куда идете? Почему оружием грозите? Разбойники?

Четыре вопроса, после которых остается либо оправдываться, либо...

Торговцы из Смоленска выбрали второй вариант. В нас полетели стрелы.

Я присел. Мои тоже успели. Никто не пострадал.

Сквозь щель было видно, что вражеское судно приближается. Если будут брать на абордаж – флаг им в руки и жернов на шею, чтобы нырялось легче.

За моей спиной щелкнула тетива.

Я оглянулся и увидел, что Бури уже присел.

А на вражьей посудине кто-то вякнул. И на нас снова посыпались стрелы. Попали не все, хотя судно наше – мишень изрядная. Однако часть стрелков ухитрилась промахнуться даже по десятиметровому кораблику. С нашей стороны пострадавших нет. Вру, есть. Одному из пленников поцарапали руку.

Ответили на обстрел уже двое. Бури и Заря. Минус два. Потому что наглеть не надо. Надо пригибаться.

– Я – человек князя Рюрика и князя Гостомысла! – заорал я во всю глотку, когда очередной град стрел миновал. – Сдавайтесь, или все умрете!

– Ты сам сейчас умрешь, злодей! – заорали мне в ответ.

Красивый мужик. Борода окладистая, плечи саженные, грудь – как у моего братца Медвежонка. Да еще и кольчужкой облита. Это хорошо, что широкая. Меньше вероятность промахнуться. Хотя с такой дистанции я и в зайца попал бы.

Зря мужик на кольчужку надеялся. Я, конечно, не Свартхёвди и не Стюрмир – эти бы героя насквозь пробили. А я – только на полжелезки. Никогда мне в копьеметании с викингами не сравняться.

Новый град стрел. Не иссякающий. И неумолимое сближение наших плавсредств. Зря они так орут. Скоро им прыгать и драться. Вот тогда

боевой клич уместен. А заранее глотки драть... Нет, не профессионалы это. Любители. Чужого имущества.

Это я не в укор. В моем окружении таких любителей полно. Только квалификация головорезов у них существенно выше.

Еще один хлест тетивы – и за полминуты до соударения вражеский кораблик завернуло в сторону. Бури сбил кормчего. Очень вовремя. Блин! Что за мужик! И двух часов не прошло, как он мне в верности поклялся, не знаю о нем ни черта... А ведь верю. И даже мысли не допускаю, что он с такой же легкостью может и в меня стрелу всадить!

Соударения не получилось. Ворогов развернуло, и мы с ними разминулись метрах этак в полутора.

Однако нашлись и у них храбрецы. Аж четверо. Махнули с борта на борт. Тroeе допрыгнули. На свою беду. Один сразу наделся на Вильдово копье, второй получил стрелу в живот от Зари, третьему повезло. Его встретил я. Перехватом клинка поймал меч... хотя какой там меч – тесак деревенский, и приложил прыгучего буратину оголовьем в висок. И стал буратино своей исходной формой. То бишь – поленом. Но живым.

На вражьем плавсредстве справились с управлением. Но в атаку больше не хотели. Двинули к берегу. Надо полагать, боевой пыл остыл. Это понятно. Большие потери личного состава, и лидера ихнего я удачно подбил.

Я бы отпустил неудачливых пиратов, но судном рулил Вильд, и он был другого мнения.

Наш могучий баркас тоже разворачивался к берегу.

– За весла! – грозно завизжал мой юный кормчий. – Шкуры спущу.

Двое пленников вылезли из-под скамей. Третий испуганно продемонстрировал раненую руку. Четвертый... Четвертому, храброму воину с веслом – не повезло. Я-то его только по маковке прilаскал, а вот «дружественная» стрела – не пощадила.

Высаживаться на берег – это была плохая идея. Для наших противников. Потому что до берега они не добрались. Сели на мель. Капитально.

Я посчитал их, суетящихся и пытающихся спихнуть судно туда, где поглубже... Шестеро. И отнюдь не на пике храбрости. Что ж, поговорим еще раз.

Я вспрыгнул на носовую банку.

– Эй вы! Бросить оружие и встать вдоль борта! Руки над головой! Тогда будете жить!

Рядом со мной воздвигся Бури. С луком. А у кормы – Заря.

Нас немного. Но мы уже продемонстрировали свои возможности. Моему призыву вняли пятеро из четырех. Пятый спрыгнул в реку и попытался добраться до берега вплавь.

– Заря, останови его!

Стрелять по плывущему, у которого только голова над поверхностью торчит, не так уж легко. Но человеческая голова – не меньше утки. А в утку с тридцати метров Заря била без промаха. Сам видел. Сейчас тоже не промахнулась.

– Суши весла! – скомандовал Вильд.

И метнул в воду камень-якорь. Мы на мель не сели – осадка поменьше. Только чуток тронули килем.

– Чур, вот эта девка – моя! – крикнул глазастый Вильд.

Так вот почему у них такая низкая осадка. На дне вражьего баркаса, тесно прижавшись друг к другу, лежали женщины.

Работорговцы. Вот такая профессия была у наших новых рабов, когда они еще были свободными. В здешних краях профессия популярная, а главное – доходная. Невинная девушка приличной внешности на рынке в Бирке может стоить никак не меньше трех марок. А здесь – аж восемь словенских девчонок, одна другой краше.

* * *

Облюбованную девку Вильд не получил. Вообще ни одной не получил.

Сестра обломала. Причем не потому, что порченая девка теряет в стоимости, а что-то такое, связанное с самим Вильдом. Что-то он там не прошел... инициирующее.

По-моему – несправедливо. Убивать – можно, а секс – под запретом. Но вмешиваться я не стал. Шестифутовый «мальчик» Вильд официально – не в моем хирде, так что я ему не папа с мамой, а просто старший товарищ.

Девки оказались – полянские. Откуда-то с юга. Красивые и послушные. Самое то с точки зрения покупателя. Хотя моя наложница Бетти тоже казалась тихой и покорной, а вот поди ж ты: целого хускарла топором зарубила.

Впрочем, этих красоток, в отличие от моих английских тружениц, не в плен взяли, а мирно продали. Их собственные родичи.

Я спросил у Зари: это нормально?

Дочь Трувора Жнеца удивилась. В ее понимании смерды, особенно те, что с юга, – рабы по определению. Хорошие рабы, кстати. Работящие и неконфликтные. Так что если у меня есть намерение завоевать южные земли, то это хорошая идея.

Вот так прямо и завоевать?

А почему – нет? Юная амazonка не поняла моего удивления. Ее старшие родичи не раз об этом говорили. Земли там хорошие. Если я сомневаюсь, могу хоть у моего нового дружинника поинтересоваться. Он же сам с юга? Верно, Бури?

Бури хмыкнул. Похоже, Зарю он ровней не считал. Хотя вслух – не высказывал. Он вообще мало говорил, а вот делал – много.

Именно Бури обеспечил идеальную дисциплину среди моих новых холопов, коих набралось уже восемь, не считая девушек. Восьмым был парнишка, спрыгнувший в воду во время первого боя. Вместо того чтобы свалить подальше, он решил следовать за нами по берегу и вечером был обнаружен и изловлен наблюдательным Вильдом.

Я заметил: пленные моего азиата реально боялись. Больше, чем меня. А ведь я мало того что страшный викинг, так еще и народу у них на глазах порубал столько, что волховским ракам, небось, до зимы хватит. Думаю: в моих интересах узнать о Бури побольше.

Тут я вспомнил себя самого – и задумался.

Когда-то мой тогда еще не конунг, а ярл Хрёrek оказался в сходной ситуации. Он взял в хирд парня, о котором знал только, что тот неплохо фехтует.

Это было целую вечность назад, и Хрёrek по сей день не знает настоящей правды. Что нисколько не мешает нашему сотрудничеству.

А теперь вопрос: стоит ли лезть в личную жизнь Бури, если он сам этого не желает?

Я отложил расспросы на потом, но кое-что узнал тем же вечером.

От Зари, которой информация поступила от одной из девушек.

Информация занятная. Моему новому хирдману служат некие духи огня. И не так, как, по местным суевериям, они служат, вернее, помогают кузнецам в металлообработке, а, типа, его вообще огонь не берет. Мол, может азиат зачерпнуть угли прямо из костра голой рукой – и никаких ожогов.

Подобное я уже видел. Причем не раз. Повышенная тепло- и морозоустойчивость – «нормальное» свойство берсерков.

Хорошо это или плохо? Обдумать новость у меня не получилось. Мне

было не до того...

* * *

– Еще, мой Волк, еще!

Я практически ничего не слышал. Великолепные ноги плотно прижимались к моим ушам. Но я знал, что она кричит. И мне не нужен был слух, чтобы уловить момент, когда судорога наслаждения выгнет ее спину. Но я не отпустил ее: удерживал в почти борцовском захвате и двигался, двигался... Пока ее не вынесло на новый гребень...

Я не хотел ее соблазнять. Я, можно сказать, вообще ни при чем. Мне снился сон. Потрясающий сон о моей любимой. Я и Гудрун... О, как это было классно!..

А когда я понял, что это не сон и я – вовсе не с Гудрун, – было уже поздно.

Как ей это удалось? Я же воин. Я просыпаюсь от шороха, от прикосновения...

Не в эту ночь.

Когда я проснулся, наши тела уже сплелись, соединились и... Остановиться я уже не мог. В мое оправдание можно сказать: они оказались похожи: юная Заря и моя Гудрун. Они даже пахли почти одинаково.

Но это было внешнее сходство. Если с Гудрун мы сразу сливались в одно целое, то с Зарей... Это была не близость, а битва. На всех уровнях, даже на физическом. Когда ее ноги оплетали меня, то ребра трещали, и дышать становилось непросто. Когда я брал ее сзади, она рвалась и металась так, будто хотела ускакать, а когда...

В общем, битва. В которой я неизменно побеждал. Потому что – опыт. Да, она тоже оказалась не девственницей, но здешний народ в сексе весьма простодушен. Особенно мужчины. А я всё же выходец из другой эпохи. Для меня секс – не только и не столько удовлетворение желания, сколько искусство. И в игре «Кто первый скажет: хватит!» я очень редко проигрывал. И уж точно не таким юным и пылким, как моя соблазнительница.

Ее же подвела гордость. И жадность. Она не могла и не хотела сказать заветное слово: довольно. И потому я выжал ее до донышка. А потом – еще пару раз. А потом уложил на животик...

Она уже не кричала. И не выгибалась. Только всхлипывала и постывала. И содрогалась от каждого интимного прикосновения. Мое

одеяло насквозь пропиталось ее соком. Белокурые волосы Зари спутались в огромный колтун, алых следов на ее коже было больше, чем царапин – на моей. Но когда под праздничный лягушачий хор она глотала мой сок, я всё еще не был уверен, кто из нас победил.

Зато знал наверняка: боец из нее завтра будет – никакой.

И не ошибся. Весь следующий день Заря провалялась на мешках со шкурками, глядя сияющими глазами то на меня, то на небо.

Я тоже ей улыбался, но внутри был мрачен. Интуиция подсказывала: одной страстной ночью дело не кончится. А коли так, то мне предстоит суровая разборка с папой. И я как-то сомневаюсь, что Трувор Жнец возложит ответственность за дочкину страсть на нее, а не на меня. И, скорее всего, потребует формализовать отношения. Заря – завидная невеста по здешним меркам. Но, во-первых, я женат. Во-вторых, я люблю Гудрун и знаю это наверняка. А что же до Зари, то да. Мне она нравится. Но не более.

В общем, я вляпался. Сознание мое раздвоилось: одна часть облизывалась, как слопавший сметану кот; вторая, та, что поумнее, твердила: лучше бы ты облажался, любовничек. Немножко позора, мужик, немножко девичьего разочарования – и никаких проблем. И вряд ли то удовольствие, которое ты получил от круглой девичьей попки, компенсирует провал в ту глубокую жопу, в которой ты окажешься, когда Трувор Жнец возьмется разруливать ситуацию.

Глава 21

Политика

– Я знал, что ты нас найдешь!

Трувор стиснул меня так, будто хотел выяснить, чем я сегодня завтракал.

На сына с дочкой только мельком глянул, а меня как увидел, так и сграбастал.

Похрустел моими косточками всласть и передал, как эстафету, Ольбарду Синеусу. Ольбард – Витмиду... В общем, все варяги, с которыми я ходил когда-то под парусом с «Красным Соколом» Хрёрека-конунга, проверили прочность моих ребер.

Сильна оказалась удача варяжская. Большая часть Хрёрекова хирда канула в морской пучине, а варяги – живехоньки.

Нет, не только варяги, конечно. Славный хольд Ульфхам Треска – здесь. И огромный, как белый медведь, Оспак Парус. Но в основном – варяги. И большинство – незнакомые.

Позже меня им представили: тем, кого приняли в хирд уже здесь, на земле будущей Руси.

А я, в свою очередь, представил нашим Бури. Приняли его нормально. Бури, похоже, удивился. А чему удивляться? У меня в хирде кого только не было? Даже араб из благородных. Погиб, защищая мой дом. С честью погиб. Не забуду его.

Однако пообщаться с варягами всласть мне не дали.

Хрёrek выдернул меня из атмосферы праздника и окунул в суровость будней.

«И что это было?» Так можно вкратце сформулировать его главный вопрос, когда мы оказались наедине.

– Меня украли, – стыдливо признался я.

Вместо утешения конунг разразился речью. Суть которой сводилась к тому, что я не прав, потому что отсутствовал именно тогда, когда был ему, конунгу, нужен.

А еще я с огорчением уяснил: если бы мне не удалось выкрутиться самому (вернее, с помощью Труворычей), то участь моя была бы печальна. Мой конунг, который когда-то быстро и эффективно спас меня из лап скандинавских рабовладельцев, нынче палец о палец не ударил для моих

поисков. Более того: он запретил моим людям подержать подозрительных личностей за гузку. А ведь те наверняка навели бы на мой след. Толку с того следа было бы немного, однако важен сам факт. И сам искать не стал и другим не дал. А ведь формально он не имел права приказывать моим. Особенно в таком щекотливом деле. Конечно, нашлось у него и оправдание: мол, вернутся варяги и сами все сделают.

Варяги вернулись. И – ничего. Даже о том, что я пропал, Трувор узнал не от Хрёре, а от Свартхёви.

Короче, списал меня мой конунг. Решил, надо полагать, не обострять отношения с властью предержащими мира сего, то бишь с Водимиром и Гостомыслом. И это сделал человек, не побоявшийся бросить вызов самому Сигурду Рагнарсону ради истины, чести и защиты дальнего родича. Как так?

А так, объяснил Хрёре, что он не намерен отдавать полноправных ладожских граждан на расправу моим кровожадным хирдманам. И неправильно это, и Гостомысл не поймет.

Я обиделся. Очень. И напрямик заявил: это что ж получается? Когда хирдманы проливают кровь и гибнут ради интересов Хрёре – это нормально. А когда они хотят спасти своего хёвдинга, то враз становятся кровожадными. И всякий житель Ладоги может безнаказанно злоумышлять против нас, а мы его тронуть не смеем, потому, блин, что *Гостомысл будет недоволен*?

А теперь вопрос: что для него, Хрёре-конунга, важнее – недовольство Гостомысла или спасение меня, полноправного члена конунговой команды?

– Я больше не морской конунг! – отрезал Хрёре. – Я – князь. Князь Рюрик. Эта земля – моя земля. И люди, которые живут в Ладоге, – и мои люди тоже. Ты или примешь это, Ульф Свити, или тебе придется уйти!

Я уставился на Хрёре... Блин! Он был совершенно серьезен. Что ж, слово сказано. И я его услышал.

– Когда-то я знал одного ярла, – произнес я ледяным тоном. – Его звали Хрёром Соколом, и он был настоящим ярлом, и мы все были готовы отдать за него жизнь, потому что знали: и он не пожалел бы жизни ради нас. Ни жизни, ни денег, ни доли власти. Этому ярлу я обязан жизнью. И готов был вернуть этот долг. Но возвращать оказалось некому. Ни ярла Хрёре, ни Хрёре-конунга больше нет.

Хрёре мрачнел с каждым моим словом. Но не перебивал.

– Хрёре нет, – продолжал я, не обращая внимания на то, нравится это конунгу или нет. – Его нет! Есть князь Ладожский Рюрик. И это –

другой человек. Он не станет меня защищать, если в этом не будет выгоды для него. Но и я ничем ему не обязан!

Хрёrek еще сдерживался, но я видел: сейчас он взорвется. Ни за что не стал бы так себя вести, если бы передо мной был *прежний Хрёrek Сокол*. Не рискнул бы. Не посмел. Но – тем обиднее.

– *Князю Рюрику я ничем не обязан!* Он сказал: уходи! И я ухожу!

Развернулся и вышел за секунду до того, как воздух вздрогнул от рыка:

– Стоять!!!

Обойдешься! Смердам своим приказывай.

Я остановился на крыльце. Тут было хорошо. Уже стояли длинные столы, сутилась челядь, готовя пир. Мои хирдманы перемешались с варягами. Они – давние друзья. Братья по палубе. Знают друг друга подольше, чем меня. Одна спаянная команда.

Была. Пока Хрёrek не послал меня подальше.

– Свартхёвди! – окликнул я Медвежонка, сбегая с крыльца. – Собирай наших. Мы уходим!

– Да, брат!

Ни вопросов, ни сомнений.

Потом он, конечно, вопрос задаст... По первое число, не сомневаюсь. И имеет право. Он – такой же вождь, как и я. Мы – в равных правах.

Но когда-то он сам определил меня как старшего брата. И если я принял решение, не посоветовавшись с ним, значит, он его поддержит. Попробую.

И поддержал:

– Стюрмир! Хавгрим! Готовьте...

– Стоять, Ульф Свити! Я не закончил разговор с тобой!

В дверях терема стоял Хрёrek, он был в бешенстве.

Краем глаза я отметил изумление на лице Трувора.

И нескольких отроков из числа новеньких, теснившихся за спиной Хрёreka со специфическим выражением лица: «Кого тут порвать?»

Я развернулся. Положил руку на эфес «Вдоводела».

– Ты сказал мне: уходи, князь *Ладожский Рюрик*, – процедил я. – Больше нам говорить не о чем.

Если он скомандует своим мальчикам меня схватить, тут им всем и кирдык.

О том, что команда может быть дана не только зеленым отрокам, но и варягам, я сразу не сообразил.

Хрёrek был в ярости, но все же ему хватило ума такую команду не отдавать.

А может, он слишком долго был командиром и на подсознательном уровне знал: нельзя отдавать команду, в выполнении которой не уверен.

То есть мальчики-то кинутся. Они видели меня в деле, я же их обучал. Но в этом возрасте честь дороже жизни. А вот варяги... Не факт.

А я вот уверен. Мои люди будут драться за меня хоть с кем. Так же, как и я буду драться за них хоть с самим Сигурдом Змееглазым.

Но я смотрел в глаза Хрёrekу и уже знал: моим бойцам не придется схватиться ни с варягами, ни даже с этими, новенькими. Наш конфликт с конунгом – это личное.

В прежние времена, до ранения, Хрёrek-ярл уложил бы меня в секунды. Он уложил бы меня, даже если бы пришел мой Волк. Лучшие воины Севера – берсерки. Но наилучшие – те, кто убивает берсерков, не впадая в священную ярость Одина. Хрёrek – из таких. Был. А что он сейчас – я понятия не имею. Ну, поглядим.

Хрёrek спрыгнул с крыльца. Легко.

Я увидел, как Харра Стрекоза перехватил сунувшегося следом за ним отрока. Это личное дело конунга.

Я сообразил: Харра был с князем, когда тот позвал меня к себе. Харра остался за дверьми, но он, несомненно, все слышал. Очень хорошо. Значит, по-любому наш с Хрёrekом разговор не останется тайной. И при любом исходе поединка Хрёrekу будет трудновато рассчитывать на доверие «старой гвардии». Во всяком случае, я так думаю.

Варяги сработали стремительно.

Опа! И я уже заблокирован с одной стороны Руадом, с другой – Ольбардом. Здоровые, черти! Зажали качественно. И аккуратно. Ну, я мог бы вырваться, наверное. Даже без применения оружия. Не стал. Хрёreка тоже... Хм... заблокировали. Трувор, Витмид и Рулаф образовали стеночку со Жнецом в середке.

– Захочешь – уйдешь, Волчок, – негромко произнес Ольбард. – Перуном клянусь. Но не так. И не сегодня. Так – худо.

Что сказал Трувор конунгу, я не слыхал. Но увидел, как Хрёrek развернулся на сто восемьдесят и рванул в терем, чуть не сбив с ног нерасторопного отрока.

Трувор тоже развернулся. Ко мне. Через пару секунд. Но за это время состав игроков вокруг меня немного изменился. Рядом с варягами встали мои: Свартхёвди, Хавгрим, Скиди...

– Не знаю, что меж вами вышло, Волк, – произнес Трувор, сверля меня взглядом, – но ты не прав!

– Узнай сначала, потом будешь судить! – отрезал я.

Ссориться с Трувором Жнецом я не собирался. Но видеть его в роли арбитра тоже не желал.

– Я не сужу! – рявкнул варяг. – Я говорю, что вижу! А ты, Ульф Черноголовый, – имей уважение к старшим!

У меня едва не сорвалось с языка: «А с каких это пор ты – старший?» – но совесть и разум победили. И я только буркнул:

– Ульф Свити, так меня теперь зовут.

– Брат, – сказал Ольбард. – Не возражаешь, если я сам с ним поговорю?

Я удивился. Раньше Ольбард Синеус разрешения у Трувора спрашивать бы не стал. Скорее, наоборот, ведь он был кормчим Хрёрека, а значит, в табели о рангах скорее выше, чем ниже.

Трувор качнул головой. Отказал. И это меня тоже удивило.

– Ты люб мне, Ульф Свити, – сурово произнес Трувор. – Не разочаруй меня.

– Ты тоже дорог мне, Трувор Жнец. Обида моя велика, но ради нашей дружбы я готов о ней забыть! – Я поклонился Трувору. Как младший – старшему. Гнев схлынул, и я уже понимал, что повел себя не как хёвдинг, а как сопливый дренг. Мысли я как вождь, никогда не стал бы провоцировать Хрёрека. Хорошо, что варяги вмешались, и вмешались правильно. Не то могло и до крови дойти. И себя бы подставил, и людей своих. Может, и Хрёрек прав в таком случае? Пожертвовал меньшим, то есть мной, ради большего – своего княжества?

– Окажи мне услугу, – принял мое предложение Трувор. – Не уходи сегодня. Останься и услыши нашу историю. Думается мне, это важно для всех нас.

– История сия – только для меня или для моих людей тоже? – уточнил я.

– Сам решай, – ответил Трувор.

Махнул рукой – и варяги ушли.

Последнее, что зафиксировал мой взгляд: расширенные зрачки Труворовой дочки. Кажется, она ждала, что мы с ее папой вот-вот сцепимся...

Такое бывало. Я и сам пару раз видел, как папа потенциальной невесты и потенциальный же жених сходились в поединке. У скандинавов это не такой уж редкий вариант. И бывало так, что бедная девушка (или не девушка уже) оказывалась и без отца, и без жениха.

– Пойдем-ка домой, братец, – пихнул меня плечом Медвежонок. – Жду не дождусь услышать, как Хрёрек и остальные сумели вырваться из

объятий Змееглазого. Но еще больше – что такого сказал тебе конунг, что ты рванул от него, как завидевший косатку тюлень?

* * *

К моему немалому удивлению, бойцы мое эксцентричное поведение одобрили. Только Тьёдар Певец высказался осторожно: мол, у конунгов свои понятия о чести, и к этому стоит относиться с пониманием. Для воина главное: вовремя сменить лидера. До того как он решил пожертвовать тобой ради политических преференций.

– Ты говоришь так потому, что не знал, каким вождем был Хрёrek раньше! – заявил Стюрмир.

– Не знал, – согласился Тьёдар. – Может, в те времена, когда он был не конунгом, а морским ярлом, он думал и поступал иначе. Для морского вождя нет ничего важнее его хирда, а у конунга – иначе.

– Можно подумать, конунг может обойтись без хирда! – запальчиво воскликнул Вихорёк.

– Не может, – согласился Тьёдар. – Но морского ярла кормят его хускарлы. А конунг кормит своих хускарлов тем, что собирает со своих бондов.

Прямо-таки мои мысли. Что, впрочем, не примиряло меня с изменившимся Хрёром, потому что становиться разменной монетой в политических играх я не собирался. И даже если когда-нибудь сам стану конунгом – не подставлю своих людей ради политической выгоды.

«Ага! – тут же вмешалась моя совесть. – Не ты ли только что едва не подставил своих людей из-за мальчишеской обиды!»

– К тебе пришли, вождь! – прервал дискуссию стоявший на страже во дворе Тови Тюлень.

Нет, это был не Трувор. Близко, но не он. В мой (или уже не мой?) скромный дом пришла та, кого я, да простят меня романтики, сейчас жаждал видеть меньше всего. Прекрасная воительница Заря Труворовна.

– Погоди, – прошептал я, тщетно пытаясь выпутаться из жарких объятий. – Давай, может, на реку пойдем?

– Не хочу на реку! – В сумраке глазища Зари отливали темной синевой. – Никуда не хочу! Хочу здесь!

Мой воинский пояс, расстегнутый, упал с грохотом, который

наверняка услышали все, кто был в доме.

Я сдался. Подхватил девушку и увлек в какую-то комнатушку, жутко перепугав спавшую на постели кошку, которая с диким мявом вылетела наружу. Очень вовремя, потому что на это же ложе, роняя в полете одежду и амуницию, обрушились мы. Зубы Зари впились в мое плечо. Тело девушки выгнулось, когда мои пальцы вонзились в затвердевшие ягодицы. Рама нашего ложа жалобно хрустнула, но устояла. Судорога наслаждения подбросила меня, но не остановила. Я упал на Зарю, распластал по колючей волчьей шкуре, впился губами в белеющее горло, из которого вновь вырвался хриплый стон. Ухватившись за края изложницы, я двигался всё быстрее, быстрее, быстрее, пока стоны-выдохи не слились в непрерывное низкое рычание дикой кошки... и оборвалось пронзительным отчаянным воплем и хрустом моих ребер, сжатых коленями при рожденной всадницы. Я не конь, но если дать мне шенкеля такими ножками, я, пожалуй, тоже прибавлю ходу. И я прибавил, жестко удерживая мою опрокинутую наездницу, не позволяя ни вывернуться, ни оттолкнуть меня, а только изгибаться и кричать, запрокидывая голову, отягченную змеями толстых светлых кос... Которые через несколько минут, превратившихся в вечность, я уже брал на себя, как поводья, одновременно упираясь левой рукой в выгнувшуюся поясницу повыше белых холмиков девичьих ягодиц...

– Я так испугалась, когда ты выскоцил из Рюриковых хором, – шептала Заря, щекоча губами мое ухо. – Я подумала: сейчас ты прыгнешь на палубу своего дракара и уйдешь в свой Сёлунд, к своей жене, и я никогда больше тебя не увижу. Скажи мне, скажи мне, любимый, что ты меня не бросишь! Скажи сейчас! Ты не бросишь меня, нет?

– Заринка моя...

– Скажи еще раз!

– Заринка моя. Ты чудная. Мне так хорошо с тобой.

– Люблю тебя, Волк. Никого так не любила, как люблю тебя!

Мокрые теплые нежные губы быстро-быстро касаются моего лица, шеи, груди...

Что же мне делать с тобой, отважная охотница?

– Ты такой сильный! Такой властный! Ты – такой вождь... Вождь вождей. Я видела, как ты убивал. Только за это тебя можно полюбить. Ты убиваешь, как Перун! Как молния! – Она нависает надо мной: лицо темнее, чем шея, и намного темнее, чем груди, чьи соски касаются моей кожи. – А как ты говорил с этим страшным чужаком! Ты укротил его, словно дикого

коня! Как зверя лютого! Когда он признал тебя старшим, я поняла, что тоже готова умереть за тебя! Женись на мне, любимый! Женись – и, да слышат меня боги, ты станешь нашим князем! Самым грозным! Самым страшным! Страшнее всех: и Водимира, и Гостомысла, и Рюрика, и нашего Стемида!

Ну вот. А чего я, спрашивается, ожидал?

– Заринка моя! Как я могу взять тебя замуж, если у меня уже есть жена?

– Ну и что? – Меня сновасыпали поцелуями. – У такого воина, как ты, должно быть много жен!

– И ты согласишься быть – второй? – коварно спрашиваю я.

Тело в моих объятиях внезапно напрягается... И тут же обмякает.

– Может быть, – шепчет моя гордая возлюбленная. – Я спрашивала о ней. О твоей жене Гудрун. Сначала – у отца...

Вот как?

– Трувор ее почти не знает.

– Я спрашивала у твоего сына, Виги. Я ему понравилась. Но не думаю, что он хочет, чтобы я стала его матерью, – Заря хихикнула. – То был взгляд мужчины, а не сына.

– И что же сказал тебе Виги? – перебил я.

– Что твоя жена – самая красивая женщина Сёлунда. Что она – великая воительница, убившая в бою славного ярла и его воина, хотя они были полностью вооружены, а у нее был лишь небольшой меч. Такой женщине подчиняться не стыдно даже мне. Но я думаю: мне не придется ей подчиняться.

– Это почему же? – насторожился я.

– Потому что она будет твоей женой там, в Дании, на своей земле. А я буду твоей женой здесь. И здесь я буду ходить с тобой в походы, убивать врагов, брать добычу, примучивать данников!

Я улыбнулся. Ну прямо наполеоновские планы у этой девочки...

Улыбка сошла с моего лица, когда я увидел силуэт, заслонивший дверной проем от косяка до косяка.

Медвежонок. Интересно, как давно он здесь, что услышал и что понял?

– Что, брат? – спросил я, рефлекторно попытавшись закрыть собой Зарю. Не с моими скромными габаритами.

– До сегодняшнего дня здесь спал я, – сообщил Медвежонок, шагнув в комнату. – Хотя если ты хочешь перебраться сюда, я не против. Но пришел я не поэтому. Напомнить тебе, что скоро у нас будут гости, и если эта красавица будет кричать так же громко и так же отчаянно, дружище Трувор

может забеспокоиться. Вдруг ты залюбишь его дочь до смерти?

– Еще неизвестно, кто кого залюбит! – Заря спрыгнула на пол, приняла вызывающую позу, уперла руки в бедра.

Медвежонок разглядывал ее, разгоряченную любовью, мокрую, соблазнительную, с откровенным удовольствием.

– Мой братец, – заявил он, – всегда выбирает для скачки самую лучшую лошадку. Вот только взнuzдывать их он не умеет.

Кто бы говорил? Можно подумать, его собственная жена ходит по струнке?

– Жена моего брата – дочь сильнейшего конунга норегов, – сообщил я Заре. – И она выиграла его жизнь, сразившись в поединке с одним из его ярлов.

– А сам он – не мог? – с легким презрением поинтересовалась Заря.

– Мог, – ответил я, искренне наслаждаясь смущением Свартхёвди. – Чтобы получить ее в жены, он вышел против нескольких десятков воинов-оборотней. Но не в тот раз. Так что ты там сказал о лучших лошадках, брат?

– Оdevайтесь, – хмыкнул Свартхёвди и вышел.

– Спасибо, что напомнил! – крикнул я вдогонку.

В общем, когда пришли Трувор, Ольбард и все наши, с кем я когда-то делил палубу, мы с Зарей выглядели вполне прилично. Трувор, правда, зыркнул в нашу сторону не очень по-доброму, но ничего не сказал. Он вообще помалкивал. Говорил в основном Ольбард Синеус. Что ж, никто не возражал. Ольбард – превосходный рассказчик.

Глава 22

Неравный бой

Три корабля против восьми – это недобор. Особенно если самый меньший из восьми на четыре рума длиннее «Красного Сокола», Хрёrekова флагмана. Можно даже сказать, два против восьми, потому что третий, набитый добром кнорр в счет не шел.

Хрёrek знал: это может случиться, но не думал, что так быстро. Десять дней назад он свидетельствовал на суде против сына Рагнара, и вот уже корабли Сигурда – в трех полетах стрелы. Восемь боевых драккаров.

Хрёrek знал: это может случиться, но он почему-то был уверен, что Сигурд не станет мстить сам. Это было неразумно. Куда разумней было бы нанять кого-нибудь, тех же вестфолдингов, например. Все же Хрёrek – не просто морской конунг. Он и с Рагнаром Лотброком дружен, и с другими Рагнарсонами. Да, Рагнар не очень-то считается с Хареком-конунгом, но даже он старается соблюдать закон. Хотя бы формально. Потому что даже Рагнару совсем ни к чему навлечь на себя гнев всех данов, а не только их конунга.

Будь на месте Сигурда мой покровитель Ивар Бескостный, он бы точно не стал мстить лично. И он бы не торопился. Сначала дал бы недругу успокоиться, расслабиться, решить, что мести вообще не будет, а потом, внезапно, в день, когда враг почивает себя особенно сильным и счастливым, ударить быстро и внезапно. Обрушиться с неба, как настоящий дракон.

Я не удивился бы, если бы это случилось на свадьбе.

Или в день возвращения Хрёreка из удачного вика.

И, скорее всего, это было бы сделано не руками хирдманов Ивара. С другой стороны, вряд ли Ивар счел бы свидетельство против себя личным оскорблением. Хрёrek не был его человеком. И родичем тоже был очень условным, потому что родство по линии божественного Ингви – не в счет. На Севере каждый родовитый убийца числится в предках этого парня из Асгарда. Что же удивительного в том, что Хрёrek встал на сторону Рагнарсона, а не своего кровного родича? Ущерб не чести, а кошельку, Ивар бы тоже не простил, но месть его была бы совсем иной. Скорее всего – чужими руками. Нанял бы вестфолдингов. Скажем, под соусом мести за всё того же убитого на хольмганге Торсона-ярла. Да, история была бы шита

белыми нитками. Но формально Рагнарсон оказывался ни при чем. Хотя долю добычи получил бы несомненно.

Сигурд же, хоть и звался Змееглазым, но обошелся без змеиного коварства. Подстерег и напал. Внезапно. Возник в утреннем тумане и обрушился. Нагло. Прямо в виду спокойных датских берегов, где парус с красным соколом был знаком даже детишкам. У берегов той Дании, которая, безусловно, была землей настоящих датских конунгов.

Сигурд Змей в Глазу не боялся никого, даже Харека, гордо именовавшего себя конунгом всех данов. И если сила на его стороне, он плевать хотел на закон.

На суде в Хедебю сила была на стороне закона и конунга всех данов, так что Рагнарсон швырнул ему под ноги верегельд и отплыл.

Хрёrek не сомневался, что Сигурд жаждет наказать того, чьё свидетельство стало на суде главным. Но не думал, что Рагнарсон нападет вот так сразу. Тем более что отбыл обиженный Сигурд сразу после суда.

В Хедебю даже шутили: пошел папе Рагнару жаловаться.

Насчет папы Рагнара Хрёrek не особо волновался. Не настолько велик ущерб, чтобы Лотброк обиделся всерьёз. А еще не волновался Хрёrek потому, что планировал вскоре покинуть датские воды, и надолго.

Так он и поступил. Закончил свои дела в датской столице и на двух дракках и одном кнорре двинул в сторону Ладоги-Альдейгии.

Возможно, Сигурд знал о планах Хрёreка. Скорее всего, знал, потому что заранее выбрал удобное место для засады, где и ждал, укрывшись в шхерах, появления Хрёrekовой флотилии.

Кто-то из местных, возможно, видел драккиры Рагнарсона. Но никому не пришло в голову предупредить Хрёreка, что его поджидает засада.

А может, и некому было предупреждать: в стиле Сигурда убивать ненужных свидетелей, в том числе и наткнувшихся на него рыбаков.

Так или иначе, но когда впередсмотрящий на «Красном Соколе» увидел сквозь клочья утреннего тумана летящие над водой драконьи морды, убегать было уже поздно.

Не будь этого коварного тумана, Хрёrek мог бы попробовать уйти: бросить кнорр, пересадив с него людей на два оставшихся драккара, добраться до ближайшей родственной гавани. Высадился бы на берег, и любой из здешних ярлов оказал бы ему поддержку. Особенно против одного из Рагнарсонов, открыто бросавших вызов законно избранному конунгу.

Но боги в тот день не благоволили «Красному Соколу».

Два самых быстрых драккара Сигурда тут же обошли маленькую флотилию Хрёрека и перекрыли путь к отступлению. Остальные разошлись полукольцом, готовясь взять каждый из кораблей в клещи...

И тут хёвдинг Сигурда ошибся. Вернее, пожадничал. Один из драккаров, блокировавших Хрёрека со стороны Хедебю, решил взять на абордаж Хрёреков кнорр.

Задача нетрудная. Экипаж кнорра – двенадцать человек. Молодежь и старики. Десяток викингов управились бы с ними играющи.

Однако, прижавшись к кнорру, драккар открыл брешь, в которую немедленно устремился Хрёrek.

Конунг сам встал за кормчего. И не на корме, а на носу. Гребцы «Красного Сокола» развернулись на румах, поменялись веслами и двинули задним ходом.

На них вовсю сыпались стрелы. К счастью, дистанция была еще довольно велика, иначе потери среди наших, не успевших даже доспехи надеть, были бы огромными.

Хрёrek рассчитал точно. Один из драккаров-«перехватчиков» уже сцепился крючьями с кнорром, а второй оказался этим же кнорром от «Красного Сокола» отделен.

Да, им пришлось пройти мимо корабля, взявшего кнорр на абордаж, почти вплотную. И там не зевали: начали активный обстрел, причем на сей раз с расстояния в несколько десятков метров.

Хирдманы Хрёрека на стрелы и копья не отвечали. Те, кому не достало места на румах, прикрывали щитами гребцов, а уж гребцы вертели весла так, что жилы трещали. Потери были – безбронным в таком бою тяжело, – но не слишком большие.

Хорошо, что «Сокол» недавно откилевали. Хорошо, что кормой драккар идет почти так же быстро, как и носом.

Почти, но не так же. Два Сигурдовых драккара явно догоняли. А третий уже настиг, обошел и двигался теперь параллельным курсом, отрезая «Красного Сокола» от открытого моря.

Очень быстрый корабль, сразу видно. Обогнал легко, однако нападать в одиночку не спешил. А зачем, если два корабля уже на подходе, а еще два подоспеют, когда корабли сойдутся бортами.

Пять драккаров преследовали «Красного Сокола». Остальные разбирались с оставшимися драккаром и кнорром.

Пять против одного. Хороший расклад для бойцов Сигурда.

И тут Хрёrek совершил маневр: послал драккар в разворот и двинул на самого быстрого. Тот оказался не только быстрым, но и маневренным:

легко уклонился. Расстояние между «Соколом» и преследователями сократилось. Но...

Но Хрёrek и не собирался атаковать быстрый драккар. Ему надо было развернуть корабль. Причем сделать это так, чтобы в этот момент между ним и преследователями оказались сцепленные вместе кнорр и драккар жадного хёвдинга. И чтобы преследователи решили обойти сцепку со стороны моря.

Получилось.

Драккары Сигурда взяли мористее, а «Красный Сокол» – наоборот. И двинул прямо к берегу. Уже как положено. Носом. И за кормило снова встал Ольбард Синеус.

Надо отметить, что берег этот фризский для мореплавателей – хуже не придумаешь. Я сам там был, видел. Скалы надводные и подводные. Мели. Коварнейшие течения. Словом, малоподходящее место для гонок. Однако Ольбард эти воды знал и уже наметил маршрут. Причем войти в прибрежные воды он намеревался в строго определенном месте.

Но, к сожалению, дорогу к этому входу мог перекрыть один из Сигурдовых драккаров. Корабль не самый большой во флотилии Рагнарсона, но все же крупнее «Красного Сокола». Правда, вражеский драккар уступал в скорости, но торопиться ему и не требовалось: корабли Сигурда уже обложили «Красного Сокола», а выброситься на скалы – это поступок, недостойный викинга. Куда почетнее умереть в бою.

И тут Ольбард тоже совершил ловкий маневр: еще раз прошел мимо сцепки драккара и кнорра. На этот раз – в обратную сторону.

И тогда водитель одного из отставших драккаров Сигурда решил, что его час настал. Наддав, он попытался прижать «Красного Сокола» к кнорру и притереться к борту Хрёrekова драккара с другой стороны.

И вроде как у него получилось. Разгон взят, весла подняты, и гребцам на «Красном Соколе» ничего не остается, как поднять свои – чтоб их не переломало носом надвигающегося драккара. Но Ольбард поступил иначе. Проревел команду – и весь левый борт дружно затабанил. «Сокола» стремительно развернуло на осьмушку круга и уперло кормой в борт кнорра. Удар получился смягченный, потому что на корме «Сокола» успели сбросить кранец. Тем не менее борт кнорра затрещал, и доски его разошлись.

И тут же четверо людей Хрёrekа из команды кнорра попытались перепрыгнуть на палубу «Сокола». У двоих получилось, третий повис, зацепившись за борт, четвертому не повезло. Упал в воду.

Следом за бойцами Хрёrekа на «Красного Сокола» махнуло не меньше

полудюжины заполонивших кнорр хирдманов Сигурда.

И вот этим не повезло совсем. Потому что как раз в этот момент шедший по инерции драккар Сигурдовской флотилии, вместо того чтобы плотно притереться бортом «Красного Сокола», напоролся боком на его мощный форштевень. Удар передался по корпусу «Сокола» и оттолкнул сцепку кнорр – драккар, окончательно разворотив борт кнорра. Бойцы Сигурда, вознамерившиеся перемахнуть на вражеский драккар, посыпались в образовавшуюся щель, а тем, что остались на палубе, сразу стало как-то не до добычи. Быстро погружавшийся кнорр вполне мог увлечь за собой и взявший его на абордаж корабль.

Еще хуже обстояли дела у драккара, напоровшегося на нос «Красного Сокола».

Не будь у корабля Хрёрека кормового упора, результат был бы куда менее разрушителен. Удар пришелся по касательной, доски корабельного корпуса прочны и упруги. Ну, может быть, треснула какая – и всё. Однако в момент столкновения «Сокол» упирался в кнорр, да еще с довеском в виде драккара, так что вышло жестко.

Цельный дубовый киль «Красного Сокола» выдержал нагрузку, а борт вражеского корабля – нет.

Хорошо получилось. Поскольку удар все же был касательный, то Сигурдов драккар отбросило, и нос «Сокола» не застрял в брешах. Случись иначе, и вместо свободы маневра Хрёrek получил бы на борт уже изготовленную к атаке абордажную команду.

А так ни один из брошенных крючьев не зацепился за борт «Красного Сокола», а часть этой самой команды посыпалась в воду.

Другая часть команды вопила и швырялась острыми предметами. Однако между кораблями было слишком много воды, чтобы даже самый лучший прыгун рискнул перемахнуть на палубу «Сокола».

Вдобавок Сигурдов драккар получил пробоину, несовместимую с плавучестью, и начал тонуть...

Тут Ольбард прервал рассказ, чтобы еще раз объяснить присутствующим, какой он молодец. Блестящий маневр – один драккар вестфолдингов идет ко дну, а второму грозит аналогичная участь, если он вовремя не отцепится от борта кнорра.

Слушатели оценили. И выпили за мастера.

Два выведенных из строя дракара – это здорово, но у Сигурда оставалось еще шесть. То есть, за вычетом двух, взявших в клещи второй

драккар Хрёрека, против «Красного Сокола» играли аж четыре вражеских корабля, один из которых, флагман Сигурда, был вдвое больше «Сокола» и сейчас стремительно сокращал дистанцию.

«Красному Соколу», чтобы оторваться, требовалось вновь набрать ход, а на это нужно время.

И тут хирд Хрёрека выручил самый проворный драккар Сигурда. Тот, который первым перекрыл «Соколу» путь к отступлению и на который недавно была совершена ложная атака.

Этот драккар ухитрился проскочить мимо «Красного Сокола» и оказаться между ним и флагманом Сигурда.

Гневный рык Рагнарсона был слышен за милю вокруг. Сигурд Змееглазый потребовал, чтобы его парни убрались с дороги конунга. Рагнарсон решил, что Хрёrek попался, и никому не желал уступить право первой атаки.

Пока Сигурд расчищал себе дорогу к мести, «Красный Сокол» успел проскочить и взять курс в сторону берега, но не к скалам, а в широкий просвет между каменными зубцами, выгляделевший достаточно безопасным, если не знать, что он изобилует мелями, да и камнями тоже, но только подводными.

Проскочить-то «Сокол» успел, но не оторваться. Все четыре драккара повисли на его хвосте.

Впереди – огромный флагман, на носу которого уже замер Сигурд Рагнарсон с копьем на изготовку. Прямо за флагманом, параллельным курсом, – проворный, а за ними, отставая примерно на четверть мили – остальные.

И тут удача наконец-то вспомнила о Хрёреке.

Отлично знавший здешний фарватер, Ольбард взял вправо, чтобы обойти мелкое место, а вот кормчий Сигурда решил срезать...

Результат неудовлетворительный. Флагман эскадры Рагнарсона с разбега выскоцил на мель.

К сожалению, проворный, возглавивший погоню, и два других корабля успешно прошли опасное место. И что особенно неприятно, у самого быстрого корабля противника теперь не было причин притормаживать.

Расстояние между ним и «Красным Соколом» быстро сокращалось. И его кормчему не требовалось знания фарватера. Ему достаточно было лишь точно следовать за беглецом.

Хрёrek-конунг прорычал команду – и половина его хирдманов, все, свободные от гребли, облачились в броню и сменили гребцов, чтобы те тоже облачились в доспехи.

Весла «Красного Сокола» продолжали вспенивать воду. Да, дистанция между ним и проворным преследователем быстро сокращалась, но зато увеличивалось расстояние между лидерами гонки и двумя остальными драккарами. Когда дистанция между «Соколом» и проворным сократилась до броска копья, два других корабля Сигурда только-только миновали севший на мель флагман, причем один из кораблей задержался, чтобы принять на борт разъяренного задержкой Рагнарсона.

Обмен копьями не причинил особого ущерба. Когда расстояние между кормой «Сокола» и носовой фигурой преследователя сократилось до десятка локтей, бойцы Рагнарсона забросили первые крючья. Сорвались. Зато один из хирдманов Сигурда ухитрился так ловко метнуть бородатую секиру с привязанной к ней веревкой, что та зацепилась за самый верх кормы. За веревку тут же ухватилась дюжина рук, подтягивая драккар к «Красному Соколу». Еще минута – и скула преследователя прижалась к борту «Сокола».

Абордаж!

Бойцы Хрёрека оставили весла: бессмысленно грести, когда на тебе висит второй драккар. Да и бой предстоял не из легких. В хирде Рагнарсона отборные бойцы, числом не уступающие дружине Хрёрека.

Правда, у наших было преимущество: прыгавших через борта хирдманов Сигурда встречал плотный строй изготовленных воинов.

Бойцам Сигурда было совсем не обязательно биться насмерть. Им было бы достаточно придержать «Красного Сокола», пока не подтянутся основные силы Рагнарсона.

Но викинги есть викинги. В бою у них начисто сносит башню.

Я очень хорошо представлял, что там творилось. Копья впивались в щиты. Враги прыгали прямо на ощетинившийся оружием строй, норовя пробить в нем брешь...

«Мы били их, как коршуны – цапель», – вставил Ульфхам Треска.

Художественное преувеличение. Коршуны были с обеих сторон, просто бойцам Сигурда пришлось потруднее. И наши выстояли. Отбились и отцепились. О победе речь не шла. К месту боя приближался еще один корабль, и надо было или драться, или бежать.

– Нас оставалось тридцать шесть, – перехватил инициативу Трувор. – И тебя, Треска, среди них уже не было. Тридцать шесть способных сражаться в полную силу. На драккаре, что шел к нам, было втрое больше

воинов, не утомленных ничем, кроме гребли...

* * *

– На румы! – закричал Хрёrek, и все, кто был способен грести, ухватились за весла.

«Красный Сокол» набирал ход медленно и осторожно. Идти предстояло между мелей и камней. Идти в никуда. На две мили вперед не было ни одного места, где можно было бы пристать к берегу. А то, что через две мили – это и был залив, в котором прятал свой флот Сигурд.

Хрёrekу, который еще в юности ходил здесь на парусной лодке, все это было известно. Но он надеялся.

«Красный Сокол» двигался осторожно. Как волк по болоту. Преследователи тоже замешкались. Им потребовалось время, чтобы часть бойцов пересела на драккар, команду которого изрядно проредили хирдманы Хрёрека. «Сокол» выиграл почти четверть часа, когда оба драккара двинулись за ним. С их носовых фигур свешивались наблюдатели, высматривающие мели и камни.

– Скоро отлив, – сказал Хрёrek. – Если мы отойдем достаточно далеко, то мели отрежут нас от Сигурда.

– Отлив не вечен, – заметил Ольбард. – Что потом?

– Мы высадимся, – лаконично ответил конунг.

– Бросим корабль? – изумился кормчий. – Наш драккар?

– Нам не победить в этой битве, – мрачно произнес Хрёrek. – Бери правее, там будет щель между подводными камнями. – Я не хочу, чтобы вы все отправились в сети Ран. Будем живы, будет и новый драккар. Иди, помоги раненым, друг мой. Я постою у кормила.

Отлив начался. И увидели это не только на «Красном Соколе». Лидирующий корабль Сигурда прибавил ход. Его кормчий рисковал, но он тоже понимал, что отлив отсечет их от преследуемых. Гребцы на его румах заработали в полную силу, и расстояние начало быстро сокращаться.

Хрёrek не мог не восхититься красотой чужого корабля и мастерством его кормчего.

– Прибавить! – проревел конунг и несколько раз ударил колотушкой по скамье, задавая новый ритм.

«Красный Сокол» тоже начал разгон. Далеко не так мощно, как это сделал корабль преследователей. У тех было довольно людей, чтобы

посадить по двое на каждый рум. И люди Сигурда не устали в битве.

Корпус драккара вздрогнул, когда его киль зацепил мель. Несколько страшных мгновений, когда показалось, что корабль застрял...

Но нет. Киль освободился, и «Красный Сокол» снова набрал скорость...

И спустя несколько минут снова сел на песок. Но люди были к этому готовы. Впередсмотрящий спрыгнул в воду, подплыл к ближайшему каменному зубу, вскарабкался наверх. Ему тут же бросили канат, который он закрепил, затем все, кто мог, взялись за него в дружном усилии... И стянули драккар с мели. Канат подняли на борт вместе с уцепившимся за него дренгом.

Но расстояние между кораблем Сигурда и «Соколом» сократилось. Хрёrek видел: весла преследователей заработали еще быстрее. Их кормчий видел, как сел на мель «Красный Сокол», но решил, что сумеет преодолеть ее «с разбега».

И у него получилось. Может, скорость помогла, а может, осадка была поменьше, но расстояние между двумя кораблями сократилось до трехсот локтей.

Хрёrek взял правее, уводя драккар к берегу.

– Справа, поднять весла! Левый – загребай! – закричал конунг.

Серая скала прошла в нескольких пядях от борта. «Красный Сокол» обогнул ее и...

– Левый, поднять весла! Правый – загребай!

«Красный Сокол» обошел следующий камень так близко, что Хрёrek мог бы дотянуться до него мечом, и они оказались в длинной заводи, отделенной от берега зубцами скал. Хрёrek знал, что в этих скалах есть проход, достаточно широкий для рыбакской лодки, но слишком узкий для дракара.

– Греби!

Хрёrek очень надеялся, что корабль преследователей не сумеет повторить сложный поворот...

Но кормчий Сигурда справился. Они ушли меньше чем на перестрел, когда вражеский драккар, проскрежетав по камню, выплыл из-за скалы.

Нельзя сказать, что он прошел без потерь: на обшивке – длинная светлая отметина, несколько весел сломано, вдобавок сам драккар развернуло боком, так что пока кормчий выводил его на курс, «Красный Сокол» сумел выиграть еще пару сотен локтей. Ничтожный выигрыш. Скорость врага, даже без нескольких весел, была намного больше.

– Греби! Сильнее! – закричал Хрёrek. И через пару минут: – Правый,

табань!

Корабль развернуло под прямым углом. И «Красный Сокол» с безупречной точностью вошел в щель между камнями. Вошел и застрял. Слишком узко для дракара. А вражеский корабль проскочил мимо и со всего разгона сел на мель. Но за несколько мгновений до этого вспрыгнувший на рум Сигурд Рагнарсон метнул копье в своего недруга. С тридцати шагов.

Хрёrek не успел ни перехватить, ни уклониться. Он только начал поворачиваться, чтобы взглянуть на промахнувшегося хищника... Когда тот его всё-таки достал.

Глава 23

Месть

Хрёrekу повезло, если такое можно назвать везением. Копье угодило в зерцало Хрёrekова доспеха. В круглую пластину из отличной стали, посеребренной от ржавчины, с наложенным поверх медальоном из золота и эмали. На медальоне лик святого Димитрия. Доспех был ромейской работы.

Не будь Хрёrek язычником, можно было бы подумать, что это святой уберег его, а так – просто повезло. Хрёreка швырнуло на палубу, но наконечник копья не смог пробить зерцала, соскользнул, вскрыл пластины панциря, пропахал грудь конунга, сломал два ребра и на полпяди погрузился в тело, пониже правой ключицы.

Хрёrek вырвал копье левой рукой, зажал рану ладонью и продолжал командовать хирдом, не озабочившись тем, чтобы хотя бы перевязать рану. Это потом дорого обошлось конунгу. Час спустя он свалился. Из-за потери крови. Однако к этому времени все, кто мог двигаться самостоятельно, уже были на берегу, прихватив с собой все ценное, что можно унести на себе.

Их осталось сорок четыре. Считая ходячих раненых. Остальные ушли в Валхаллу в пламени горящего «Красного Сокола».

По счастью, Сигурд не стал их преследовать на берегу. Вероятно, решил, что его главный обидчик убит. Рагнарсон видел, что попал. И куда попал, тоже видел. А еще он знал силу собственного броска. С тридцати шагов Сигурд Змееглазый пробивал насквозь и стальной панцирь, и то, что внутри, да так, что наконечник копья вылезал из спины не меньше чем на пядь.

Когда наступило время прилива, люди Сигурда стащили драккар с мели, прошли мимо догорающего остова «Красного Сокола» и двинулись домой, к Сёлунду. Им достался неплохой трофей: второй драккар Хрёreka, однако он не мог восполнить потери. Корабль, протараненный «Соколом», затонул сразу. И тот, который взял на абордаж кнорр, тоже спасти не удалось. Когда крма «Сокола» ударила в борт кнорра, кнорр ударился о бок Сигурдова драккара с такой силой, что доски его разошлись, и он не смог удержать на плаву себя и тяжело нагруженный кнорр Хрёreka. Сигурду оставалось лишь радоваться, что большая часть его хирдманов

сумела спастися.

Но он не радовался.

Захваченных в плен людей Хрёрека Змееглазый отвез в Оденсе и отдал жрецам Одина для жертвоприношения. Тех, кто не умер в пути.

Сам драккар Рагнарсон продал, но это не восполнило и трети убытков, не говоря уже о погибших воинах. Вдобавок Сигурд получил жесточайший разнос от папы Рагнара: за то, что решил отомстить лично за пустяковую обиду, за пустяковый, по меркам Рагнара, штраф и бездарно потерял людей и корабли.

«А еще больше я жалею, что потерял союзника, который оказался сильнее моего сына и покрыл мой род позором!» – заявил Рагнар Лотброк.

«В чем позор, отец? – возмутился Сигурд. – Я победил его! И убил!»

«С тобой была почти тысяча хирдманов! – рявкнул Рагнар. – Вчетверо больше, чем у Хрёрека Сокола! До сих пор все знали: сотня воинов Рагнара или его сыновей стоит двух сотен хирдманов любого вождя Севера! А Хрёрек взял с тебя один к одному! Два драккара за два своих! Когда их было вчетверо меньше! Когда об этом узнают люди, мы станем посмешищем! Ты опозорил меня! Ты опозорил имя, которое носишь! Что скажет твой дед, Сигурд Кольцо, когда Хрёрек Сокол сядет с ним за один стол в Валхалле и расскажет, как бился с его внуком и взял с него железную цену, равную своей, хотя вас было вчетверо больше? Что скажет мой отец, когда услышит такое на пиру героев?»

Сигурд молчал. Гнев и стыд боролись в нем. Каждое слово ранило больнее, чем обида, полученная на суде конунга всех данов.

И то была не последняя обида Сигурда до того, как я имел сомнительную честь быть ему представленным.

О разговоре Сигурда и папы мне рассказал Ивар. Когда папы Рагнара уже не было в живых, а Сигурд...

Я бы сказал: он простиł кровь, которая была между нами. Не из доброты. Ради мести.

Но это случится позже, а сейчас мне предстояло дослушать до конца историю разбитого хирда.

Тридцать пять воинов, способных сражаться, и их вождь, не способный самостоятельно встать с ложа, но по-прежнему вождь, который в нечастые минуты просветления говорил уцелевшим хирдманам, что и как им следует делать.

А следовало им плыть в Гардарику. К Гостомыслу.

Хрёrek был уверен, что ладожский князь будет верен клятве, несмотря на то что удача отвернулась от будущего зятя. Свадебный дар принят. Время – назначено. А что жених вполне может и помереть, не имеет значения.

«В Альдейгье Сигурд нас не найдет», – сказал Хрёrek. И хирдманы с ним согласились. Тем более что для варягов Альдейгья-Ладога – почти дом.

Конунг сказал: плывем в Гардарику. И велел купить корабль, который доставит их туда.

Трувор не стал с ним спорить.

Но людям сказал: мы не будем покупать драккар. Мы возьмем его у того, кто нам должен. И неописуемую по дерзости и храбрости операцию придумал тоже Трувор.

* * *

Ночь выдалась отличная. Такая, о которой – только мечтать. Темно, ветрено, но без дождя.

Всё уже было проверено-разведано.

Еще в полнолуние Харра Стрекоза вместе с Синиром Цепкие Пальцы, молодым даном, лишь дважды ходившим в вики, нанялись в помощники к купцу-ирландцу, шедшему в гард Сигурда Рагнарсона с грузом олова. Представились финнами. Плату попросили умеренную.

Купец взял их охотно. Так вышло, что сразу четверо его моряков куда-то запропали. Может, убили их, а может, напились и заснули. Купцу они были не родичи. Наёмные, так что искать он их не стал. Еще и денег сберег: расчет предполагался по возвращении домой.

Харру с Синиром для дела выбрал Трувор. Молодые, никто их не знает. Харра, правда, ходил с Рагнаром и сыновьями на франков. Но в то время Харра был безусым и юным, а сейчас оброс светлой бородкой. С ходу не узнаешь, а приглядываться к нему хирдманы Сигурда не станут. Ни к чему им.

Во фьорде Змееглазого купец задержался на неделю. Пока сторговался, пока продал, пока набрал нового товара...

В общем, у Харры и Синира было достаточно времени, чтобы осмотреться и пообщаться с местным населением. И гавань осмотреть, и выходы из нее. Целью разведчиков были Сигурдовы корабли. Отличные корабли. Знакомые по битве близ Хедебю. Ожидали, что среди них будет и Хрёrekов, тот, что захвачен в бою, но его не оказалось.

Много интересного узнали лазутчики. Например, что Сигурд скоро собирается в вик, но ждет, когда разрешится от бремени его нынешняя жена. Хочет узнать, сын ли родится?

За неделю Харра и Синир примелькались. Даже втайне от своего нынешнего работодателя договорились с мастером-корабельщиком, что тот возьмет их на работу. Попозже. Когда с ними рассчитается прежний хозяин. Мастер брал парней с охотой. Убедился, что с делом оба знакомы не понаслышке.

Через семь дней Харра и Синир отбыли... И покинули купца там, где он их нанял, потому что пропавшие моряки обнаружились. Похмельные, безденежные, ничего не помнящие, но живые.

Дальше – сложнее.

То есть с Харром и Синиром – все просто. Они вернулись с попутным кнорром и приступили к работе на верфи. А вот группе захвата: двадцати двум отборным хирдманам из уцелевших, пришлось добираться до места на рыбачьих лодках и в основном – по ночам. Однако добрались. Высадились и встретились в условном месте с Харром.

Успели как раз вовремя. На следующий день у Рагнара Лотброка появился еще один внук. Сигурд по этому поводу объявил большой праздник и назначил выход в море через три дня.

Действовать решили на вторую ночь. Самое время. Праздник в разгаре, а все корабли практически готовы к походу.

Харра и Синир Цепкие Пальцы пришли за своими сразу после наступления темноты и теперь, вместе с остальными, смотрели сверху на пришвартованные у пристани драккары.

– Может, всё же возьмем самый большой? – азартно предложил Харра Стрекоза, за что тут же схлопотал тычок от Трувора.

– Тише, дренг!

– Да кто нас услышит! Они ж пьяные все!

– Собаки тоже пьяные? – проворчал Трувор.

– Не самый большой, а самый быстрый, – совсем тихо произнес Оспак Парус. – На самый большой у нас рук не хватит.

Три часа спустя двадцать четыре воина – двенадцать скандинавов и двенадцать варягов – все еще глядели со стометровой высоты на прекрасные в своем совершенстве тела спущенных на воду драккаров. Тех было восемь. В том числе и самый большой, сорокавосьмивесельный, о котором говорил Харра.

– А какой, по-твоему, самый быстрый, Оспак? – спросил Харра.

– Вон тот, крайний, – вмешался Синир Цепкие Пальцы. – Забыл, что

ли? Если бы он не сел тогда на брюхо, мы бы с тобой уже в Валхалле пировали.

– Это ты – в Валхалле, а я – в Ирии, – внес поправку Харра Стрекоза. И схлопотал еще один тычок, поувесистее.

– Рот закрой, – буркнул Трувор. – Пора, братья. Харра, Синир, двигайте вниз. Вас здесь знают. Проследите, чтоб никто из местных не попался.

Городок спал. Умаялись. Половину последней луны все его обитатели, и рабы, и люди, трудились без прудых. Подготовка к дальнему походу – тяжкая работа. А уж поход Сигурда-конунга... У этого не забалуешь. Видит всё и всех, и не зря слывет самым жестоким из Рагнарсонов. Даже более жестоким, чем старший брат Ивар. Сигурд в гневе даже своих не щадит.

Сначала работа на пределе сил, а потом праздник, который, если подумать, праздник только для знатных. Остальным – та же работа. Особенно трэлям.

Никто, кроме псов, не заметил чужих. Да и псы брехали лениво. Праздник – и для них праздник, обожрались.

Луна серебрила змеиный изгиб фьорда. Боевые корабли никто не сторожил. Когда четверо взобрались на борт дракара, заметила их только спавшая на палубе чайка.

Ветер дул с берега. Превосходная ночь.

Четверо распределились по кораблю.

Через некоторое время вновь встретились.

– Весла – все, парус, снасти – тоже, – доложил Синир. – И для починки – всё есть. Инструмент, парусина...

– У тебя что, Витмид? – спросил Трувор.

– Припасов – нет, воды – нет, оружейные ящики пустые, – сообщил Витмид.

– Не беда, – решил Трувор. – Драккар в порядке, это главное. Зови остальных. Когда луна зайдет.

Луна зашла.

Полчаса спустя освобожденный от швартовов драккар сдвинулся с места. Бесшумный и невидимый, несомый ветром и подталкиваемый легчайшими касаниями весел, корабль отделился от пирса и канул во тьме.

Ориентируясь по звездам, звукам, теням и советам Харры, который прошел этим путем дважды, Ольбард успешно вывел драккар из фьорда и взял курс на восток. К восходу корабль был уже в нескольких милях от

фьорда, а когда солнце на ладонь поднялось над горизонтом, сменивший хозяина драккар вошел в небольшую бухту, принадлежавшую одному из ярлов земли Сконе. Ярл этот сумел договориться с Рагнарсонами и потому остался ярлом, но любил нового конунга не больше, чем чудом оставшийся в живых тюлень – пощадившего его кита-убийцу.

В бухте Трувора и остальных ждали товарищи и раненый Хрёrek-конунг. Здесь же загрузили всё необходимое для дальнего похода. А поход действительно был дальnim, потому что путь пролегал не вдоль побережья, а через открытое море. Похищенный драккар должен был исчезнуть бесследно...

И у них получилось.

А можно сказать и по-другому: у Трувора получилось. Идея-то была его.

* * *

Вот и сейчас Трувор тоже пришел не просто так. С идеей.

– Я говорил с конунгом, – сказал он. – Хрёrek не держит на тебя обиды.

Пока народ пировал, мы уединились в моей ложнице. То бишь в спальне. Удачно получилось, что мы с Зарей предавались любви не здесь. Трувор бы наверняка учゅял.

– С чего бы князю на меня обижаться? – прищурился я. – Это он меня предал, а не я его.

– Ты нам нужен. Ты и твои люди. Нас совсем мало, Волк, а твой маленький хирд – он большого стоит.

Я ухмыльнулся.

– Теперь ты нас хочешь нанять? Недешево выйдет.

Трувора слегка перекосило. Он стерпел, но я понял, что опять перегнул палку.

– Прости, – повинился я. – Не должно так с тобой. Я жизнью обязан твоей крови.

– Вильд рассказал, как тебя нашли, – кивнул варяг. – Твоя удача по-прежнему велика.

Интересно, что еще рассказал Вильд?

– Я должен, Трувор. И если ты хочешь, чтобы я замирися с князем Рюриком, я сделаю. Ради тебя.

– Я хочу, – кивнул варяг. – Но не только это...

Глава 24

«Я сам его убью!»

Трувор оказался прав. Уверен: из него вышел бы отличный политик. Или глава секретной службы. Впрочем, он уже и был. И политиком. И главой. На местном уровне.

Засланец от Водимира появился через шесть дней. И лишь после моего открытого конфликта с варягами, который случился позже. И то, как быстро среагировала «спецслужба» Водимира, означало, что у него в Ладоге всё схвачено. В смысле информации. Ведь пока мы с Трувором ходили друг к другу в гости, никто вербовать меня и не пытался. Хотя все шесть дней я всячески демонстрировал, что с князем Рюриком мы разошлись серьезно. Но при этом продолжал жить в доме, предоставленном мне Рюриком. Впрочем, перебираться моему хирду было некуда. Мой собственный дом артель Дедяты еще не достроила.

Время от времени ко мне приходили представители Рюрика. Заявлялись торжественно...

И уходили несолоно хлебавши. Все это видели.

Но вербовать меня не пытались. Выжидали, как позже выяснилось.

По Ладоге о нашей сваре ходили разные слухи. Преобладал тот, в котором я, по свойственной нурманам жадности, запросил за свои услуги слишком много. Ни я, ни мои этого не оспаривали.

Все официальные визиты от Рюрика были согласованы с Трувором. Небольшой сбой случился, когда в гости ко мне заявился сам Гостомысл. Причем – с подарками. Отец Бернар оказался лучшим медиком, чем Гостомысловы знахари. Внутренняя болезнь князя отступила.

О болезнях мы и говорили. Еще – о мировой политике. Наша размолвка с Хрёrekом в беседе не упоминалась. Еще у меня возникло стойкое ощущение, что Гостомысл не прочь завербовать меня в собственную дружину. Уж очень нахваливал Гостомысл наши с братвой боевые качества. Но будучи человеком старых традиций, князь посчитал невежливым сразу перейти к делу. Или ждал, что я проявию инициативу? А может, причина в том, что он не сумел выяснить, сколько я запросил у его зятя?

От Трувора я знал, что Светозара Гостомысловна пыталась пробить мужа на эту тему, но Хрёrek от ответа уклонился.

Впрочем, и эти шесть дней мы не бездельничали. Гоняли «молодых». Уже оправившегося от раны Тови и новобранца Траусти-Домаслава. Работали строем, причем после первых же проб я решил Бури в общую линию не ставить. Нет, со щитом он управлялся неплохо и строй держал уверенно, но всего лишь на хорошем уровне. А вот с луком Бури был бог. Я никогда ничего подобного не видел. За двести шагов он всаживал в мишень размером с ладонь три стрелы из трех. Правда, это были его собственные стрелы. И лук у него был такой, что накинуть на него тетиву – на спор! – смогли только Стюрмир и Хавгри姆 Палица. Даже у братца моего не получилось. И стрелял Бури совсем не так, как мы. Он вообще не целился. Рывок – и стрела уже летит, куда надо. И попадает, что характерно.

На вопрос Скиди, как это ему удается – бить и не промахиваться, Бури поинтересовался, а как это некоторым, криворуким, удается ложку до рта без промаха донести? И вообще о чем речь? Что за сложность вообще – стрелять, стоя на твердой земле? Вот с коня на скаку – это да, искусство. И глаза у Бури подернуло такой тоской, что я немедленно предложил ему коня в подарок.

Он отказался. «Друзей не дарят», – сказал мой азиат с такой интонацией, что я не рискнул настаивать. Ох, непрост мой новый хирдман. С таким надо аккуратно. Эх, я бы у него сам поучился, но Бури – отказал. Со всей деликатностью. Мол, поздно меня учить. Я уже старое дерево. Сухое. Гнуть нельзя. А вот сына моего, буде на то моя воля, Бури поучит. Воля, естественно, была. И освобожденный от общих учений Вихорёк был отдан в стрелковую секцию.

И когда я глянул, как учил его Бури, то мысленно согласился: меня бы пришлось не учить – переучивать. Потому что техника – совсем другая. И суть ее: сделать из стрелка и лука одно целое. Такой стрелок не промахивается никогда. Падая и взлетая. Катясь кувырком и лежа ничком на снегу.

Я так тоже умею. Но с мечом, а это совсем другая культура движений.

По вечерам нас навещали варяги. Или мы – их.

Труворовы бойцы жили в подобии длинного дома по-словенски. То есть такого же длинного, как у скандинавов, но повыше и с нормальной крышей, а не той, на которой в Дании пасутся козы.

А по ночам ко мне приходила Зарёнка. И уходила утром. С зарей. Что по этому поводу сказать, кроме того, что я за это время так толком и не выспался? Черт! Знает Трувор или не знает? А если знает, то почему ничего не предпринимает?

А Трувор между тем вел себя исключительно дружелюбно. В варианте

«мы – к ним» сажал по левую руку (справа располагался Ольбард), наливал собственоручно... И всё было хорошо, пока...

Неприятности пришли, откуда не ждали.

К варягам прибыло подкрепление. С десяток безусых юнцов возраста Вильда или около того и при них – матерый зверюга именем Расмус. Усы ниже подбородка, поперек щеки – уродливый шрам, взгляд тусклый, как осенне небо в Питере. Прозвище у него тоже было подходящее. Осень. Представить его Трувор не успел. Имя и прозвище я узнал от Зари.

«Расмус Осень привел отцу отроков», – сказала она. И по тому, как сказала, я понял: этого Расмуса она не любит.

Но дело было не в прозвище и не в представлении, а в том, что, когда в очередной раз я со товарищи явился в гости, этот зверюга, даже не дождавшись официального представления, ни слова не говоря, попер на моего Бури. Да еще с мечом! Да еще подлецко так, без предупреждения.

Хоп! И над Бури, который ни сном ни духом и даже смотрел в другую сторону, взвился клинок...

И завис, перехваченный татуированной лапой моего побратима.

Бури повернулся... тоже с мечом в руке.

Я тут же встал между ним и Расмусом. На всякий случай. Хотя понял, что мой азиат, оказывается, полностью контролировал ситуацию. И не перехвати Свартхёвди варяга, пожалуй, на одного сородича у Трувора стало бы меньше.

Свартхёвди выпустил Расмуса раньше, чем его соплеменники бросились на защиту родича. И не просто выпустил, а так основательно врезал красавчику ногой по яйцам, что пару минут о повторном нападении можно было не беспокоиться.

– И что это было? – сурово поинтересовался я у Трувора.

Лидер церемониться не стал. Подошел к скрючившемуся Расмусу, вынул из его руки меч, ухватил за волосы и заставил выпрямиться:

– Ты опозорил меня, Расмус! – прорычал он в искаженную физиономию соплеменника. – Ты напал на моих гостей! На моих друзей! Что скажешь?

Расмус встал прямо... Постарался встать прямо, что было нелегко:

– Убийца моего брата жить не должен! – выдохнул он с болью и яростью. – Ты, родич, уйди с дороги! Ты не князь, чтобы указывать мне!

Я удивился: что это? Бунт на корабле? Или межваряжские политические разборки?

Однако Трувор строить соплеменника не стал. Хотя и меч не отдал. Он

повернулся ко мне:

– Могу я говорить с твоим человеком, Ульф Свити?

– Говори, – разрешил я.

Мне и самому было интересно выяснить что-нибудь из прошлого Бури. То есть отдавать на чей-либо суд, кроме своего собственного, я не собирался. Но поговорить... Почему бы и нет?

– Расмус сказал: ты убил его брата. Это так?

Бури поглядел на меня: отвечать или не обязательно?

Я кивнул. Трувор явно играл в беспристрастного судью, а не в родича, вступившегося за своего. Меня такой подход устраивал.

– Было дело, – спокойно ответил Бури. – Я бы и этого убил, если бы этот не сбежал.

– Я не сбегал! – Расмус сделал попытку отобрать меч у Трувора, но получил не меч, а локтем в нос.

– Продолжай, – бесстрастно произнес Трувор Жнец, обращаясь к Бури.

Я напрягся. Спокойствие Трувора было очень неприятного свойства. И еще меч Расмуса в его руке...

А вот Бури ничуть не обеспокоился.

– Никому не позволено оскорблять меня и мою мать, – сказал он. – Его брат оскорбил – и умер. А он – сбежал, трусливый пес. Не смея принять смерть как воин, побежал к моему князю, князю смоленскому Диру, и тот, не желая ссориться с вами, варягами, велел мне уйти из города. И я ушел.

– Так это было, или этот человек лжет? – поинтересовался Трувор у Расмуса.

– Лжет он, сын росомахи! – заорал Расмус.

Я еле успел перехватить руку Бури, в которой – швырковый нож.

– Не надо, Бури. Он ответит. Обещаю.

– Следи за своим языком, Осень! – рявкнул Трувор, метнув в нашу сторону яростный взгляд. – Я спросил: в чем его ложь?

– Он убил моего брата! Прямо на княжьем дворе! Девять зим тому назад.

Надо же. Девять лет прошло. Вдвое больше, чем я живу в этом мире. Интересно, а кто этот князь Дир такой? Надо будет порасспросить Бури, если всё обойдется.

– Проклятый богами чужак! – завопил Расмус. – Застрелил моего брата из проклятого богами лука! – Было странно и неприятно видеть, как суровый мужик, варяг к тому же, кричит истерично, как обиженнная баба. – Он бы и меня застрелил, Трувор! Перуном клянусь! Вот его метка! – Расмус ткнул себя в щеку. – Я еле успел укрыться за яслями!

Кто-то из моих хохотнул. Надо полагать, представил, как Расмус прячется за лошадиной кормушкой. Я Расмуса не осуждал. Знал, как стреляет Бури.

– Почему он застрелил твоего брата? – спросил Трувор.

– Потому что чужак беззаконный! – яростно выкрикнул Расмус. – Боги привели его к нам, Трувор! Боги отдали его в наши руки! Позволь мне покарать его! Дай мне меч, и я выпущу ему кишки! За нашу кровь!

– Твой брат оскорбил его?

– Это была шутка! Просто шутка! Ты погляди на его рожу, Трувор! Мой брат просто пошутил! Ему было всего пятнадцать, как твоему Вильду!

– Вильд не стал бы попусту оскорблять воина, Расмус! Мне жаль, что твой отец погиб, когда твой брат был совсем мал. Но ты в вашем роду старший, Расмус. Ты мог бы научить его уважению!

– Это была шутка! – рявкнул Расмус. – Мальчишка пошутил – и этот его убил!

– Не мальчишка, воин, – спокойно уточнил Бури. – У него был меч воина. И доспехи воина. Если бы на нем было платье бабы, я бы не услышал его слов.

– Сам ты баба! – закричал Расмус яростно. – Оскорбился – так вызвал бы его на поединок! Дрался бы с нами, со мной! Как велит закон! А этот взял и убил!

– Он снова оскорбил меня, вождь, – игнорируя Трувора, произнес Бури. Просто констатировал факт.

– Жаль, что он сказал это ему, а не мне, Ульф, – громко произнес Свартхёвди. – Я бы прикончил его с удовольствием.

– Ты хочешь поединка, Расмус? – ледяным тоном спросил Трувор.

– Убить его как бешеного пса! Выпустить кишки! Будь здесь Стемид, он велел бы схватить чужака и...

– Этого не будет! – отрезал Трувор. – Этот человек не чужак, он хирдман моего друга, хёвдинга Ульфа Свити. Хочешь поединка – пусть будет так. Ульф?

– Я не против, – кивнул я. – Только два условия. Первое: поединок будет чистым. Второе: вместо Бури на хольмганг выйду я.

Мой азиат недурно владел клинком, но все же это было не его оружие. Выставить его против опытного варяга, чей уровень мне неизвестен, я считал рискованным.

– А почему ты? – на не слишком чистом словенском возмутился Медвежонок. – Я первым предложил!

Бури глянул на нас... скажем так: с удивлением.

– Зачем это, вождь? Я сам его убью.

А вот это – не факт. Если Расмус владел оружием на уровне Стрекозы или Руада.

– Вы будете сражаться на мечах, – напомнил я.

– Все мы под властью неба, – изрек мой азиат.

– Когда? – спросил я Трувора.

Тот поглядел на родича: ты как, в форме?

– Я его убью! – пообещал тот, вытирая рукавом кровь из разбитого Трувором носа.

Мало ему Медвежонок по яйцам врезал.

* * *

Поединок – это, прежде всего, зрелище. И у зрелища этого есть правила. Разные. У викингов он происходил на ограниченной территории, но вариантов было много. Бились в свободной манере и в парах, на разном оружии и даже на ножах, связав левые руки веревкой. Бились мужчины и женщины. Правда, для смешанных боев, как я недавно узнал, применялись особые правила: мужчину сажали в тесную яму или в бочку, а женщине, чтобы уравнять шансы, вместо боевого оружия выдавали свернутую в жгут рубаху с камнем-утяжелителем...

Словом, вариантов было много.

У варягов тоже были свои правила. Например, желательным местом поединка являлся перекресток. Считалось, что так богам сверху виднее.

Поединок «Бури против Расмуса» тоже должен был произойти на пересечении дорог. При большом стечении народа. Поглязеть на схватку собралось едва ли не все мужское население Ладоги – не меньше тысячи. Да и женщин было немало. Определили условный круг. Одну половину окружности заняли двенадцать бойцов Трувора, другую – мои хирдманы.

Расмус вышел первым. Он – вызывающий. Прикид у варяга был средний по нашим меркам. Обычный шлем открытого типа, броня до середины бедра – кожаная, с нашитыми пластинками. Тяжеловато, на мой взгляд, но Расмусу, похоже, привычно. Щит обычный. Круглый, с обережными знаками неизвестного мне значения, с круглым стальным умбоном. Меч тоже обычный. У половины викингов такие. За поясом – топорик, годный и метнуть, и драться врукопашную.

Вышел Бури. Шлем у моего стрелка непривычный: круглый с ребром жесткости на макушке и наланитниками на манер римских, однако

надежный. Доспех тоже качественный. Кольчуга двойного плетения до колен. Щит одолжил Хавгри姆 Палица. Щит этот был побольше, чем у Расмуса, и вместо умбона на нем в сердце имелся торч – стальной шип сантиметров десять длиной. И еще оковка вдоль края. Весил такой щит раза в два больше моего, но раз Бури выбрал такой, значит, щит ему – по руке. В общем, с защитой у моего азиата всё было хорошо, а вот меч коротковат. На пядь короче Расмусова. И руки у Бури тоже короче.

И для меня, и для всех присутствующих исход поединка был непредсказуем. Варяги наверняка знали, на что способен Расмус, зато Бури для них – терра инкогнита. Да и для меня – тоже. Я его попробовал на мечах пару раз – и не впечатлился. Однако для многих воинов есть большая разница – сражаться потешно или всерьёз. Бури вполне мог оказаться из таких.

Обычно скандинавы заранее договариваются о смене вышедшего из строя оружия. Например, «биться до трех щитов». Даже меч поединщику можно бросить новый, если старый сломался и если запрет на дополнительное оружие заранее не оговорен. Кстати, о дополнительном. Ничего такого я у Бури не увидел. Если не считать большого ножа. И еще я знал, что у него имеется засапожник и небольшой нож на шнурке – на шее. Против топора – слабенько. Ну да посмотрим.

Гляделись оба поединщика примерно равными. Бури пониже ростом, но это скорее плюс, если он выберет защитную тактику.

Я ожидал, что Расмус сразу ломанет в атаку. Ошибся. Варяг двигался сторожко. Раз-другой прощупал оборону азиата – Бури даже не стал отбивать, просто отодвигался – и затих. Бури тоже в атаку не рвался. Так они тянули время минуты две, перемещаясь то на шаг, то на полшажка…

Пока это не надоело зрителям.

– Эй, Осень, ты драться вышел или слепней кормить? – крикнул кто-то из варягов.

– Да они спят стоя! – гаркнул по-скандинавски Стюрмир. – Эй, Виги, сгоняй за пивом. Как раз бочонок распить успеем, пока они проснутся!

– Слыши, Осень, если у тебя и брат такой проворный был, как ты, то я бы его не только стрелой – камнем подшибла бы! – звонко выкрикнула Заря.

Ой, чую: что-то такое у них было с Расмусом. Не любит она его.

Но – подействовало. Расмус рванул, будто кипятком пришпарили.

Бум!

Как и следовало ожидать, Бури выпад парировал. И ударил в ответ. Расмус принял на щит. Жестко. И сам покачнулся, и кожу на щите просекло

до основы, и встречного удара не получилось. Ногу из-под клинка Бури он убрать успел, но толчок щитом сбил его встречную контратаку и развернул градусов на девяносто.

Новый удар был нацелен в шею, но Расмус ухитрился принять его на правое плечо. Наплечник брони если и уберег, то не до конца – между смятых пластин вскоре показалась кровь. Если бы поединок был – до первой крови, то этим он бы и закончился. Но не в данном случае.

Насколько серьезна рана, сказать было трудно, но боеспособности варяг не утратил. Удар щитом с разворота отбросил Бури шага на три – на удобную для Расмуса дистанцию. И варяг разошелся вовсю. Бил с двух рук: клинком и щитом, пресекал попытки Бури сократить дистанцию, удерживая его опасными хлестами меча, и пару раз очень удачно приложил моего азиата краем щита по ногам.

Да, в рукопашной Бури был далеко не так хорош, как в стрельбе. Но, к моему немалому облегчению, Расмусу оказалось далеко до настоящего мастера. Давил он не столько умением, сколько яростью и силой. А сила его была не бесконечна. Правая рука уже вся в крови. Вот он попытался достать правую кисть азиата, но тот прикрыл руку щитом и нанес укол если не в лучших традициях классического фехтования, то по местным меркам весьма сильный и точный – в правое предплечье. Есть контакт! Расмус выронил меч!

Последовавший удар сплета варяг принял на щит. Раздался треск, свидетельствовавший о том, что щит Расмуса доживает последнюю минуту. Однако это уже не имело значения, потому что одновременно с ударом клинка Бури нанес еще один: торчем в лицо. Стальной шип с хрустом проломил переносицу Расмуса. Варяг заревел раненым зубром, швырнулся щит в голову Бури (тот закрылся своим щитом), и мгновением позже выхваченный из поясной петли топорик лязгнул о кольчугу Бури. Не пробил, но попал удачно – прямо в солнечное сплетение. Впрочем, это уже не имело значения. Его противник умер раньше, чем мой азиат сумел восстановить дыхание.

Варяги тут же обступили убитого, отделив тело от победителя. Что-то новенькое. Я насторожился, но никаких враждебных действий по отношению к Бури не последовало. Пара минут – и все присутствовавшие при поединке варяги покинули перекресток, унося тело Расмуса. На земле остались пятна крови и имущество побежденного. Все было проделано молча. Даже молодые помалкивали.

Я, мягко говоря, удивился. Мои хирдманы из «старой гвардии» – тоже. Что за нетипичное поведение?

А, ладно! Их, варягов, дело. У нас-то – праздник. Наш человек доказал, что боги на его стороне. А это не просто победа. Это плюс целая куча очков к персональной удаче победителя. Так здесь считалось, и я уже знал: это не пустые суеверия. Да что там! Если столько народу верит в то, что в большом куске разрисованной древесины живут не крысы с мышами, а бог, то лучше это не оспаривать. А то как шарахнет молнией...

Глава 25

Вербовка

Победитель проставился. Ему положено. Если не считать пары синяков, Бури в поединке не пострадал, что мои бойцы тоже сочли знаком расположения богов. Скиди с Тьёдаром попытались выяснить, какой именно бог покровительствует Бури. Тьёдар даже обосновал собственное любопытство: мол, надо стих сочинить в честь такой славной победы, следовательно...

Бури фыркнул и заявил на плохом скандинавском, что бойцом Расмус был так себе, и чести в победе над ним не больше, если кабана на копье взять. Пусть лучше скальд что-нибудь достойное опишет. Например, как вождь (кивок в мою сторону), считай, в одиночку, потому что щегла и девку можно не считать, побил полтора десятка ратных мужей, причем многих даже в плен взял, считая и его, Бури. Вот это – победа.

Тьёдар сообщил с искренним сожалением, что названной битвы не видел. Не то описал бы с удовольствием. Особенно же ему нравится, как я Бури на службу принял. Такое можно было бы красиво описать. Он, Тьёдар Скальд, умеет. Красиво. И готов прямо сейчас доказать...

Ну да, конечно. Эпохальная сага о Волке и Медведе. Предложение было встречено с энтузиазмом, и я поспешно свалил из дома. Типа, пописать. И...

Два плечистых молодца возникли будто из-под земли. А Вдоводел, как назло, остался в доме.

Я уже готов был заорать: враги! К оружию! Но заметил, что молодцы за железо не хватаются и руки держат на виду. Лунного света оказалось достаточно, чтоб разглядеть: лица воев хоть и напряженные, но не агрессивные. И оба – незнакомцы. Интересный вариант. Лучших дружинников Гостомысла я уже знал в лицо. Хрёrekовых – тем более.

Выводы? Либо это какая-то неизвестная мне сила, либо мой старинный недруг Водимир. Если Водимир – то понятно, почему ночью. Непонятно, почему я жив. Всадить стрелу в меня, только-только развязавшего портки – вообще не вопрос. Хотя...

Нет в них враждебности. Не настолько я пьян, чтобы чуйка на опасность не сработала.

Так что я молча дожурчал (молодцы ждали), засупонился и только тогда поинтересовался по-русски:

- Чего надо?
- Наш боярин хочет с тобой потолковать, нурман.
- Почему нет? Пусть пожалует завтра...
- Тайно, нурман, – негромко произнес один из молодцев.
- Можно и тайно, – согласился я. – Ждите здесь, пока я облачусь.

И шагнул в двери.

Надо полагать, команды применить силу у них не было, так что препятствовать мне не стали.

Я вернулся в свои хоромы, взял со стойки Вдоводел...

Нет, маловато будет. Надо и кольчужку надеть, и вообще стоит экипироваться статусно. Чтоб видел неведомый боярин, что перед ним не рядовой викинг, а вип-персона...

– Куда собрался, брат?

Медвежонок. Ну да. Хирд пирует, вождь – работает. А что? Не взять ли его с собой? Вдвоем мы кого угодно к воронам определим.

Я в двух словах объяснил ситуацию. Свартхёви обдумал и внес корректику:

– Палицу с собой возьми.

Логично. Медвежонок – моя половинка. Соправитель. Приди мы вдвоем, это уже не тайная беседа, а серьезные переговоры получатся. Хавгрим же мой, типа, персональный телохранитель. Его взять – не значит показать, что я боюсь идти один, а обозначить статус. Как золотые браслеты у вождя. А когда золотые браслеты не только у хёвдинга, но и у его бодигарда, который к тому же – берсерк... Это как в России в бандитские времена на стрелку на танке приехать...

– Мое имя Добромусл.

М-да. С чем, с чем, а с добрыми мыслями у меня эта, физиономия никак не ассоциировалась. Разве что с мыслями о добре. Причем чужом.

Оружия на Добромусле – минимум. Вместо брони – рубашечка шелковая, кафтанчик – или как это называется? – с драгоценной вышивкой и меховой оторочкой, цепка золотая – граммов на триста, навершие меча мерцает камушком, оплетка из серебряной нити... И всё прочее тоже если не золотится, то уж серебрится наверняка. Особенно шапка. И не жарко ему в таком головном уборе? Богатенький буратина, однако. Вернее, карабас-барабас. Как-никак бородища – во всю грудь, и на морде шрамы явно не от бритья.

Упрятанные под мохнатыми бровями глазки – прям буравчики.

– Добромусл, ближний боярин князя Водимира.

Ближний – это не в смысле эротическом, а лицо, приближенное к высшему руководству. Где-то я это имя уже слышал... Вспомнил. Артельщик Дедята его упоминал. Мол, именно с Добромуслом был заключен договор на строительство порушенной мною крепости. И Задорей покойный – тоже. В основном в контексте терок этого Добромусла с другим боярином Водимира, Турбоем, кажется? Поскольку сам Задорей был как раз из «партии» Турбоя, то о Добромусле он говорил без всякого питетета. Но факт того, что у Водимира боярин Добромусл – в большом доверии, Задорей порицал, но не отрицал.

И вот теперь доверенный муж Водимира – передо мной. И что-то мне подсказывает: не пропажу Задорея расследовать и не из-за переметнувшегося Дедяты этот добрый мыслями боярин сюда заявился. Да еще и тайно.

– Хёвдинг Ульф Свити, – представился я. – По-вашему – Белый Волк.

– Ульф Свити, – прищурил нехорошие глазенки Добромусл. – Имя у тебя нурманское, но сам ты на нурмана не похож.

– Ты позвал меня для того, чтобы поговорить о моей внешности, слуга Водимира-конунга? – спросил я на языке данов. – Тогда тебе стоило бы сделать это днем. Днем – светлее.

Не понял. Или сделал вид, что не понял. Ладно, повторим по-русски.

– Нет, – качнул хвостиками богатой шапки боярин. – Я пришел предложить тебе дело. От имени своего князя.

– Сколько он заплатит? – в лучших скандинавских традициях отреагировал я.

– Да уж побольше, чем тебе обещал князь Рюрик.

Надо же, какие мы осведомленные.

– Князя Рюрика я знаю давно, – заметил я. – Хаживал с ним по Лебединой Дороге.

Не понял. Ладно, поясним.

– В дружине его был до того, как сам стал вождем. И взял под его рукой немало. А от князя твоего хорошего не видел.

Чистая правда, кстати. Только плохое.

– Увидишь, если предложение мое примешь.

– Я его не слышал.

– Так слушай! – Боярин приосанился. – От имени князя здешних земель Водимира приглашаю тебя, Ульф Свити, на службу ратную. За верную службу будет тебе и гридням твоим место за княжьим столом,

двести гривен серебром ежегодно и доля в добыче соразмерно вкладу. Годится?

Да, Трувор прав, как всегда. Враг не дремлет. И весьма осведомлён.

А ведь я им нужен. Во всяком случае, этому Добромуыслу – точно. Небось сидел где-нибудь неподалеку и ждал, пока мои отношения с варягами не определятся. А как случилась меж моими и варяжскими дуэль, так тут же прискакал.

А раз так – торопиться не будем. Пусть рыбка заглотнет поглубже.

Я покачал головой.

– Нет. Не годится.

– Нет? – Боярин явно удивился.

Гривна больше марки. Двести гривен – это где-то восемьдесят кило. По здешним меркам сумма охренительная. Особенно учитывая малый размер моего хирда. Он был уверен, что ошеломит меня толщиной денежной «котлеты».

– Никто не предложит тебе больше, вождь Ульф Свити! – уверенно заявил боярин. – Ни в Смоленске, ни в Киеве. А оставаться здесь, в Ладоге, я тебе не советую. С Хрёrekом ты больше не в дружбе, а варяги его – люди коварные и хитрые. Они будут улыбаться тебе в глаза, но убийство своего родича никогда не простят. Берегись, нурман! Людей у тебя немного. С варягами тебе не пободаться. Подумай! С братом своим посоветуйся, – кивок на Палицу.

Я усмехнулся. Ты неплохо подготовился, боярин. Но недостаточно, если спутал Хавгрима с Медвежонком. Нет, сходство, конечно, есть. Например, татушки у них практически одинаковые. Но на лицо – агентурная недоработка.

– Что он хочет? – проворчал Хавгрим.

– Совета твоего. Предлагает нам триста с походом марок серебром за год службы, прокорм со стола конунга и долю в добыче.

– Ты согласился?

– Пока нет. Я не собираюсь здесь зимовать.

– Почему нет? Пить-есть за столом конунга, драть девок и получать за это серебро? Имей в виду – я не против.

– Зимой здесь тоже воюют, – напомнил я.

– Так и отлично! Еще веселей.

– Воевать придется с варягами, – уточнил я. – И с Хрёrekом.

Хавгрим пожал плечами. Ему всё равно. Ни с Хрёrekом, ни с варягами его ничто не связывало.

Пока мы разговаривали, Добромуысл – наблюдал. Понимает он или

нет? Хотя не важно. Вот тот гриден с рыжей бородицей точно понимает. Ишь, уши греет. Пусть. Ничего лишнего мы не сказали.

– Пусть будет сто гривен, – сказал я. – Но осенью мы уйдем домой.

– Почему? – нахмурился боярин. Он явно надеялся купить нас с потрохами. А может, до него дошли пущенные мной слухи о том, что этими землями интересуется Ивар Рагнарсон?

Ладно, разберемся по ходу. Сейчас главное – проникнуть в стан противника. И сто гривен будут неподходящими для моих парней. Кстати, почему сто? Я ведь не просто так, а разведчик. Так что придется и Хрёrekу раскошелиться.

– Потому что у меня – обязательства, – отрезал я. – Тебе неподходящие знать, боярин, что у меня на острове Сёлунд семья и обширные земли.

– Земли можно продать, – парировал Добромысл. – А семью привезти сюда. Князь Водимир щедр к воинам. Он пожалует тебе удел побольше, чем Гостомысл. А Дедята построит тебе и твоей семье славный терем, если ты не пожелаешь жить рядом с князем. Дедята, имей в виду, рядный холоп князя нашего. Когда ты его нанял?

– Две седьмицы тому, – соврал я. – Он сказал: его ряд выполнен. Не так?

– Да пусть его! – махнул рукой боярин. – Не о нем речь. О себе что скажешь?

– Знаешь, Добромысл, а пригласи-ка ты меня в гости! – неожиданно «решил» я. – Погляжу на вашу жизнь, да, может, и соглашусь! – Я залихватски подмигнул боярину.

– А приглашаю! – в тон мне ответил Добромысл. – И тебя, и людей твоих! Хоть бы и завтра!

– Нет, – мотнул я головой. – Завтра – никак. Завтра мы еще веселиться будем. И послезавтра. А потом – придем.

Я встал резко – аж пламя свечей дрогнуло, махнул Палице: пошли.

И мы ушли.

А через часик к нам, с теми же предосторожностями, что и засланец Водимира, пожаловали Трувор, Ольбард... И Хрёrek. То есть Рюрик. Всё. Был у меня конунг, которого звали Хрёrek. Был, да весь вышел. А князю Рюрику я ничем не обязан.

Глава 26

Тайное становится явным

Держался князь свободно. Как у себя дома. Хотя почему бы и нет? Это ведь его дом.

Разумеется, об извинениях речь не шла. С его стороны. С моей – тем более. Вместо извинения князь Рюрик подарил мне маленький, хоть за пазуху прячь, самострел.

– Женское оружие! – презрительно фыркнул Свартхёвди.

– А ты попробуй, – предложил конунг.

Братец попробовал. И я – тоже. И Трувор. И все мои хускарлы. Младшим тоже хотелось, но – перебоятся. Самострел оказался неожиданно сильным. С трех шагов маленькая стальная стрелка по убойности соперничала со стрелой из обычного лука, выпущенной метров с сорока-пятидесяти. Но в отличие от лука, выстрел только один. Перезарядка требовала времени. Непрактично. Если использовать для скрытого ношения, то – не лучший вариант. Попробуй-ка быстро достань из-под полы, например, этакую раскоряку. Или стрелкой зацепится, или рожками лука. Да и держать его взведенным долго не стоило. Упругость потеряет. Нет, швырковый нож надежнее. Однако глядя на игрушку, я вспомнил одну поделку из более позднего времени. Тоже самострел, но другого типа. Трубку с пружиной. До сих пор пружин я здесь не видел, но технологически изготовить ее – не проблема. Производить и закалять сталь подходящего качества здешние ребята умеют. В общем, стоит обдумать как оружие ближнего боя. Конечно, метательный нож – привычнее. Однако он привычнее и для того, в кого мечут. А в трубке с пружиной внутри вряд ли с ходу опознают оружие дистанционного боя. Короче, сделаем зарубку на память.

Постреляли и перешли к делу. Выяснилось: если у Водимира в Ладоге информаторов больше, чем рыбы в реке, то наших в резиденции Водимира – никого. Кое-какая агентура имелась у варягов в Старом городе. В Новом же, том, что Водимир строил на берегу Волхова примерно в поприще от Онеги, – никого. Город, кстати, строился на деньги старогорожан, для чего учредил князь специальный строительный налог, одобренный пусть и выборной, но полностью подконтрольной Водимиру администрацией.

В общем, звали Водимира дружины порулить, а он весь город под

себя подмял. Естественный результат, когда мирные граждане приглашают чужого военачальника для защиты от других военачальников. Собственно, с Хрёром в Ладоге – тот же вариант, который называется: пусти козла в огород.

Надо отметить, что я к такому – с полным одобрением. Если козел – наш.

А вот за Водимиром – должок, который никто не отменял. И то, что я заставил Задорея посверкать голой задницей, не списывало даже набежавших процентов. Тем более что Задорей тоже в долгне не остался, и с него уже не спросить.

Хитрый Рюрик вмиг оценил перспективу заполучить в тылу противника целое подразделение военспецов. Мы ж не просто шпионы. Мы – готовая диверсионная группа. И ворота открыть, если понадобится. И зарезать кого-нибудь по-тихому... Хоть самого Водимира.

Нет, втихую никого я резать не буду, пусть не надеется. Я люблю вершить справедливость публично. Какое удовольствие в мести, если тот, кому мстишь, даже не знает, кто и за что его прижучил?

Да, выполнить пожелание Рюрика и поработать «засланными казачками» вполне реально. Но действовать я собирался в два этапа.

Сначала, как и планировалось, общая разведка. Прикинуть, как говорится, штопор к носу, а дальше видно будет.

– Даже и без найма у меня будет повод рассмотреть всё как следует, – заверил я. – Водимир хочет взять меня на службу, и я вправе знать, насколько силен тот, кому я буду служить. Когда я вернусь, то буду знать всё и о Новом городе, и о силе Водимира! – заявил я хвастливо. Или это выпитый алкоголь заявил? – Мы вернемся и принесем тебе Водимирово городище, как поросенка на блюде!

– Мы все узнаем! – поддержал меня Медвежонок. – Все ходы в лисьей норе!

Он тоже порядком назюзюкался. Впрочем, он и в трезвом виде сказал бы то же самое.

Однако насчет него я не уверен. Когда братец рядом, мне, конечно, спокойнее. Но пусть лучше побудет здесь. Пока.

А вот трезвый Трувор нашего оптимизма почему-то не разделял. Почему, интересно? Ведь идея нашего внедрения принадлежала ему. Что-то изменилось?

Да, изменилось.

– Ты делишь ложе с моей дочерью, Волк!

Трувор Жнец сидел рядом со мной. На том самом ложе. И глядел на меня в упор.

Тайное становится явным. Я знал это с четырех лет. Из одной детской книжки, которую мне мама читала.

Я аж протрезвел. Трувора я опасался куда больше, чем могущественного Водимира. В первую очередь потому, что с самого начала чувствовал свою вину.

И покаянно молчал. А что сказать? «Не виноватый я! Она сама пришла!» Как-то это... не по-мужски.

– Мне нет дела до того, с кем Заря тешится, если в этом нет ущерба чести ее и рода, – проворчал Трувор. – Ты – не из тех, кто берет девушку силой, а Заря – не из тех, кого можно взять силком, – варяг хмыкнул, – но до того, от кого она намерена родить моего внука, мне дело есть.

– Она беременна?

Вот же, блин...

– Нет, – качнулся головой Трувор. – Но собирается. Хочет взять тебя в мужья. Что скажешь?

«Взять в мужья». Интересный, однако, оборот. Вполне в духе Зари.

– У меня есть жена.

Получается, что Трувор не в курсе того, что я женился? Ну да, их же не было на моей свадьбе. Не до того им было. И все последующие события тоже без них прошли...

Стоп! Даже если Трувору никто не сообщал, что я женат, то Сагу о Волке и Медведе он слышал уже не раз. И знал, о ком она. Знает он, не может не знать. И что тогда?

– Твоя жена – на Сёлунде, – развеял мои сомнения Трувор Жнец. – Пусть там и остается. До нее мне дела нет. Я отдам тебе Зарю, если она тебе люба. А в приданое...

– Погоди! – перебил я варяга. – Заря мне люба, но Гудрун – моя жена. И мать моего ребенка. И на Сёлунде у меня еще один сын. Я взял бы твою дочь! Взял бы с охотой, но оставить Гудрун – не по чести.

– А зачем тебе ее оставлять? – удивился Трувор. – Заря будет твоей женой здесь, а Гудрун – на Сёлунде. Тебе ее гнать никак нельзя. Она ведь сестра Свартхёвди, верно? Если Свартхёвди затаит на Зарю зло, мне придется его убить, чтобы это злое не свершилось. Или ему – меня. Что в этом хорошего?

Ничего. Тут я с ним полностью согласен.

Блин, опять у меня запутки с женщинами. Ну почему так? Вот Медвежонок спит со всеми, до кого дотянутся. И никаких проблем.

— Мне надо подумать, Трувор, — пробормотал я. — Давай мы поговорим, когда я вернусь от Водимира.

— Тебе не стоит идти к Водимиру, — произнес Трувор жестко. — К Водимиру пойдет Свартхёвди. Без тебя.

Я досчитал до десяти, прежде чем ответить. Чтобы не послать Жнеца в пешее сексуальное путешествие. Досчитал и почти спокойно поинтересовался:

— Почему ты так думаешь?

— Человек, который помогал Задорею захватить тебя, сбежал.

Так я и знал! Хрёrek, сука! Если бы он дал моим парням провести расследование...

— Он сбежал, потому что князь *Рюрик* позволил ему сбежать! — Я вскочил на ноги.

— Сядь! — рявкнул Трувор. — Он ушел из Ладоги этой ночью. Вместе с Добромуыслом. И, поверь, мне было нелегко их отпустить, потому что Добромуысл наверняка знает все тайны Водимира, и это большое искушение — попробовать такого, как Добромуысл, на крепость. Он прибыл сюда тайно. Водимир не вправе был бы упрекнуть нас за пропажу того, кого и не было.

— Не уверен, что ты бы его расколол, — произнес я, вспоминая глаза-буравчики Водимира боярина. — Даже ты. А право у Водимира есть. Право сильного. Слыхал о таком?

Ах, с каким удовольствием я ушел с темы женитьбы на Заре.

Ненадолго.

— Задорей был из доверенной гриди Водимира. Он не простит тебе его смерти.

— Вообще-то его мишка слопал, — заметил я.

Трувор рассмеялся:

— Ты сам бы поверил в такое?

Я покачал головой. Задорей меня увез, а потом я вернулся. Без Задорея. Кого интересует истина, если правда очевидна?

— Я поеду сам. Добромуысл приглашал меня, а не моего брата. Свартхёвди останется здесь.

Трувор поглядел на меня внимательно... И кивнул, принимая мое решение.

— Моя дочь будет очень опечалена, если тебя убьют.

Ну вот. Мы опять вернулись к лирике.

— Многие будут опечалены, — внес я поправку. — Если меня убьют. Но меня не убьют, Трувор! Это не так легко — убить меня. И, кроме того, я буду

не просто гостем. Я буду гостем Добромуысл. И по нашим, и по здешним законам Добромуысл должен меня защищать. Предать гостя – оскорбить богов. Разве нет?

– Добромуысл хитер, как волчица, свиреп, как росомаха, и как пес предан своему князю. Он – ненадежная защита.

Ну надо же! Целый зоопарк в одном человеке.

– У меня есть и другая защита, – сказал я, похлопав по ножнам Вдоводела. – И не забывай: однажды я уже сбежал от Водимира, когда был почти никем. Нет, Трувор, я поеду сам. И вернусь. И тогда мы с тобой поговорим обо мне и твоей дочери. Тогда, а не этой ночью. И еще... – я поймал мрачный взгляд варяга. – Даже если я стану мужем твоей дочери, Трувор, твоя власть надо мной будет ничуть не больше, чем сейчас.

– Ты – хёвдинг, – после паузы по-скандинавски произнес варяг. – Кто вправе заставить тебя действовать против собственной воли? Только ты сам. Но если когда-нибудь ты станешь ярлом, настоящим ярлом, а не морским, то поймешь, что есть кое-что повыше, чем воля викинга.

– И что же?

– Закон, – сказал Трувор, поднимаясь. – Закон, который одинаков и для тебя, и для того, кто живет под твоей рукой. Когда ты это поймешь, то поймешь и князя Рюрика, который не захотел отдать своих людей твоим хирдманам. Он просил сказать, что по-прежнему считает тебя своим человеком. Тебя и твой хирд.

А я вот так больше не считаю. Но поработать на него готов. За деньги, разумеется.

Вот будет радости моему братцу, если мы таки заключим контракт с Водимиром. Двойное жалованье как-никак.

Глава 27

Князь Водимир и свита

До Водимирова города нас подбросила «попутка»: снекка ободритского купца. Всю дорогу купец дул пиво со мной и Палицей и однообразно хвастался родством с князем Рюриком. Его прарабушка была двоюродной сестрой прадедушки Рюрикова деда, который породил дщерь, которая вышла замуж за вендского князя, который...

В общем, я запутался уже на третьем колене. Но зато понял, почему Рюрик так хорошо говорит по-словенски и почему его зовут Красным Соколом. Потому что по какой-то там линии он имеет право на титул вендского князя и, кстати, с Гостомыслом они тоже были родней еще до того, как Хрёrek, то бишь Рюрик, взял в жены его дочь. Седьмая вода на киселе, но всё же... Здесь это важно.

Распутать заковыристую пряжу родственных отношений я не успел. Купец вырубился. И допивали бочонок мы уже на троих с Хавгриром и Гуннаром.

Вихорьку я нажираться не позволил. Молод еще. Литр принял – и довольно. Опять-таки должен же кто-то стоять на страже. Я очень хорошо помнил, чем закончилась моя прошлая пьянка. Да и не только прошлая.

Гостевать мы отправились вчетвером. Перед этим мне пришлось выдержать словесную баталию с Медвежонком, который считал, что идти мы должны всем хирдом. Ну, может, без отца Бернара и новобранца Траусти.

А потом я перенес баталию постельную – с Зарёнкой, которая почему-то решила, что это наша последняя ночь. «Ночь» длилась с вечера до полудня следующего дня с перерывом на коротенький сон и еще более коротенький завтрак в постели.

«Спас» меня Трувор. Услышав голос папы, моя возлюбленная смылась через черный ход. Нравы здесь вольные, но борзеть не стоит. Тем более с таким папой, как Трувор Жнец. Телесные наказания тут обычное дело. И пока девушка не замужем, папаша имеет полное право выдрать дщерь хоть вожжами, хоть розгами. Впрочем, такому, как Трувор, достаточно обычного шлепка, чтобы след отцовской дланя не сходил неделю. А зачем же портить такую замечательную попку еще одним синячищем? На ней и так... Впрочем, я отвлекся.

Отправились мы вчетвером, и вчетвером пришли домой к дяде Добромуслу, который в свою очередь привел нас на княжий двор.

— Ульф Свити и его люди! — торжественно представил нас Добромусл.

За прошедшие годы князь Водимир мало изменился. Внешне. Даже запомнившаяся мне круглая, усыпанная самоцветами шапочка на голове — та же.

Зато резиденция его изменилась кардинально. Вместо небольшой крепости — настоящий город, в котором вовсю шло строительство, и в воздухе висел знакомый дух корабельной верфи, хотя «корабль», который здесь строили, никуда не поплынет. Вернее, поплывет, но только по реке времени.

«Это же не просто Новый город, а тот самый Новгород Великий!»

Мне даже показалось, что я узнал место, где когда-нибудь встанет мост через Волхов. Хотя это, скорее всего, ложная память.

И я взглянул на Водимира по-другому. С нескрываемым уважением. Этот человек заложил город, которому, без преувеличения, стоять в веках. Какова бы ни была дальнейшая судьба князя Водимира.

Князь «прочитал» мой взгляд, но понял по-своему.

— Ты видишь, вождь нурманский, как я живу и правлю. Разве сравнятся со мной ладожские соправители?

Я дипломатично промолчал, но Водимиру мой ответ и не требовался.

— Их время прошло, — князь взмахнул рукой, будто сбрасывая лишние фигуры с шахматной доски. — Да ты, вождь, и сам это знаешь, иначе не пришел бы ко мне.

— Что он говорит? — спросил Хавгри姆 Палица. — Хвастает?

— Говорит, что среди здешних конунгов — он самый сильный, — перевел речь Водимира Вихорёк. — Скоро он всех убьет и останется единственным конунгом.

— Вождь, — Гуннар Гагара коснулся моего плеча. — Хватит болтать. Я жрать хочу. Скажи ему, что мы с дороги и проголодались.

— Может, сам скажешь? — предложил я, тоже по-скандинавски.

— Могу и я, — согласился Гуннар и прорычал на русском: — Мы есть гость, конунг. Обычай наш: гость кормить надо. У вас так?

— Это мой воин, — пояснил я. — Гуннар по прозвищу Гагара. Он не слишком учтив, зато в бою ему нет равных.

Гуннар скорее угадал, чем понял, но приосанился, покосился на Палицу, но тот по-словенски не понимал, потому мои слова не оценил.

— Скажи своему воину, что у нас тот же обычай. Прошу! Вы — мои

гости, храбрые нурманы!

От улыбки князя сердце нетренированного человека прихватывало ледяной корочкой, но я – тренированный. Мне Ивар Бескостный улыбался.

Трапезная у Водимира – на вырост. Человек на триста-четыреста. Но и сейчас в ней – никак не меньше двух сотен. Гостей, разумеется, обслуга – не в счет.

Князь – на возвышении, с боярами и прочими близниками. Добромысл – по левую руку. Значит, в табели о рангах он здесь третий. Второго, мордастого плечистого дядю в золоченой броне, расположившегося справа от князя, я не знал. Но уже догадывался. Наслышен, кто у Водимира воевода номер один.

Меня за княжий стол не пригласили. Но посадили от «верха» недалеко. И кучно с нашими. Я взял с собой троих: Хавгрима, Гуннара и Вихорька. У последнего было особое задание.

«Ты знаешь язык, и ты молодой, – пояснил я сыну. – Твоя задача: слушать, наблюдать, запоминать. Пьяные дружины болтливы и хвастливы. То, что нужно. Однако будь осторожен: если кто-нибудь заподозрит, будет нехорошо. Так что прикидывайся простачком. Можешь рассказать, как мы ходили в вик на англов. Здешним понравится. Но не хвастай. Пусть они думают, что ты лишь недавно из детских^[11]. И дренгом, отроком по-здешнему, стал совсем недавно. И сам ни к кому не задирайся. Мы гости, но нас тут не слишком любят, так что будь начеку!»

Ну да, мы были гостями, но гостями, которым не рады. Мы – нурманы, а нурманов здесь не любят по определению. С другой стороны, а кто их, то есть нас, – любит?

Да пес с ней, с любовью наших сотрапезников, тем более что женщин за столом не наблюдалось. Лишь бы уважали.

А нас, похоже, уважали не слишком.

Мы и часа за столом не провели, как к сидевшему с края нашей компании Вихорьку уже начал задираться какой-то хмырь. Причем далеко не юноша – здоровенный дядька лет тридцати. Это было чревато нехорошим. Трогать моего сына лапами я никому не рекомендую. Тем более что у здешних, в отличие от викингов, не было принято перед пиром оставлять оружие у стеночки.

Вихорёк, повинувшись моему приказу, терпел. Но взгляды посыпал умоляющие и понятные: «Отец, можно я его убью?»

Надо было срочно решать проблему, так что я махнул рукой возвращавшемуся с «отлить» Палице.

Хавгрим понял с лету: плюхнулся между Вихорьком и хмырем, попутно успев возложить на загривок хмыря лапу и давануть мозолистыми клещами. Очень больно, если умеючи. Палица умел. Задира аж зашипел...

Но примолк. А я перехватил быстрый обмен взглядами между ним и мордастым справа от князя. Ну-ну.

Общество выпивало и закусывало. Нахваливало князя и себя. Были тосты и за Добромысла, и за мордастого в золотой броне, которого, как я и предполагал, звали Турбоем.

А вот нас будто не замечали: хоть бы один тост в честь славных гостей! Или мы покуда недостаточно славные? Да ну, не верю! Судя по взглядам, кои метали в меня некоторые княжьи дружины, слава у меня точно была. Бесславных обычно презирают, а не ненавидят.

Хотелось бы знать, что это? Общее отношение к скандинавам? Или это из-за сначала опозоренного, а потом без вести пропавшего Задорея?

Хуже, если пришла инфа о нашей причастности к разгрому городка и крепости на озере. Я вполне допускал, что тому же Добромыслу (а значит, и князю) наши подвиги известны. И это не помешало им пригласить нас на службу.

Но что будет, когда информация дойдет до рядовых дружиинников? Тогда это будет уже личное. Мы особо не зверствовали, но кровь пролилась. А за кровь в этом обществе принято спрашивать. Рискнут или нет?

Вряд ли, если князь будет на нашей стороне. Уточним: до тех пор, пока князь на нашей стороне. А какой правитель откажется от качественного боевого подразделения, которое целиком зависит от его благорасположения? Которое без высшей поддержки разберут на запчасти...

Политика, блин. Но достаточно ли у Водимира авторитета, чтобы удержать своих от кровной мести? Вот я, например, не знал никого, кто смог бы удержать Медвежонка, случись со мной что-то нехорошее. И меня – в аналогичной ситуации.

В общем, руку надо держать поближе к мечу.

Не то чтобы я особо опасался. Сейчас мы – официальные гости и потенциальные соратники. А если Водимир примет нас в дружиину, то, как говорится, кто прошлое помянет, тому глаз вон. И любой из нас, если понадобится, охотно поработает хирургом-окулистом. Хотя если бы речь шла о каком-нибудь скандинавском конунге, я бы не был так уверен. У наших есть такая практика: перед приемом новичка вождь обязан поинтересоваться, нет ли у кого к новичку претензий? И если оные есть –

тогда по обстоятельствам. И прием в хирдманы может запросто окончиться вызовом в суд.

– Ты, нурман! – На плечо легла шаловливая ручонка под перчатки размером три икса. – Тебя воевода Турбой зовет!

– Не слыхал, – я сбросил ручонку, ухватил за кость кус печеной свинятины...

– Сказано тебе...

Второй раз ухватить себя я не дал. С пьяненьким: «Чего тебе, раб, я не понял?» – начал разворот на лавке, действуя свинятиной, аки небольшой дубинкой. С опережением.

Хорошо пришло. Попал не глядя, но точно. Веса в куске – за килограмм. Дружиинник где стоял, там и лег. Хлипкий, однако. Будь на его месте, допустим, мой братец – даже не шелохнулся бы. Или зубами поймал. Доброе мясо, как-никак.

Обрушение кореша заметили не все. Но мордастый воевода заметил наверняка. Открыл пасть, чтобы высказать свое авторитетное мнение.

Но я опередил:

– Эй, Водимир-конунг, я, кажется, твоего раба убил! – заорал я так, что не услышать меня было трудно. – Вот этим вот! – Я взмахнул куском свинины, сделал паузу (уже в относительной тишине), откусил свининки, ухмыльнулся и похвалил: – Хорошее мясцо. А раб – хлипкий. Верегельд назначишь, учти это.

– Э! Да это не раб! – воскликнул сидевший неподалеку дружиинник. – Это ж Лосенок, отрок воеводин!

– Отрок? – я демонстративно удивился. – А! Точно. Он же оружный. – И совсем растерянно: – Чё ж за воин такой, что его куском свинины убить можно?

И тут отрок заворочался. Очень вовремя. Прям подыграл.

– Да он живой! – заорал я еще громче. Отшвырнул свинину, ухватил сраженного бойца за волосы и рубашоночки, поднатужился, бросил наблюдательному дружииннику: – А ну, подтеснись! – И водрузил подшибленного свининой на скамью, незаметно сунув ему локтем в живот, отчего отрока немедленно вырвало всем съеденным на все того же наблюдательного. Кушал отрок изрядно, пир всё-таки, и наблюдательного окатило тоже изрядно. Да и другим досталось.

Пострадавшие возмущенно завопили, окружая отрока (я предусмотрительно отодвинулся), и посланец воеводы сметнул на общество еще одну порцию.

Теперь всем стало очень весело. Всем, кроме облеванных, отрока и

свекольно-красного воеводы. Даже князь развеселился. Интересно, как бы он выкручивался, если бы я действительно убил парня? Верегельд с меня взял бы? С другой стороны, это ж какой позор, когда твоего бойца случайно убивают на пиру куском свинины.

И что теперь? Подошлет ли ко мне воевода еще одного гонца?

Нет, не рискнул. И предъявы не сделал. Стерпел.

Отрока вывели. Блевотину и пострадавшие блюда «прибрали» собаки, пострадавшие же люди кое-как оттерлись, и пир покатился дальше. Появились музыканты, закувыркались скоморохи. Часть девок из обслуги приземлили по лавкам. С дальней стороны стола затянули что-то мощными басами, враз перекрыв бряканье и звяканье музыкантов.

И тут наконец свершилось: поднялся из-за стола Доброслав, рявкнул:
— Тихо всем!

И изрек тост в нашу честь. Мол, лучшие воины ладожского князя, узрев мощь и доблесть князя Водимира, возжелали перейти на сторону сильнейшего. Ура!

Хотя почему я решил, что это в нашу честь? Скорее — в честь Водимира. Мы-то всего лишь перебежчики.

Но выпили все. Кто еще был в состоянии. Потому что выпил князь. Точнее, пригубил. Я уже давно обратил внимание, что славный князь в течение всего пира слюнявит один и тот же кубок. Без долива.

Глава 28

Знать не положено

Подсматривать и подсушивать по моим планам должен был Вихорёк. Но так вышло, что ключевой разговор подслушал я сам.

Захотел умыться перед сном, не нашел умывальника и решил спуститься к речке. Мои уже дрыхли, так что будить я никого не стал, отправился в одиночку.

Никто мне не препятствовал. Присмотра за нами не было, полуспящего народу на княжьем дворе шаталось изрядно. Кто есть кто в безлунную ночь не разобрать.

Дежуривший отрок-привратник глянул на меня, на меч на поясе и, приняв за своего, без вопросов открыл калиточку метрах в четырех от главных ворот. Напутствовал:

– Назад пойдешь, постучи вот так, не забыл?

И выдал довольно заковыристый ритм. Впрочем, память у меня хорошая, с первого раза запомнил.

Калиточку снаружи не вдруг разглядишь, но я ее тоже запомнил.

Выйдя из крепости, я спустился по широкой прямой улице к городским воротам.

Ворота и вовсе оказались нараспашку.

Однако обнаглел Водимир.

Я глянул на улицу, ведущую к крепости... Да уж! И в фортификации зодчий Водимира – не очень. Тут даже конница галопом пройдет. Хотя...

Нет, не прав я. С крепостной стены, что на полтора метра выше городской, вся улица – под прицелом. До самых городских ворот. И дома по обе стороны – будь здоров. В два этажа, из толстенных бревен, в которых только на уровне второго этажа прорезаны узкие окошки.

Такое рукотворное ущелье тянется до самой площади перед крепостными воротами. А на площади верховые вообще станут идеальными мишениями – и со стен крепостных, и с крыш городских. Нет, не стоит сюда коннице соваться.

А вот пехоте было бы очень удобно просочиться. Кабы у меня была сейчас пехота, сотни полторы бойцов...

Мечтать не вредно.

До Волхова – рукой подать. Я выбрал местечко потемнее, разделся и

поплавал. Водичка – как парное молоко. Благодать. А к комарам я привык.

Возвращался тем же маршрутом. Из караулки у городских ворот доносилось нестройное пьяное пение. Дальше по улице какой-то хмырь задрал бабе подол и лупил ее ремнем по голым белым ягодицам. Баба тихонько повизгивала.

В нескольких шагах от парочки тощая свинья шумно что-то выжирала из забытой корзинки.

Я отыскал калиточку, пнул ее пару раз, привлекая внимание, потом отбарабанил хитрый ритм.

Давешний отрок впустил меня без вопросов, и я двинулся к нашему бараку, уверенный, что ничего интересного сегодня больше не узнаю. Ах нет!

Самое интересное началось, когда я был уже почти у дверей отведенного нам помещения.

Их было двое. Один – басистый, другой – тенорок. Подробностей я разглядеть не мог, но по силуэтам понятно, что ребятки не из мелких. Басистый – пошире, тенорок – повыше.

– Не понимаю, чего князь с ними цацкается? – проворчал бас. – Зря он Добромысла слушает. Вот Турбой – правильный боярин, а этот сам себя перехитрит когда-нибудь. Добрый князь на чужих серебро не тратит – своим отдает. Ну зачем нам нурманы эти? Глотки им перерезать, да и всё. Все одно ладожских скоро бить пойдем. Вот прямо сейчас зайти и кончить, пока они пьяные дрыхнут.

– Гости же – нельзя! – запротестовал молодой звонкий голос. – Богов обидеть!

– А с чего бы нашим богам обижаться за чужаков? – возразил бас. – Пусть за них ихние боги обижаются.

– А про Ладогу ты откуда знаешь? – поинтересовался голос помоложе.

– Сотник вчера сказал. Время уже назначено. Варяги к своим уйдут Солнцеворот праздновать, а тут и мы нагрянем.

– Вот это любо! – обрадовался молодой. – Ладога богатая, и бабы там справные! Хотя... И дружины у Гостомысла тоже не худые. Даже и без варягов.

– Да сколько их! – пренебрежительно хмыкнул басистый. – Наш князь единственным словом четыре больших сотни гриди поднимет! Кто на пути встанет...

– ...Тот ляжет, – подхватил молодой и хохотнул.

– Вот. А про нурманов сотник так сказал: гостей трогать нельзя, но

если сами гости порядок нарушают, тогда – можно.

– А с чего бы им порядок нарушать? – удивился молодой.

– А с того, что мы им поможем, – пророкотал бас. – Вот ты и поможешь. Считай, что это тебе наказ от самого воеводы Турбоя. Сделаешь – быть тебе, Клёст, не отроком, а гриднем.

– Ах... Да я... Да мне... – молодого захлестнули эмоции. – Ты сейчас такое мне сказал...

– Не мои слова, – уточнил басовитый, – сотника. А сделать надо вот что. Есть среди нурманов юнак. По виду – отрок, только что из детских. По-нашему хорошо понимает и говорит тоже хорошо, хотя и слышно, что чужинец. Яхха его на пиру задрать хотел, да не получилось. Большой нурман меж ними влез. Понятное дело. Яхха – гриденъ материй. А пред тобой за того отрока заступаться не станут. Справишься?

– Ну! А когда?

– Да хоть завтра. Только уж ты постараися, чтоб он первым начал.

– Начнет! – радостно заверил молодой. – Я слова хулительные знаю.

Ни один из нурманов таких не стерпит!

– Вот и порешили, – свернул разговор бас, и я услышал бодрое журчание. Басовитая сволочь помочилась на нашу дверь.

Будить своих я не стал. Поделился информацией утром.

Вихорёк оживился, а вот мои скандинавы – нет.

Выяснилось, что они уже получили от варягов приглашение на праздник этого самого Солнцеворота. Да еще и расписали его варяги как, блин, Валхаллу на земле. Поединки, девки, море жрачки-выпивки, песни-пляски сутки напролет.

А теперь – какой праздник? Придется в Ладоге сидеть и Водимира ждать. Эх!

Ничего, переживут. Если, конечно, подслушанное – не деза, специально приготовленная для моих ушей. Ладно, не будем переоценивать противника. Здесь об информационных войнах не слыхали. Здесь больше острым железом воюют, чем хитрым враньем.

Нет, не деза. Ко мне прислали гонца от воеводы Турбоя. Воевода приглашал на беседу. Причем не только меня, но и Палицу с Гуннаром.

Имя Виги названо не было. И я догадывался, почему.

А чуть позже к нам заявились пара местных отроков, пригласивших уже Вихорька. Типа, сначала позавтракать, а потом – на тренировку. Ага, сейчас.

– Отец! – взмолился Вихорёк. – Отпусти меня! Ничего они мне не сделают! Ты же видел, какие они, эти отроки. Даже Тови Тюлень такого выпотрошит, как баба треску! А уж я любого сделаю.

«Сделаю» – это мое слово. Вихорёк-Виги – тоже мой. Я его сделал. Наполовину. На вторую – он сам.

– Разреши, отец!

Виги – викинг. А викинг живет в бою. Так его учили. Но уже не я. Свартхёвди.

– Иди, – разрешил я. – Нет, стой! Послушай сначала. Первое: постараися, чтобы не ты его, а он тебя вызвал. Второе: тебя наверняка сначала проверят. Захотят узнать, что ты можешь. Сдержи свою у达尔. Пусть они увидят тебя таким, каким ты был два года назад. И наконец, третье: решать, будешь ли ты драться, буду я. Так и скажешь, если что. Мол, по нашим обычаям ты не можешь дать согласия на поединок без моего позволения. Всё. Отправляйся.

И Вихорёк ускакал, предвкушая недетское развлечеие.

А мы отправились в гости к первому воеводе Водимира.

Заодно и позавтракаем.

Воевода принял нас неуважительно. Сам расселся за столом. На возвышении.

Нас за стол не пригласил. Попивал что-то из стеклянного кубка. И жратва на столе тоже имелась. Взирал сверху так, будто не он позвал, а мы сами без спросу явились. О какой-нибудь мелкой милости клянчить.

За спиной у воеводы – семеро гридней. Еще четверо встали у дверей, едва мы вошли. Типа, выход отрезали. Ну-ну. Совсем нас здесь не уважают.

А помещение недурное. Правильное. Оружие на стенах доброе, места довольно, чтобы гостей принимать, и печь удобно расположена: не посередине, как в длинном скандинавском доме, а в углу.

А в другом углу – боги местные. Три штуки. Тоже правильные. Сплошь бородатые и оружные.

Мы остановились перед помостом.

Воевода помалкивал. Косил под большого начальника. Тянул что-то мутно-желтое, глядел с прищуром поверх края кубка. А в кубке небось медовуха? Дикарь. Из такой посуды вино надо пить. Французское.

Вопрос «зачем звал?» сам просился на язык.

Но в существующей ситуации это значило: показать слабость. Признать себя подчиненным: он позвал, мы явились.

Нет уж! Я пока что к Водимиру в гридни не нанимался, а если бы

нанялся, то особо оговорил: подчиняться исключительно князю. Без посредников.

Нет уж, красномордый ты наш! Не будет по-твоему.

Я ухмыльнулся и вспрыгнул на помост. Гридни у дверей дернулись было, но поскольку Хавгрим и Гагара остались на месте, то перехватывать меня не стали. На помосте и так народу немало.

Присесть мне было не на что. Скамья – с той стороны стола. Впрочем, и сам стол сгодится. Я на него и уселся. Подхватил солидный кувшин, из которого отрок подливал воеводе, приложился…

Так и есть, сладенько-кисленькое пойло, не крепче кефира, но с похмелья – самое то.

Я отпил немного, этак с пол-литра…

И метнул кувшин Хавгриму.

Тот поймал ловко – ни капли не пролилось. Тоже приложился и передал Гуннару.

А я ухмыльнулся во все зубы шокированному воеводе и сообщил:

– Самое то после вчерашнего. Спасибо, Турбой, что к трапезе пригласил!

Сцепал с блюда кусок пирога, окунул в плошку со сметаной… А ничего так. С рыбкой солёненькой.

– Хавгрим, Гуннар, присоединяйтесь! – крикнул я своим по-скандинавски. – Что стояте, как нищие у ворот? Ярл угощает! Так, Турбой-ярл?

Ни хрена он нас не приглашал.

А по фиг!

Моим от него приглашения и не потребовалось. Однако усаживаться на стол они не стали. Зачем, если с той стороны – длинная и удобная лавка.

Гуннар обогнул стол, отпихнув вставшего на пути гридня, а Хавгрим вообще перемахнул через препятствие и приземлился на лавку слева от воеводы. Причем проделал все это с кувшином в руке. И первым делом плеснул в направлении местных богов.

Уважение проявил. И попутно обрызгал бойца, оказавшегося слишком близко. Затем метнул кубок Гуннару, который его поймал, допил и сунул отроку, оторопевшему не меньше воеводы, со словами:

– Не стоять. Наличь.

По-словенски Гуннар Гаага знал не так много слов, но все – нужные.

Турбой открывал и закрывал рот. Молча. Завис от нашей наглости.

С другой стороны, а что ему делать? Велеть выкинуть нас из-за стола и из дома?

Будь на его месте, скажем, Ивар Бескостный или конунг норегов Хальфдан, они бы так и поступили. Да с ними никто бы и не рискнул так себя вести. Даже представить страшно, что сделал бы Ивар с тем, кто вот так бы уселся на стол, за которым он ест.

А что бы сделал я сам в такой ситуации? Если бы что-то такое отчебучил кто-нибудь типа Хавгрима Палицы? Это когда силу применять – себе дороже?

Попытался бы свести всё к шутке, я думаю...

Турбой шутить был не настроен. Он был настроен доминировать. Я увидел, как гридни придвигнулись ближе к моим парням. Руки на мечах, на мордах выражение: ждем команды «фас».

Те, что у дверей, тоже зашевелились. Я контролировал их боковым зрением. И не сомневался, что мои бойцы тоже не только жрут, но и о безопасности не забывают. Встретился взглядом с Палицей... Тот скосил глаз на Турбоя, показал пальцами: этого первого валю?

Я качнул головой... И поймал уже взгляд воеводы. Похоже, боярин отследил наш информационный обмен? Да по фигу.

– Добрая у тебя пища, Турбой-ярл! – похвалил я по-русски. – И у князя твоего стол не хуже. Это нам любо! Выпил бы за твое здравие, да нечего и не из чего. Нерасторопны у тебя рабы. Ты уж с ними постороже.

– Налей нурманам, малый, – махнул рукой воевода. – Квасу налей, хмельного им довольно уже. – Глянул, насупив брови: – А ты, нурман, со стола слезь! Не дома у себя! Веди подобающее.

– Да уж не дома, это верно! – произнес я, не меняя позиции. – Ежели я кого в гости зову, так за стол сажаю да угощаю. У нас такого в обычай нет, чтоб хозяин брюхо набивал, а гость слону сглатывал.

– А я тебя не за стол звал! – отрезал боярин. – Я глянуть на тебя хотел. Поближе.

– Глянул? – усмехнулся я. – И как?

– Никак. Не любы вы мне, нурман! Зря приехали!

– Вот как? Слыши, Хавгрим, – произнес я по-скандинавски. – Ярл говорит: не будет у нас с ним любви. Не нравимся мы ему.

Палица развеселился.

– Ты ему скажи, хёвдинг, что он нам тоже не люб. Мы, скажи ему, женщин любим, а старого козла пусть его козлята уестствляют. Вон они какие румяные! – Палица сделал красноречивый жест, а потом похлопал по щеке отрока, у которого принял кувшин с квасом, отхлебнул из кувшина... И выплюнул отпитое на стол. – Ульф! Что за это за дрянь?

Я отобрал у него кувшин, приложился... Нет, нормальный квас. Даже

отличный. Холодненький!

– Квас это, – пояснил я. – Не пиво. Ты распробуй, потом плюйся.

Взгляд на Турбоя. Ого! Да он красней гамадриловой задницы! Вот-вот спустит на нас свою свору.

– Что он сказал? – рявкнул воевода.

– Квас ему непривычен. Думал: это пиво такое.

– Что он до этого сказал?

– Я ему твои слова перевел. Что ты любиться с нами не хочешь, – с невиннейшим видом разъяснил я. – А он ответил, что это хорошо. Потому что он тоже не хочет тебя любить. Может, у вас обычай такой, а у нас – подругому. Мы женщин любим, а мужчин только убиваем.

– Ты что несешь?! – взревел боярин. – Да я тебя сейчас на куски изрубить велю, хоть ты и гость княжий!

– За что же такая немилость? – поинтересовался я.

– Да за слова поносные!

– Это какие же? – Я поднял бровь.

– А те, что твой друг сказал!

– Что он женщин любит, а таких, как ты, – нет, что ли? И где ж тут поношение? Вот если бы он сказал, что хочет взять тебя как женщину... – Я широко улыбнулся, сделал драматическую паузу. – А он лишь порадовался, что ты не станешь этого требовать от нас. Что не так? Ты же сам только что сказал, что любить тебя не надо. Что не любы мы тебе. Я не так тебя понял? Мы тебе любы? Знаешь, ярл, при всем нашем уважении к тебе и к твоему князю, брать тебя как женщину мы все равно не...

– Заткнись!!! – взревел боярин. – Прикуси свой поганый язык, нурман, коли не разумеешь по-нашему! Я сказал: не по нраву вы мне, ясно?!

Я скосил глаз на своих: Гуннар понимал с пятого на десятое... И ему было весело. У скандинавов такие словесные игры в чести. Шутки на грани фола. Вернее, на грани вызова на дуэль.

Палица не понимал ничего, но, глядя на пунцовного, брызгающего слюной воеводу, тоже ухмылялся.

– А я о чем? – изобразил я непонимание. – Не нравимся мы тебе. Не любы. Вот и хорошо. Вот и Хавгрим тоже сказал: хорошо это. Сказал: вот юноша у тебя – покрасивей нас. Может, ты его любишь?

Юноша зарделся пуще своего начальника и даже рот открыл – высказать протест, надо полагать, но воевода не позволил.

– Молчи, Куник! Ни слова! – И добавил куда более спокойно: – Я понял тебя, нурман. Понял, зачем ты дерзишь. Вызыва ты хочешь. Крови хочешь. Ну так будет тебе кровь! Но не наша кровь! Ваша! Если гость ведет

себя как свинья, то и обходятся с ним как со свиньей!

– Не понял тебя, ярл, – я согнал с лица улыбку. – Я недостаточно хорошо понимаю твою речь. Не может быть, чтобы ты уподобил воина жрущему дрянь и спящему в дерьме животному.

Ну скажи мне – да. И у Водимира станет на одного воеводу меньше!

Мне вдруг вспомнилась политика норвежского конунга Хальфдана Черного, когда тот в спорных вопросах выставлял вперед дерзкого берсерка, который и решал спор в его пользу. Может, и есть в этом городке кто-то, способный меня прикончить, но уж точно не этот красномордый.

Чуйка у боярина была. Повода для вызова я не получил.

– Нет, тебе показалось, – пошел на попятный боярин. – Я не оскорблял тебя, но видеть вас в моем доме не хочу. Это понятно?

– Да, – я спрыгнул со стола. – Гуннар, Хавгрим, уходим.

– И зачем звал? – проговорил Гуннар уже снаружи. – Не сказал ничего, даже не угостил толком.

– Зато повеселил, – ухмыльнулся берсерк. – Скажи, Ульф, а он и впрямь любит... как женщина? С виду не скажешь.

– Нет. Это я его позлил немного. Но не достаточно.

– Недостаточно для чего?

– Чтобы он или кто-то из его людей вызвали бы меня или тебя на хольмганг.

– Славная мысль. Жаль, что не вышло.

– Жаль. Здешним было бы невредно поглядеть, как убивают викинги. Но, думаю, они увидят. Я ведь догадываюсь, почему он нас позвал.

– Да ясно почему, – махнул татуированной лапой Палица. – Чтобы никто из нас не помешал поставить на хольмганг Виги.

Глава 29

Как убивают викинги

Так и есть. Меня не оказалось рядом с Вихорьком, когда Водимиров отрок к нему прицепился. Отпустил остроту насчет мамы-тюленихи. Наверняка подсказал кто-то из старших.

Природный скандинав наверняка повелся бы на такую зоофильскую шутку. Вихорёк обидчика высмеял. В моем стиле. Мол, насчет его матери отрок ошибся, но ход мыслей понятен. Самого-то его небось овца родила, раз тупой, как баран, уродился. Да такой негодный баран получился: даже шерсти не состричь. Нету у отрока-барана шерсти. Нигде.

«Что здесь гладко, что тут», – во всеуслышание объявил Вихорёк, показав пальцем на подбородок провокатора, а потом похлопав себя по причинному месту.

Будь на месте отрока скандинав, он отшутился бы. Легко. У самого Вихорька щеки и подбородок гладкие, как у девушки.

Но отрок на словесные игры настроен не был. Он намеревался оскорбить, получить вызов и прикончить моего сына. Сделал дело – и в гридни. Всё крайне серьёзно. А ему такое обидное говорят... Да и кто? Пацанчик, которого он вообще за противника не держал.

Вскипел. И схватился за меч. Айдзюцу парень владел посредственно. Выхватить меч ему не дали. И Вихорёк был ни при чем. Свои подсуетились. Одно дело – спровоцировать на поединок и убить. Другое – просто убить. Гостя. На княжьем дворе. За то, что шуткой ответил на шутку.

«Да куда ему, улитке, меня достать! – ухмылялся Вихорёк. – Думает, если здоровый вымахал да широкий, как ворота, так уже и убивать умеет!»

Убивать парень наверняка умел. Без этого в отроки не опоясывают. И надо полагать, не так уж плохо умел, если его выбрали в качестве провокатора. Но за сына я не опасался. За годы, прошедшие с того времени, когда он пас овец, Вихорёк прошел неплохую школу. И учителя у него были отменные: мы с Медвежонком. Факт. Экзамен на выживание в бою он сдавал не единожды.

Пусть дерется. Славное будет зрелище.

– Клёст, отрок из десятка гридня Яххи, и Виги из людей Ульфа-

нурмана. Поединок до первой крови! – провозгласил Водимир.

– И чистый от мести! – подхватил я.

Князь возражать не стал. Мы это проговорили заранее. Более того, это было предложение Водимира, когда я объяснил, что, если мой сын получитувечье или даже будет убит, мне придется вызвать и убить его обидчика.

Вот поэтому и «до первой крови».

Теперь победителю достаточно лишь оцарапать противника. Или – наоборот.

Никто из присутствующих, надо отметить, не сомневался в результате. Местные были уверены, что отрок Клёст победит. Вон он какой здоровенный и ловкий. Хоть завтра в полноценные гридни. А этот, нурманский сынок, сразу видно – недавно из детских.

И мы тоже не сомневались. Мы-то видели, на что способен мой приемный сын. Внешность, она обманчива. Как говоривал мой тренер по ушу еще из той, техногенной эпохи: «Не дерзите незнакомцам, даже если они не шибко крутые с виду». Сам он, кстати, был – из таких. Маленький, сухонький, в очках. Пожалуй, здесь бы он выжил. В отличие от многих крутых.

Воевода Турбой зыркнул в мою сторону злорадно и скомандовал:

– Начали!

Водимиров отрок рванул в атаку. Напал более-менее грамотно, вовсю используя преимущество в росте и длине рук: щит перекрывает обзор, меч, хлестом, сверху... И сильнейший удар ногой в щит Вихорька. Врасплох не застал, но разница в весе сказалась: Вихорька унесло шагов на пять. Устоял. И встретил вторую атаку уходом влево и резким выпадом в корпус. Нет, не в корпус. Это был финт. Атаковал – и отпрянул.

Мог бы и не отступать – противник выронил меч, потому что клинок Вихорька изрядно разворотил Клёсту правую кисть. Всё. Кровь есть. Бой закончен.

Многие были разочарованы. Кто-то порывался сквитаться за травмированного кореша, забыв о том, что поединок – чистый.

«Я за него», – довел с моей помощью до мстителей Хавгрим Палица.

«Добродушный» облик берсерка успокаивающе действовал на пылкие сердца. Даже в ситуации, когда можно было навалиться кучей на одного.

– Не хотят нас здесь, – пожаловался я боярину Добромыслу, когда тот пригласил нас на ужин.

– Не хотят, – согласился боярин. – Дружина не хочет. Но это – до

первого боя. Увидят вас в деле – примут, не сомневайся. У Водимира в дружине разных племен люди.

– А сам он? – полюбопытствовал я.

Оказалось, папа у Водимира – из ободритов. Что ж выходит? Он из одного рода-племени с Гостомыслом?

Отчасти, ответил боярин. Потому что мама у Водимира – происхождения эсто-ливского. И воспитывался он, как здесь часто бывает, в доме у дяди, который тоже лив, причем – из неглавных князей.

Ну да, я ведь знал, что Водимир – не местный.

Хотя кто тут местные? Меряне? Чудины? Народ из города Плескова, который мы когда-то вернули в лоно Гостомысла и который теперь, насколько я слышал, Водимиру данью кланяется? Так и в Плескове с нами дрались не местные жители, а «приглашенный» вождь... И какая на фиг разница? В этом мире об «исконно працуровых землях» никто языкок не треплет. Смог взять и удержать? Твое. Не смог? Закрыл рот и прогнулся.

– Турбой на вас зол, – сообщил боярин. – Ярится, будто его оса за мудя укусила.

– И что?

– Да ничего. Пусть ярится. Слишком много силы под себя забрал... воевода! – Добромысл отхватил кусок зайчатины, прожевал: – Неплохо будет, если при князе нашем будет кто-то, на кого он цыкнуть не может, кривич быковатый!

Ну да, служат Водимиру многие языки, но не все они друг друга любят. Добромысл здесь – тоже пришлый. Его с собой Водимир привел, земли выделил, дела свои вести доверяет, но по воинской части главный – Турбой. Главный после самого Водимира, разумеется. И Турбой – из здешних. До Водимира городским ополчением командовал.

Сейчас под Турбоем не только ополчение, но и вся братва из местных и примкнувших. Есть, конечно, у Водимира и личная гвардия, но немного – под сотню. Однако и это еще не все.

Оказывается, Турбой к Светозаре сватался. Еще лет десять назад, до Рюрика. И задолго до того, как Водимир в силу вошел. Не свезло воеводе. И вырос у Турбоя на Гостомысла и Рюрика здоровенный зуб. Отчасти поэтому Водимир ему и доверяет. С врагом номер один Турбой точно не снююется. А еще, по секрету добавил порядком захмелевший Доброслав, Водимир Турбою Ладогу обещал. Вместе со Светозарой. Когда та овдовеет, разумеется. Так что мирное развитие событий Турбоя никак не устраивает. Так что усилить дружину Водимира моим маленьким хирдом ему вроде бы должно быть по вкусу, а вот нет.

Потому что сомневается Турбой, что даст ему Водимир Ладогу.
Светозару, да, наверное. Но Ладогу в автономное управление – вряд ли.
Водимир же не богами клялся, а так... На словах посулил.

Вот такая здесь политика.

В общем, хорошо посидели. Душевно и с пользой. Расслабились.
И напрасно. Утром пропал Вихорёк.

Глава 30

Князь и закон

Когда я проснулся, Вихорька не было.

Это меня не слишком обеспокоило. Может, прогуляться пошел. Или перекусить.

Дружины завтракала рано.

Мы – не дружины.

Мы подтягивались к кухне, когда глаза продерем.

В это утро – тоже. Да и то не сразу. Скушанное вчера у Добромысла еще не полностью переварилось, так что я сначала искупался, потом побегал, потом сделал зарядку, поработал с железом… А там и бойцы мои пробудились, и кормиться мы двинулись втроем.

А Вихорька не было. Ни на княжьем подворье, ни на берегу речки.

Царапнуло недобродое предчувствие.

– Виги моего знаешь? Был он здесь? – спросил я у холопки, которая накидала нам в миски зерновую толкушку с салом и луком.

Виги она знала. Его теперь здесь все знали, после поединка с Клёстом. Знала, да, но сегодня утром его не видела. И напарница ее не видела.

Вряд ли они стали бы врать. Им мое внимание было лестно. Здесь такие, как я, очень редко разговаривают с такими, как они. Тем более вежливо.

– Может, он к девке какой пошел? – предположил Гуннар. – Там и пожрал?

– Может, – я отложил недоеденную кашу. – Но я все же пойду, поищу.

Поискать. С нулевым результатом. То есть не совсем с нулевым. Я нашел бойца, который стоял с утра в дозоре на княжьих воротах. Боец хоть и спросонья, но очень уверенно заявил: Виги наружу не выходил.

Я ему поверил.

Дальше мы искали втроем. В гриднице, в подсобных и хозяйственных помещениях… Везде, кроме княжьего терема.

Нету. И не видел никто.

Я обеспокоился всерьез, потому что у Клёста здесь и друзей, и родни до фига. И все они – источник неприятностей. Утешало то, что застать моего сына врасплох – непросто. Был бы шум… Наверное.

Я двинул в город, к Добромуыслу, но боярин с утра пораньше куда-то смотрелся.

Придется действовать самостоятельно. А поскольку устраивать здесь розыск нам никто не позволит, надо обращаться непосредственно к Водимиру...

Если, конечно, за исчезновением моего сына не стоит сам Водимир.

Мои бойцы были настроены пессимистически.

– Если его взяли по велению конунга, мы его не найдем, если конунг сам того не пожелает. – заявил Хавгрим. – Никто не видел. А кто видел – нам не скажет. Мне жаль, хёвдинг, но, думаю, твой сын уже мертв...

– И это было бы для него наилучшим исходом, – подхватил Гуннар. – Если его сунули в пыточный сарай, то нам стоит быть начеку. Скоро конунг узнает, кто пожег его крепость. Виги – парень крепкий, но если правильно спросить – любой заговорит.

– Не любой, – возразил Палица. – Не я. И не он, – кивок в мою сторону. – И кто сказал, что местные умеют так же хорошо развязывать языки, как ты, норег?

– Значит, им потребуется немного больше времени, – сделал собственный вывод Гагара.

Надо ли говорить, что этот диалог не прибавил мне бодрости.

Вихорьку пятнадцать, но он уже воин. Викинг. А любой викинг по факту – это убийца и палач. При необходимости. И каждый викинг готов к тому, что враги обойдутся с ним так же, как он с ними.

Всё так. Но утешение слабое. Для меня. И для моего сына.

И что теперь? Попробовать сбежать, пока за нас не взялись?

Нет. Бросить Вихорька я не мог.

– Собирайтесь, – сказал я своим. – Пойдем к Водимиру. Напомним князю, что мы – его гости. И мой сын – тоже. Строго напомним!

Рискованный вариант. Близкий к самоубийственному. Но никто из моих даже не намекнул на возможность бегства. Только Гагара на всякий случай уточнил:

– Бронь надевать?

– Облачайтесь как на битву. Только Норнам ведомо, как всё обернется.

На подворье кипела обычная жизнь. Кто-то тренировался, кто-то работал, кто-то бездельничал. Последних – немало. Делом занимался в основном молодняк и обслуга.

Водимир присутствовал. Восседал на командирском кресле в окружении кучки приближенных: военных и условно штатских. Справа

потел холоп с бокалом литра на полтора. К бокалу князь время от времени прикладывался.

На нас глазели. И с любопытством. День жаркий, а мы – в полном боевом. Гуннар даже щит прихватил.

Рядом с князем я не углядел Добромысла. Зато Турбой – был. Красный, потный, чем-то недовольный. Уставиля на нас весьма недружелюбно.

И еще одна знакомая рожа. Купчина, которого мы пощипали на Длинном озере. Я узнал не столько его физиономию, сколько еще не зажившие отметины на ней, оставленные плеткой, которой мой брат корректировал в правильную сторону образ мыслей плененного торговца.

Юлить я не стал.

– Я пришел к тебе, князь, потому что какие-то лишенные чести люди похитили моего сына Виги!

Я остановился, ожидая ответа.

Не получил. Только взгляд типа: ну, что еще скажешь?

Скажу.

– Боярин Доброслав обещал нам права гостей, князь, и ты подтвердил это право. И потому я требую, чтобы ты велел похитителям освободить моего сына! Немедленно!

– Он требует! – воскликнул кто-то из окружения.

– Вот наглый нурман! – подхватил еще кто-то.

Водимир молчал. Давил меня взглядом.

Я тоже молчал. Всё сказано. Сейчас я узнаю, схвачен ли Вихорёк с его санкций или это чьё-то самоуправство?

Князь, сука, от ответа ушел.

– Этот меч... Откуда он у тебя? – процедил Водимир, показав на мой Вдоводел.

Мать вашу к бабушке! Это что ж, опять за старое?

С чего началось наше знакомство с князем. С аналогичного вопроса. Откуда у меня доспехи его дружины Главы?

В тот раз мне пришлось удирать с княжьего двора в чем мама родила. Неужели опять?

– Это мой меч! – отрезал я. – К чему твой вопрос, князь? Хочешь такой же?

– Хочу узнать, давно ли он у тебя?

– Давно.

– Понятно. А теперь скажи мне, Ульф Свити...

Да, правы викинги с их подходом: убиваем всех. Я в очередной раз

поплатился за свой гуманизм. Вот он стоит, мой «гуманизм» – с красным рубцом на лбу и лютой ненавистью в глазах. Пощаженный купчина с «торговой точки».

Нет, он не мог меня узнать в лицо. Я был в «очковом» шлеме, с рожей, перемазанной сажей и забрызганной кровью. Не мог он меня узнатъ.

И не узнал.

Он опознал меч.

Купец – он почти воин. И так же, как у воина, память у него на боевое железо... железная. А мой меч – из элитных. Произведение оружейного искусства из «сварного» булата с клеймом, которое останется известным даже через тысячу с хвостиком лет. Я отдал за него увесистый золотой браслет и абсолютно уверен, что продавец – продешевил. Такие клиники меняют на золото один к одному по весу. Как минимум.

Вот он каков, мой Вдоводел. Конечно, купец его запомнил.

– Ты – мой гость, – сказал Водимир. – Но ты и твои люди ограбили моего человека. Ты и твои люди напали на моих гридней на Длинном озере и убили их всех. Будешь ли ты это отрицать?

У меня было два варианта. Первый: уйти в глухой отказ. Или потребовать суда поединком. Мое слово – против слова купца. Мало ли у кого может быть *похожий* меч?

А можно сказать всю правду и упирать на право гостя.

Первый вариант разумнее, но нравился мне меньше. Не люблю, блин, оправдываться. И врать тоже не люблю. А еще у них Вихорёк. И если я начну упираться, то не исключено, что они попробуют выжать правду из моего приемного сына.

М-да, авантюра и есть авантюра. Не следовало мне лезть в берлогу к медведю.

Так, а второй вариант? Я во всем признаюсь. Что дальше? Право гостя, возможно, меня защитит... На какое-то время.

Хотя как только я окажусь «за окопицей», меня можно будет снова брать и поступать со мной... Скажем так: по законам военного времени.

Молчание затягивалось. Водимирова братва заволновалась. Негромкий еще, но уже откровенно угрожающий ропот.

И тут меня осенило.

Прям-таки озарение пришло.

У меня ведь тоже память хорошая. А что я тогда сказал помеченному плеткой Свартхёвди купчику?

Вот именно!

– Отрицать? – Я поднял бровь. – Зачем? Разве не потому ты, князь,

предложил мне и моим людям пойти к тебе на службу, что узнал вот от этого, какие мы славные воины?

– Что?! – Изумленный взрык Водимира утонул в ропоте его людей.

Кое-кто даже за оружие схватился. Палица придвигнулся ко мне поближе, но нет, рубить нас с ходу не стали. Ропот стих, когда Водимир поднял руку. Не сразу.

– Клянусь богами, я назвал тебя гостем, ничего не зная о твоем преступлении! – четко, чтоб слышали все, произнес князь. Не для меня, для своих людей. – Твои слова – ложь, нурман!

– Я не лгу! – парировал я. – И закона я не нарушал. Твои люди захватили чужую землю и чужих холопов. Потому что думали, что они – сильнее. Пришел я со своими людьми и доказал, что они не сильнее. Я мог бы его убить, и тогда ты ничего бы не узнал, верно? Но я не собирался ничего скрывать и позаботился о том, чтобы ты обо всём узнал.

– Ты лжешь! – прогремел Водимир.

Остальные тоже заорали, но не столько в поддержку своего князя, сколько требуя дать мне договорить.

Я не сомневался, что затыкать рот мне не станут. Отнять у дружины право на шоу? Да ни в жисть!

– Ты снова обвинил меня во лжи! – Я демонстративно вздохнул. – Я твой гость, потому это урон не моей, а твоей чести. Я позаботился о том, чтобы ты всё узнал, потому что хотел этого. Сказал всё это вот ему, – я показал на купца, – что он и его семья останутся в живых. И он жив. Потому что я, Ульф Свити, хёвдинг, держу свое слово.

– Ты меня ограбил! – закричал купец.

– Разве? – Я снова поднял бровь. – Ты и твои люди дрались со мной и моими людьми. И мы победили. Я никого не грабил. Это законное право воинов – брать то, что добыто в бою. Разве нет? А еще я велел тебе рассказать обо всем своему князю. Ты помнишь мои слова?

– Да! – заорал взбешенный купец. – Я всё помню!

– Это хорошо, – одобрил я. – Плохо, что ты не выполнил моего поручения и утаил от князя то, что произошло.

– Ничего я не утаивал! – Купцу очень хотелось вбить мои слова мне в глотку вместе с зубами... Но он знал, чем это может кончиться. И сдерживался. – Я всё рассказал князю!

– Вот как? – продемонстрировал я изумление. – Какому князю?

– Своему! Ему! – Купец указал на Водимира.

Я покачал головой.

– Князь Водимир сказал, что ничего не знает. Он князь, человек чести.

Вряд ли он солгал. А вот ты – торговец, обман – твоё ремесло. Я не верю тебе!

Вот так у людей и наступает... кризис сознания. Особенно острый для тех, кто привык разруливать непонятки рубящим сплеча. В ситуации, когда рубить – нельзя категорически.

Купец уставился на князя: мол, скажи этому нурману!

Князь...

Больше всего ему хотелось сделать меня на голову короче.

Я почти слышал, как жужжат княжьи мозги от непосильной нагрузки. Купец ведь ему действительно докладывал. А что имени моего не назвал – так и я его не называл. Тогда.

Что ж, поможем начальству.

– Да и не один этот торговец к тебе с вестью должен был прийти, – небрежно сообщил я. – Были и еще люди. Не скажу, чтоб добрые воины, но оружные. Твоими дружины назвались. Оружие мы у них отобрали, но языки оставили. Что? Они тоже ничего не рассказали? Я мог бы их убить, но отпустил. Старшего из них Хотеном звали. Лихой вояка! Видел я, как он со смердом бился, когда того двое держали. – Я расхохотался. – Эй, Хотен, ты здесь? Покажись!

Не показался. Потому что не было его в толпе.

– Найти и привести, – бросил Водимир, не сводя с меня глаз.

Пока ждали, я перевел Хавгриму и Гуннару наш разговор.

– Ты мудр, – одобрил Палица. – Но готов поставить пять марок, что следующую чашу я выпью уже в чертогах Одноглазого!

– Я славно пожил и славно умру! – подхватил Гуннар Гагара. – Может, Тьёдар и меня упомянет в своей саге?

– Наверняка! – пообещал я.

Ага, вот еще одна «жертва» моего гуманизма. Приоделся, однако. Я же его в плаванье в одном исподнем отправил, тут и сапоги, бисером шитые, и пояс с золотой канителью. Вот только морда подкачала. Тухлая, как после недельной пьянки. Хотя почему – как? Он и сейчас – в зюзю. А с волос вода течет. Надо полагать, макнули его, чтоб в чувство привести.

Я не без интереса наблюдал, как из горе-бойца пытаются выжать информацию. Бесполезно. Он только лыбился и бормотал что-то невнятное.

Выяснилось, что пьет Хотен, считай, с самого возвращения. И послания моего не передал. Доложил сотнику, что страшно грозные воины взяли их врасплох, во сне. Хотен с уцелевшими спутниками еле спаслись. Успели прыгнуть в лодку и оттолкнуться от берега.

Что ж, версия тоже бесславная, но, во всяком случае, не такая позорная, как настоящая. О том, что правда рано или поздно всплынет на поверхность, эти дурни не думали.

Версию Хотена мы узнали не от него самого, а от его сотника. Князь тоже наверняка слышал эту историю. Неужели он в нее верит? Даже сейчас... Или в третий раз обвинит меня во лжи?

Нет, не во лжи.

— Я услышал твои слова, — заявил он. — Но вы убили моих дружиныхников. Кто ответит за их кровь?

Водимирова братва одобрительно загудела, и я понял, что психологические игры кончились. Сейчас нас начнут убивать. Страха не было. Мое состояние лучше всего описывало слово «кураж».

— Мы — воины, — громко произнес я. — Мы убивали многих. Мы убили твоих людей для князя Рюрика.

Что таиться, если Водимир всё равно вот-вот нападет на Ладогу?

— Рюрик щедро заплатил нам, потому что знал: мы очень хорошо умеем убивать. Намного лучше твоих людей, князь Водимир! — я демонстративно оскалился. — Разве не поэтому ты, князь, прислал к нам своего боярина, который сказал, что ты заплатишь больше, чем Рюрик?

— Нет! — рявкнул Водимир, но я проигнорировал его возглас и продолжал, надеясь, что успею договорить раньше, чем на меня набросится свора его псов.

— Это было умно, князь. Многие владетели предпочитают платить серебром, а не кровью верных людей. Ты решил перекупить нас у князя Рюрика, чтобы мы убивали для тебя, а не для него. Это разумно, князь. Ты богат, и серебра у тебя довольно. А с доброй дружиной добудешь еще больше. Но одного лишь богатства мало, чтобы получить наши мечи. Слава и честь — они дороже серебра, потому я ответил твоему боярину: сначала я должен взглянуть на того, кому буду служить. И он пригласил меня в гости. — Я остановился, чтобы сказанное осело в сознании присутствующих. — И вот мы здесь. Гости. И не один лишь твой боярин, ты сам назвал нас гостями. Так? И мы ели за твоим столом, князь. И были спокойны, потому что и у нас, и у вас закон один: кто обидит гостя, тот оскорбит богов. А кто оскорбит богов, тому не будет удачи. Да, я знаю многих, кого это не остановило. Деда моей жены убил в своем доме коварный ярл ради богатства. А ее отец убил и подлого ярла, и всех его дружиныхников. Он справился в одиночку с целым хирдом, потому что боги наказывают предателей. Славная история. Будь мы на пиру, я непременно рассказал бы ее. Но мы не на пиру. И речь не о родичах моей жены, а о нас

с тобой, князь. Все слышали, как ты назвал нас гостями, князь. Пришло время узнать, чего стоит твое слово?

Я умолк. Было тихо. Меня слушали. Не перебивая. Это ничего не значило. Им просто было интересно, что я скажу дальше. Водимир сверлил меня взглядом. Специфическим таким. «Ну, боец, ты уже наговорил на три казни. Что еще скажешь?»

По уму ему стоило бы меня заткнуть.

Но Водимиру тоже было интересно. В этом мире так мало развлечений. Почему бы и не послушать того, кто, считай, уже мертв?

И «мертвец» продолжил:

– И двух дней не прошло, как младшего из нас, моего приемного сына, вызывает на поединок один из твоих отроков. Не последний из них, как мне сказали. Мой сын убил бы его так же легко, как я могу убить любого из твоих гридней... – Я обвел жестким взглядом обступивших нас дружиинников. Нет, никто не поддался на провокацию. – Я или вот он, – кивок в сторону Палицы, – нам здесь нет равных. Поэтому какие-то люди подло похитили и спрятали моего сына. Возможно, им стало обидно, что их родич оказался никудышным воином. Но поединок был чистым, и ты, князь, должен был напомнить им об этом. И вернуть мне сына, а похитителей – наказать. Не знаю, как у вас, а у нас за такое казнят.

Я чувствовал, что попал в струю, и язык сам находил нужные слова. И я не боялся. Всё равно убить меня можно только один раз. Бывало и похуже, ведь смерть, она может быть очень неприятной. То ли дело – погибнуть в бою. А там... Чем Один не шутит: вдруг вся эта фигня о Валхалле и Асгарде – правда?

– Я пришел взглянуть на тебя, князь. Я пришел, чтобы понять: хочу ли я служить такому вождю? И понял: нет, не хочу. Какой ты вождь, если даже твоим близникам плевать на твои слова! – я сплюнул в пыль. – Ну да. Ты назвал нас гостями, но твоим людям твои слова – ничто. И я вижу, что у тебя нет над ними власти. Даже над этим торгашом, – я картинно указал на купца, – который только что при тебе заявил, что ты лжешь. И знаешь, князь, меня это не удивляет. Ты сам только что дважды обвинил во лжи меня. Я думаю, тебе просто приглянулся мой меч. Что ж... Ты его получишь. Когда я умру. Но до того, как это случится, здесь умрут многие, клянусь Молотом Тора! И будет кому прислуживать нам в чертогах Одина, когда сюда придут мои люди. Когда приплывут сюда мои родичи из Сёлунда, чтобы наказать того, кто преступил законы богов и убил гостя. Вы все... – я оглядел разъяренные рожи вокруг, – вы все умрете, не оставив потомства, потому что людей обмануть можно, но горе тем, кто презрел

законы богов! Довольно слов! Пусть говорит сталь!

И я извлек из ножен Вдоводел. Доля секунды, не больше. Одновременно – шлем вниз, с затылка – в боевое положение, прикрывая верхнюю половину лица. Еще полсекунды – и в левой руке у меня парный клинок. Боковым зрением отметил: Гуннар тоже обнажил меч и перекинул со спины щит. Справа радостно заворчал Хавгрим, готовясь к священному танцу воина Одина.

Красиво, наверное, со стороны на нас смотреть. Красиво и страшно. Хоп – и мы уже с оружием в руках.

Я засмеялся: храбрые дружинники Водимира тоже похватались за оружие, но при этом *подались назад*. Никто из них не горел желанием первым подставиться под нурманское железо. Во всяком случае – без команды князя. Тем более что почти все – «налегке», это мы – в броне и с полным комплектом вооружения.

Князь с командой «фас» не торопился. Смотрел на меня... как-то по-другому. Будто вспоминая что-то...

– Ты всё сказал, Ульф Свити?

Я засмеялся еще громче и завертел клинки, разминая кисти. Ох и нашинкуем мы нынче мясца... Воронью б на неделю хватило. Кстати, вот и оно, воронье. Чует рубилово. И мой Волк, чую, тоже где-то рядом. Скоро я снова его увижу. Пусть даже в последний раз...

Дружины шумела. Ворчание собачьей своры, обложившей настоящего зверя, но не решающейся напасть. Да, их здесь больше сотни против нас троих. Но у каждого – одно, свое собственное очко. И оно, блин, не железное. Ну да. Страшно. Мы-то, считай, уже мертвые. А им еще пожить хочется.

– Не трогать их! – перекрывая шум, проревел Водимир. – Не трогать! Они – мои гости!!!

Надо полагать, Водимир оценил возможные потери и призадумался. Да, расклад – минимум тридцать к одному не в нашу пользу. Но мы – это мы. И на каждом из нас полный доспех, а его бойцы – кто в чем. Большая часть – в одних рубахах (лето же!), без щитов, а многие даже без настоящего оружия. И лучников я что-то не вижу. Не подготовился Водимир. Или ожидал, что мы сразу поднимем лапки? Зря.

Команду «не трогать», я думаю, его парни восприняли позитивно. Особенно те, кто был в первых рядах. Кое-кто гавкнул для виду...

И только обиженный нами купец приказ князя проигнорировал. Выхватил меч и с воплем: «Бей их, люди!» – ринулся в атаку.

И кровь едва не пролилась, потому что за купцом сунулась «группа

поддержки». Еще с полдесятка бойцов...

Выручил Палица. Купец-то бросился на меня, но по пути оказался в досягаемости берсерка...

И схлопотал от него могучего пинка.

Хавгриму почему-то показалось забавным: не убить купца, а поддать ему ногой, как наглой шавке.

Хорошо получилось. Купец отлетел на пару метров и плюхнулся на задницу аккурат перед князем. Меча, надо отметить, не потерял. И на ноги вскочил тут же... Но подшибленная Хавгримом нога (не просто так ударил, а в нужное место) предательски подвернулась, и купец вновь оказался на пятой точке.

– Взять его! – рыкнул Водимир.

Пара ближайших гридней прихватила героя. Меч отняли, еще и по шее двинули. «Группа поддержки» вмиг утратила воинственный пыл.

– Сними шлем! – внезапно потребовал Водимир.

Это он мне, что ли? Нашел дурака!

– Сними шлем, Ульф Свити! Боишься показать лицо?

– А то ты его не видел... – проворчал я. А, хрен с тобой, золотая рыбка. Снимать шлем я не стал, сдвинул на затылок. Вернуть его в прежнее положение – секундное дело.

Водимир уставился на меня так, будто я потребовал руки его единственной дочки. Секунд двадцать протирал глазами дырку у меня во лбу... Потом вздохнул глубоко, нахмурился и буркнул:

– Так и есть. – А потом, во всеуслышание: – Вы – мои гости. И по обычаям я не могу вас наказать. Однако в моей дружине вам тоже не быть! Все слышали? – Князь еще возвысил голос. Теперь он гремел, будто в битве: – Но кровь требует мщения, и я спрошу за нее! Спрошу не с вас! Виру за убитых я возьму с вашего князя! Так ему и скажете, когда вернетесь! А теперь убирайтесь!

– Ты сказал, – кивнул я, бросив своим негромко по-скандинавски: – Будьте готовы. – И шагнул вперед. Теперь между мной и Водимиром – шагов семь. Хороший бросок – и я его достану.

– Мы уйдем, когда здесь будет мой сын! – Еще один шаг вперед. Я глядел на Водимира в упор и надеялся, что он прочтет в моих глазах посып: «Или он будет здесь, или я начну убивать. Прямо сейчас. Тебя, если получится».

Отступать князю было некуда. Слева, справа, позади – его гридни. Да и стыд-то какой – отступать перед тремя, когда вокруг тебя – сотня бойцов.

Вдоводел смотрит в горло Водимира, прикрытое лишь бородой. Если

придет Волк – я его достану. Гридни не успеют его прикрыть.

Ни хрена он не испугался. Усмехнулся чуть: ну, ну, попробуй. И совершенно неожиданно для меня гаркнул:

– Привести сюда мальчишку! Немедленно!

– Но, княже... – начал было Турбой.

– Немедленно! – бешено прорычал Водимир.

Нет, дело не только в законах. Здесь что-то еще, что-то личное.

Воевода буркнул ближайшему гридню... И буквально через несколько минут Вихорька привели.

Вид у парня был не то чтобы свежий. Глаз заплыл, на щеке – ожог, губы – всмятку. Но – живой! Идет сам, даже не хромает, и вид гордый. Сразу видно: за Вихорька еще не успели взяться всерьёз. Не сломали.

Более того, они принесли даже его боевой пояс с мечом, который и вручили Гагаре, потому что мои руки были по-прежнему заняты оружием.

Вспышку радости я безжалостно подавил. Еще не вечер. Мы по-прежнему в окружении врагов. Даже если Водимир решил формально соблюсти закон гостеприимства, то действие его закончится, едва мы окажемся за окопицей. И что тогда?

Тогда и будем решать.

Гуннар одним движением меча освободил Вихорька от пут и надел на парня пояс. Сам Вихорёк не смог бы – руки онемели. Зато он уже вовсю лыбился разбитыми губами:

– Отец! Я им...

– Позже, – перебил я по-скандинавски. – Палица, есть в нашей комнате что-то, за чем следовало бы вернуться?

– Ничего такого, что стоило бы жизни, – отозвался берсерк.

– Тогда мы уходим. Немедленно.

И произнес по-русски:

– Вижу, ты чтишь законы, князь! И вспомню об этом, если нам доведется встретиться вновь.

– Прочь с моих глаз, пока я не передумал! – рявкнул Водимир.

Мы развернулись и двинули со двора.

Вышли мы без помех, но я не обольщался. Я успел заметить, что князь не сдвинулся с места. Сидит, ухмыляется. А вот Турбой кричит, суетится, а дюжины три дружинников ломанулось к гриднице, а еще с десяток – к конюшням.

– Бежать сможешь? – спросил я сына, когда мы шли через посад.

– Ага.

– Отлично. Палица, Гагара, думаю, так просто нас не отпустят.

Догонят и постараются захватить или просто убить.

– Пускай! Они увидят: мы тоже умеем убивать! – заявил берсерк.

– Их будет не меньше полусотни, и у них будут луки, – напомнил я. – Если нас догонят, на славную битву не надейся. Так что едва дорога повернет – бегом.

– У них будут не только луки, но и лошади, – заметил Гагара.

– Полумилей дальше по дороге будет брод через речушку, которая впадает в Волхов, – сообщил я. – Главное – успеть туда раньше погони.

– И что потом?

– Увидишь!

Глава 31

Бегство

Речка – это громко сказано. В это время года – скорее ручей. И мы как раз добрались до него, когда услышали лай собак. Охотники приближались. Охотники за нами.

– В воду, – распорядился я.

Следующие полмили мы бежали, то оскальзываясь на подводных камнях, то увязая в иле. Гагара и Хавгрим подхватили под руки Вихорька, когда тот начал сдавать. На нашей скорости это особо не сказалось. Как всегда, главным «тормозом» был я.

– Сюда! – скомандовал я, обнаружив подходящее место: излучину, с внутренней стороны которой – типичное подсохшее болото. – Нет, парня оставьте здесь!

Вихорёк решил, что мы его бросим: сделал мужественное лицо, но я его обнадежил:

– Ложись и отдохай! Мы скоро вернемся.

Болотце было небольшим – метров четыреста в ширину, а глубиной максимум – по колено. Не топь, а грязюка, и то не везде. Мы форсировали его бодрой рысью и выбрались на сухое.

– Теперь разбегаемся, а потом возвращаемся сюда же.

Моим бойцам ничего дополнительного объяснять не нужно. Прием для запутывания следов – самый обычный. Главное – правильно «подвесить след», а потом аккуратно вернуться. Так, чтобы опытный следопыт ничего не заметил.

Я усложнять не стал: пробежал метров двести – до какого-то оврага, потом свернул, заложил петлю, возвратившись на собственный след, и задом наперед, ставя ноги в собственные отпечатки, допятился до болота, где уже ждал меня Палица. Гагара появился через пару минут – в другом месте, но тоже двигаясь спиной. Молодец вообще-то. Вспомнил, что нас – четверо.

Сложным был момент, когда мы пересекли болото в обратном направлении и вышли к речушке. Вот тут наследить было – запросто. Но я уповал на то, что преследователи действуют традиционно, то есть пустили собак (а лай-то уже совсем близко!) по обе стороны ручья, отслеживая место, где мы выберемся на сушу. Найдут, обрадуются... И затопчут всё в

кашу. Тем более они на лошадях...

Мы спустились ниже по течению и залегли. С той стороны ручья, где болото.

Ну да, всё, как я и надеялся. Две группы по берегам, а основной отряд – по руслу. Лошадей ведут на поводу. Разумно.

Наш болотный след, естественно, обнаружили легко. Но двинулись по нему не сразу и не все. Командир у них был толковый, похоже... Сообразил, что мы могли и разделиться. Сообразил – и отправил вниз по течению человек десять с парой собачек. Они бодро прошлепали мимо нас... По другую сторону речушки! Нет, не такой уж он и сообразительный, этот командир. Послал небольшой отряд и только по одной стороне, а вся остальная братия, по моим прикидкам не меньше полусотни, форсировала болотце.

– Догоним и убьем? – азартно шепнул Гуннар, показав в сторону малого отряда.

Я покачал головой:

– Нет. Нам в другую сторону.

Три пары глаз уставились на меня.

Вихорёк сообразил первым:

– Долго же они нас будут искать!

– Если клювами щелкать не будем!

Идиому не поняли, но смысл дошел.

Когда поисковый отряд номер один, обшарив округу по ту сторону болотца, убедился, что нас там нет, и сообщил об этом гнусавым звуком охотничьего рога, мы уже добрались до моста.

– Что дальше, хёвдинг? – поинтересовался Палица.

– Мне многие говорили, что ходок из меня неважный.

– Так и есть! – хохотнул Гуннар.

– Я плохо хожу, зато ты, Гагара, отлично гребешь. Поэтому мы...

– Украдем корабль? – догадался норег. – Как Трувор?

– Корабль? Зачем тебе корабль? У тебя что – десять рук? Хорошей лодки будет довольно.

Но захватили мы всё-таки корабль. Пусть маленький и речной, но всё же покрупнее лодки. И грести норегу не пришлось, потому что судно мы захватили вместе с экипажем.

В общем, повезло.

В прибрежной полосе болталась прорва народу: военных и штатских.

К нам это не имело отношения. Обычная жизнедеятельность.

Мы до заката просидели в каком-то сарае и уже приглядели подходящее суденышко для угона, когда Вихорёк в сгущающихся сумерках, когда деревянная пристань практически обезлюдела, высмотрел отшвартовывающийся кораблик румов на шесть.

Снаряженное для плавания судно – это же отлично! И добычу поднимем, и пожрать найдется. День был насыщенный, а еды у нас с собой – ноль.

– Берем, – решил я. – И вот что: не убивайте никого пока. И помалкивайте до времени.

Рванули с низкого старта и успели в самый последний момент: суденышко уже отваливало.

– Стой! – заорал я еще на подходе. – Боярин велел!

Уточнять, что именно велел боярин, я не стал. На кораблике замешкались, и нам хватило, чтобы оказаться на борту.

– Ну, чего велел боярин? – сунулся ко мне бородач в кожаной шапке-ушанке.

– Мы с вами идем, – заявил я. – Ты – рулевой?

– Не-а. Вот он, – бородач мотнул головой в сторону кормы. – Я – холоп боярский. Главный тут. А ты кто?

– А тебе это знать ни к чему, – отрезал я. – Пожрать дай чего-нибудь. Голодные мы! На-ка тебе – за прокорм! – И сунул бородачу серебрушку.

– А далеко ль пойдете с нами? – деловито поинтересовался боярский холоп. – До Ладоги? Так до Ладоги – маловато будет.

– Сочтемся, – пообещал я. – Эй вы, что заснули? Весла в воду!

Командирский голос сработал. Мы отошли от причала. Весла убрали, попутный ветер надул парус. Кормчего, похоже, темнота не смущала. Двигались мы довольно быстро.

Бородач организовал нам перекус. Нешибко щедрый. Каменной твердости лепехи с медовым вкусом и воду из реки.

Вот эти лепехи они потом и жрали до самой Ладоги, когда я объявил им, что судно захвачено викингами.

Впрочем, в Ладоге пришлось их отпустить. Кораблик, как выяснилось, принадлежал не Водимирову боярину, а ладожскому. Своему, типа. А своих грабить как-то неприлично.

Глава 32

Хитрость Водимира

– Ты уверен?

На этот раз «заседание» проходило в узком кругу: только доверенные лица. Из Гостомысловых только сам князь и боярин Бобр. Говорили по скандинавски. И Гостомысл, и Бобр этим языком владели свободно.

– Говорю, что слышал. И часть того, что слышал, уже подтвердились.

– Одного не пойму, – пробормотал Бобр. – Почему он вас отпустил?

– Ты сомневаешься в моих словах? – мгновенно ощетинился я.

– Полегче, Волк! – вмешался Трувор. – Это всего лишь вопрос. Верно, боярин?

– Так и есть. Не серчай, вождь. Я понять хочу. Сначала он вас отпустил, потом передумал и отправил погоню.

– Ульф же вам сказал: гридь Водимира безбронна была по большей части, и лучников не было, – подал реплику Палица. – Мы бы средь них такую жатву собрали! По правую руку от Одина воссели бы!

Прекрасное объяснение. Но я не был в нем уверен. Из-за того, последнего взгляда Водимира. То был не взгляд человека испуганного или обеспокоенного. Уж в этом-то я разбираюсь. Водимир контролировал ситуацию от и до. И я готов поставить марку золотом, что погоня за нами – это не его приказ, а личная инициатива Турбоя. Хотя, с другой стороны, он же не остановил своего воеводу...

– Довольно гадать! – поднял руку Хрёrek. – Что было, то было. Что сейчас будем делать, воины? До праздника – две седмицы. Ждем Водимира на Солнцеворот или нет?

– Мы через четыре дня выходить собирались, – сказал Трувор. – Многие с зимы с родней не видались. Уже и подарки собрали. Но раз такое дело – можем и остаться.

– Если вы останетесь, Водимир не придет, – Хрёrek покачал головой. – У него глаз и ушей в Ладоге больше, чем лягушек на реке.

– Давно пора проредить... – пробасил Ульфхам Треска.

– Своих людей резать не позволю! – немедленно вскинулся Гостомысл.

– Не надо никого резать! Не вижу смысла! – вставил я.

– Ты, брат, известный добряк! – воскликнул Свартхёвди. – Купца пожалел, а из-за него вас всех чуть не убили!

– Мы знаем многих, кто от Водимира кормится! – гнул свое Треска. – Прижать их да и выведать, что их конунг задумал!

– Я здесь правлю, человек Севера! – гаркнул Гостомысл. – Без моей воли волос с головы ладожанина не упадет!

– А нам шерсть твоих овец и не нужна, – ухмыльнулся Ульфхам. – Только шкура.

– Треска, помолчи! – оборвал его Хрёrek. – Отец! Без твоего разрешения никого не тронут. Обещаю! – успокоил Хрёrek. – Ульф, ты хотел что-то сказать? Говори.

– Я думаю: надо вам уйти, Трувор, – сказал я. – Иначе соглядатаи Водимира донесут, что вы остались, и тогда Водимир вряд ли нападет. Будет ждать другого случая, а это нехорошо. Сейчас-то мы знаем о его намерениях, а потом?

– Не дело ты говоришь, Ульф Свити! – не выдержал Гостомысл. – Без варягов нам от Водимира не отбиться!

Наши помалкивали. Они знали меня и знали, что у меня должно быть что-то в загашнике.

– Варяги уйдут, – повторил я. – Но недалеко. Встанем скрытно на реке повыше Ладоги и будем ждать Водимирово войско. У нас несколько драккаров, и драться на воде мы умеем уж точно получше, чем дружинники Водимира. Встретим их на реке и разобьем. А если кто успеет добраться до берега, тех встретят люди князя Гостомысла. У меня всё.

– Придумано славно, – одобрил Хрёrek. – Но пусть тот, кому есть что сказать, говорит.

– Мой брат должен получить две лишние доли добычи за свою придумку! – немедленно заявил Свартхёвди.

– Пять долей! – поднял цену Хрёrek. – Если добыча будет.

– Если, – пробормотал Ольбард.

Я пожал плечами: на войне планы и их практическая реализация – далеко не одно и то же. Потому надо рассмотреть все возможные варианты.

И мы их рассмотрели. Учли даже возможность того, что часть флотилии Водимира может проскочить мимо нас в Ладогу.

К сожалению, истинный план Водимира в список рассмотренных не вошел.

Дружина Водимира налетела на Ладогу ранним утром.

И Ладога, увы, оказалась беззащитна – не было ни дружины Хрёрека, ни значительной части бойцов Гостомысла.

Мы ждали Водимира на Волхове, а он прошел сушей. Да еще круговой дорогой.

Плохо, когда в стане противника нет твоих соглядатаев, а у него в твоем – есть.

Ладога легла в руки Водимира, как спелый персик.

От всей Хрёrekовой дружины – три зеленых, как июньские яблоки, отрока.

Дружина Гостомысла...

Этих осталась примерно половина. Остальные под предводительством Бобра были с нами.

Хорошо хоть Гостомысл со своими успел запереться в крепости. Хорошо, что крепость к осаде всё же подготовили, поскольку вероятность того, что войско Водимира окажется сильнее нашего – допускалась.

Жена Хрёрека, Светозара, вместе с челядью тоже успела укрыться в крепости. А вот семьи большинства ладожан – нет. В целях секретности рядовых граждан никто не предупреждал о возможном налете.

Вот ими-то и занялись люди Водимира, когда стало ясно, что с ходу ладожскую крепость не взять, даже с учетом почти десятикратного превосходства в численности.

К тому же грабить куда привлекательнее, чем лезть на стены без подготовки. Грабить вообще весело. Любимое развлечение победителей. Грабить, насиливать, убивать. И Водимира гриль веселилась вовсю, невзирая на то, что ладожские – одного с ними языка. Оно и проще, когда язык – общий. Легче выпытывать, где деньги запрятаны.

Разграбили, как потом выяснилось, и мой недостроенный дом. Богатств в нем особых не было – мы ж не дураки: деньги в открытом доступе хранить. Так что дом не столько разграбили, сколько запакостили. Из наших при этом никто не пострадал. Весь мой маленький хирд был со мной.

О том, что случилось в Ладоге, мы узнали от Хрёrekова отрока. Вьюноши, которому не удалось поспеть в крепость до того, как там затворили ворота.

Паренек выжил, потому что ухитрился забраться на крышу терема и пересидеть там до темноты.

И он всё видел.

Как потрошили Ладогу.

Как люди Гостомысла попытались сделать вылазку – и едва не поплатились. Водимир оказался не дурак: оставил поблизости от ворот

заслон сотни в три бойцов. В результате вылазки численность защитников крепости сократилась на четверть. Счастье, что ворота удалось отстоять и запереть.

Больше Гостомысл наружу не лез. Наблюдал с башни, как враг изничтожает его столицу, и, надо полагать, скрипел зубами от бессилия.

В переговоры вступить не пытался. Да и не с кем было.

Так прошел день.

Когда стемнело, Хрёrekов отрок спрыгнул на оставленную у стены телегу с сеном, перелез через частокол, украл чью-то лошадь и дернулся из города. Он успел отмахнуться от трех поприща, когда его перехватил варяжский дозор.

Глава 33

Княжий совет

Ночной совет был собран немедленно.

Начали с того, что в захвате Ладоги обвинили меня. Мол, план был мой, моя и ответственность. Старшие дружинники Гостомысла разорались, как чайки на птичьем базаре. Их можно было понять: у многих семьи в Ладоге и что с родней – неизвестно.

Кто-то даже рискнул упрекнуть меня в сговоре с Водимиром. Жаль, не разглядел, кто именно. Уж я бы ему язык укоротил.

Унял крикунов Бобр. Напомнил, что ответственность несет тот, кто принимает решение. То бишь наши князья.

Тема была закрыта, и совещание перешло в конструктивное русло.

И тут меня здорово удивили. Я-то полагал, что мы всей силой немедленно двинем на выручку Гостомыслу. Но этот вариант отстаивали только люди ладожского князя. Притом не все и без особого энтузиазма. Остальные...

Блин! Наверное, я никогда не пойму психологии жителей Средневековья. Совсем недавно тот же Хрёrek поставил интересы жителей Ладоги выше интересов собственного хирдмана, то есть меня. А теперь – пусть грабят и режут на здоровье, так получается?

И резкая смена политического вектора вызвана не чем иным, как все теми же бабосами. И озвучил основополагающую идею не кто иной, как Хавгри姆 Палица. В самом начале совещания. И это было первое, что он сказал, когда услышал сообщение отрока-информатора.

– Ха! – воскликнул берсерк. – Вот так удача! Получается, в новом гарде Водимира-конунга воинов не осталось!

И нахмуренные чела наших вождей – как же, пропустили Водимира в Ладогу! – мгновенно разгладились. Провал операции превращался в нечаянный успех.

Полчаса обсуждения – и защитники спасательной операции вдребезги разбиты сторонниками встречного грабежа.

Я помалкивал. Мне было интересно, что скажет Хрёrek.

Князь-конунг тоже отмалчивался. Ждал, когда выговорятся остальные. Выговорились. И пришли к единодушному: немедля идти грабить Новый город.

Но у нас не демократия покуда. Решает вождь.

Хрёrek подождал, пока наступила тишина. И обратился ко мне:

– Мне говорили, что у тебя в дружине, Ульф, один из дренгов когда-то ходил под знаменем Водимира?

– Верно, – признал я.

– Как его зовут?

– Траусти. Но раньше он откликался на Домаслава.

– Траусти... Хорошее имя. А скажи: есть у него родня в Новом Городе?

– Думаю, да, а что?

– А как думаешь: примет ли его Водимир, если твой дренг захочет вернуться?

Не понял. Он что, в шпионы моего бойца наметил?

Нет, не в шпионы.

План Хрёreка оказался покруче.

– К Новому городу Водимира мы не пойдем, – огорчил он своих «офицеров». – Сейчас. И к Старому тоже. Я не хочу грабить. Я хочу править. И помеха у меня одна – князь Водимир.

– И его дружины, – напомнил Ольбард.

– И его дружины, – согласился князь-конунг. – Если их разбить, то Новый город Водимира и всё, что при нем, станет нашим. Без добычи не останемся. Главное – разбить Водимира.

– Легче сказать, чем сделать, – пробормотал кто-то из Гостомысловых бояр. – Дружины Водимира – втрое больше нашей.

– Что с того? – влез Медвежонок. – Да я один десяток таких положу!

– Помолчи, Свартхёвди Сваресон! – недовольно произнес Хрёrek. – Побить мы их, может, и побьем. Да много ли нас после этого останется? Те из вас, кто давно со мной ходит, знают: когда-то у меня был сильный хирд, несколько боевых кораблей, сотни храбрых и умелых хирдманов... Я помню каждого из них! Каждого! И будь они здесь, Водимир без боя отдал бы мне меч! И я не хочу потерять вас так, как я потерял их. А это случится, если мы схватимся с Водимиром сила на силу. Кто бы ни победил, он будет в проигрыше. Без сильной дружины землю не удержать.

Хрёrek умолк. Оглядел присутствующих. С ним никто не спорил. Все ждали, что предложит вождь.

– Мы хотели взять его врасплох здесь, на реке, где мы сильнее, – сказал Хрёrek. – Не получилось. Водимир нас перехитрил. А теперь мы попробуем перехитрить его. Вот почему я спросил о твоем новом дренге, Ульф Свити. Как ты думаешь: если он прибежит к Водимиру и скажет, что мы идем грабить его град, как поступит Водимир?

– Если поверит, то, скорее всего, покинет Ладогу и поспешит спасать свой город, – ответил я. – Если поверит.

– Надо, чтобы поверил, – веско произнес Хрёrek.

Ага. Можно сыграть паренька втемную. Пусть думает, что мы и впрямь двинулись к Новому городу. Сам он доносить Водимиру не побежит. Но если я намекну, что это и мое желание...

Допустим, Домаслав-Траусти придет к Водимиру и передаст, что услышал от меня. Кто гарантирует, что Водимир не устроит парню проверку? Допустим, проверку он выдержит, потому что и сам уверен в том, что скажет правду. Но я-то знаю, что здесь вместо детектора лжи. После такой проверки испытуемому две дороги: либо в калеки-нищие, либо на кладбище. Но даже если Водимир просто поверит парню на слово, а это возможно, потому что мотивация у Домаслава-Траусти будет сильная. Даже если поверит, всё равно велит кому-нибудь за парнем присматривать. И когда начнется заварушка, парня, скорее всего, тут же убьют. Как предателя. С точки зрения полководца – нормальный вариант. Пожертвовать одним человеком, чтобы завалить пару сотен. Но я, похоже, не полководец. Если бы речь шла обо мне...

Что ж, я уже был в аналогичной ситуации, когда сыграл для Рагнара Лотброка роль «засланного казачка» при французском короле Карле Лысом и взял с собой в качестве «оруженосца» Вихорька... И мы оба в итоге оказались в пыточном подвале короля Франции. Ушли только потому, что повезло. Ну и я молодец, конечно.

Отправил бы я на аналогичное задание Вихорька в одиночку? Да никогда! И Домаслава-Траусти не отправлю. Он – мой человек. Жизнь его принадлежит мне. И хрен я ее отдаю ради стратегического преимущества!

– Нет.

– Что – нет? – уточнил Хрёrek.

– Мой человек к Водимиру не пойдет.

Хрёrek с полминуты давил меня взглядом, но настаивать не стал. Понял, что ответ продуман и заднего хода я не дам.

– Князю своему перечиши? – подал голос кто-то из Гостомысловых.

Я глянул на крикнувшего, и тот заткнулся. А я встал, подошел к Хрёrekу вплотную и прошептал:

– В Альдейгье у Водимира было больше соглядатаев, чем блох на дохлой крысе. Думаешь, здесь их нет?

Конунг отстранился, зыркнул исподлобья... И кивнул:

– Твой человек, Ульф. Тебе решать.

– Да, мне, – подтвердил я.

– А город Водимира брать пойдешь, Ульф-хёвдинг? – неожиданно предложил Хрёrek.

– С удовольствием!

Мгновенно поднялся шум. Город Водимира хотели брать все.

И тут Хрёrek-конунг, вернее, князь Рюрик показал, что навыков полководца не утратил.

– Вы уходите прямо сейчас, – распорядился он. – Сушей. Мы все тоже пойдем. Но водой. Трувор, дай Ульфу из своих молодых два десятка.

– Ольбард! – встрепенулся главный варяг.

– Нет! – перебил Хрёrek. – Ольбард мне нужен. Дренгов ваших Харра поведет. С Ульфом не пропадут, я думаю.

– Остальным – собираясь. Выступаем по готовности.

Наша готовность наступила через полчаса. И двинулись мы быстро, потому что нам отдали всех лошадей.

Прочее воинство собиралось значительно дольше и только к рассвету погрузилось на корабли и неторопливо двинулось вверх по Волхову. Однако далеко не всё войско.

А еще раньше ладожская армия, как я и предполагал, кое-кого недосчиталась.

План сработал. О том, что ладожское войско собирается ограбить его базу, Водимир узнал из более надежного источника, чем мой дренг Траусти.

Глава 34

Ночной бой

В город вошли без проблем. Мы с Палицей перемахнули через стену без малейших помех. Там – разделились. Хавгри姆 – ворота открывать, а я – в сторожку. Стража привратная была ну совсем зеленая. Уставились на меня, как овцы на забойщика. Один рот раззявили и замер в оцепенении, второй только глазами лупал и бормотал что-то типа: «не бейте меня, дяденька...» Даже не попытался заорать, оповещая своих о вторжении.

И правильно, что не пытался. Я бы тогда его убил. А так тюкнул по макушке плоскостью Вдоводела сначала одного, потом второго и вышел наружу как раз тогда, когда там уже собралось мое невеликое воинство.

– Ну что, хёвдинг, будем ждать Хрёрека или сами Водимирову крепость возьмем? – поинтересовался Харра.

– Я думал, ты поумнее, Стрекозка, – хмыкнул Свартхёвди. – Не придет конунг. Водимира ждать будет на перехвате.

– Ты сильно умный! – фыркнул варяг. – Здесь, за стенами, его куда сподручней бить было бы.

– Вот я и говорю: рано тебя хускарлом сделали, – заявил Медвежонок. – На стены он и не попер бы. Отошел и ждал, изголовившись, когда мы сами наружу вылезем. Выходит, нам с ним так и так в поле биться бы пришлось, а для засады, чтоб ты знал, лучшего времени и места нет, чем когда вражье войско со всех ног мимо тебя спешит дом свой оборонять.

– Умно! – признал Харра.

– То-то! Учись, малый, пока жив!

– Если вы наговорились, то давайте двигаться, пока всех собак здесь не разбудили, – вмешался я в познавательную беседу.

– Тремя десятками – на Водимирову крепость?

– Стрекозка! Что с тобой? Когда мы крепость франков брали, нас, помнится, всего девять было. Не боись! Телят твоих на стену умирать не погоним!

– Если хёвдинг велит, я на стену хоть в одиночку пойду!

Это кто у нас такой храбрый? Ну да, сынок Трувора, разумеется, понимает по-скандинавски.

Договаривали они уже на бегу. Сколько бы народу ни оставил Водимир на своем подворье, лучше застать их сонными, а не с луками на

стенах.

В крепости было тихо, если не считать негромкой переклички часовых. Судя по голосам, их было четверо и располагались они по углам крепости. Но я подозревал, что этой четверкой численность охраны не ограничивается. Мне помнилось: у ворот тоже парочка имелась. И тот отрок у калитки, что выпускал меня искупаться.

Мои бойцы уже приготовились сооружать «живую лестницу» – для крючев с веревками стена была высоковата. Я сделал знак: погодите. И двинулся к калиточке. Вдруг удастся проникнуть внутрь дуриком?

Ну-ка...

Я пнул пару раз калитку и, услыхав, как с той стороны завозились, отбарабанил заковыристый ритм.

Нет, не сработало. Не открылся сезам.

С той стороны откашлялись и поинтересовались хрипло:

– Кого там мавки пригнали?

– Я это! – невнятно буркнул я. – Открывай давай!

– Я – это кто? – не повелся хрипатель. – Имя назови или проваливай.

К этому вопросу я был готов.

– Задорей, ешь тя опарыш! Отпирай, пока не осерчал!

– Задорей? А мы думали: ты сбег...

Калитка отворилась, и сторож, приземистый дядя с седой бородой, уставился на меня.

– А где Задорей?

Сильный вопрос.

– Там, – показал я на небо и двинул дядю рукоятью Вдоводела промеж глаз. Потом отодвинулся, пропуская Палицу и Гуннара. Скандинавы в темноте видят лучше меня, а территория им тоже знакома.

– Медвежонок, Скиди, Тьёдар, Гуннар – зачистите стены, – прошептал я, очень надеясь, что наш с дядей диалог не встревожил стражу на стене. – Тови – ты с ними. Брат, как закончишь – крикнешь свой. И сразу – в княжью часть терема. Гуннар покажет, где. Харра! Когда Свартхёвди даст знак, проверишь двор, конюшни и прочее. Палица, на тебе – большой дом воинов, гридница, по-здешнему. С тобой – Хавур, Тови и Траусти. Присмотрят, чтоб не сбежал никто. Виги, ты со мной в караулку. Начали!

Свартхёвди и его тройка разбежались к башенкам – снимать часовых, а я с приемным сыном вломился в караулку...

И никого! Это что же? Дядька ворота в одиночку сторожил?

Не совсем.

Из-под лавки на меня с рыком кинулась здоровенная, размером с ирландского волкодава и такая же лохматая псина. Я сбил ее на лету, но неудачно. Завизжала, как зацепившая гвоздь циркульная пила.

Всё. Конец режиму молчания. С дальней стороны двора тут же залилось лаем еще несколько собак. В конюшне заржали кони...

– Чужие! К оружию! – завопил часовой на дальней башенке. Другой подхватил и тут же захлебнулся воплем боли.

Из казармы выскочил бронный с факелом в руке...

И повалился, сбитый стрелой. Факел очень удачно угодил в дровяной штабель у кухонного котла. Дрова занялись.

Еще один факел, брошенный со стены, описал дугу над подворьем, озарив его не хуже ракеты, высветив кучку растерявшихся молодых варягов и бегущего к дверям казармы Хавгрима, за которым с трудом поспевали Хавур, Тови и Траусти.

Еще я увидел Бури, сбившего со стены того, кто метнул факел, и наложившего новую стрелу.

И двоих людей Водимира – на княжьем крыльце...

– Бей чужаков! – завопил кто-то. – Их мало совсем!

Чёрт! Все пошло наперекосяк!

Штабель, в который угодил факел, выметнул в небо яркое пламя как раз в тот момент, когда из дверей казармы выплеснулась толпа воев, мгновенно превратившаяся в боевую линию...

В которую с разбега врезался Хавгри姆, прорвал центр и ворвался в двери казармы. Что там происходило внутри, я не знал, но догадывался. Мясорубка.

Те, кто оказался снаружи, три десятка как минимум, на помощь своим не бросились, а рысцой, сдвинув щиты, покатились на тройку моих молодых, которые сначала опешили, а потом решили принять бой.

– Хавур, Тови, Траусти! Назад! – заорал я, уже понимая, что теряю контроль над ситуацией. Командир, блин!

– Хавур! Назад! Ко мне!

Вот же гадство! Из княжьего флигеля тоже вывалил народ. Человек десять.

Но это мелочи. Главная опасность – те, кто успел выйти из гридницы и построиться. Я увидел, как заиграло пламя на умбонах красных щитов, и линия двинулась вперед. Но хуже того – из-за спин щитоносцев полетели стрелы. Главным образом – в Бури.

Азиат отреагировал правильно, укрылся за колодой-поилкой. Из игры его временно выключили.

Выключили – и перенесли огонь на варяжский молодняк...

Который, впрочем, успел из ватаги тоже превратиться в правильный строй, укрывшись за щитами. Харра – молодец, а вот я – не очень. Где мои бойцы? Где Медвежонок?!

Ответ на мой вопрос дали вражеские лучники. Они сменили цель. С варягов на бегущего через двор одиночку. Моего брата.

Вот только попасть по нему было трудновато. Свартхёвди мчался зигзагами и настолько быстро, что стрелки никак не могли угадать с упреждением, а отдельные стрелы Медвежонок ловко сбивал щитом.

Всё. Медвежонок расшвырял заслон и ворвался в терем, мимоходом отправив за Кромку парочку оказавшихся на пути друдинников. Часть выскочивших во двор кинулись за ним. Вперед и с песней, ребята! Остановить берсерка может сплоченный строй опытных воинов. Или несколько не менее опытных стрелков. В остальных случаях разыгрывается партия «Лиса в курятнике».

Так, а где Певец, Гагара и Скиди?

Нет, за Свартхёвди они не кинулись. Они ж не берсерки – под стрелами скакать. Но бойцы опытные. Отреагировали правильно и без моего руководящего участия. Собрали щитовую линейку, включив моих отступивших дренгов, и приготовились встретить многократно превышающего числом противника.

А вот варяжская молодежь что-то тормозит. Самое время мне поработать хёвдингом.

– Вихорёк! В сечу не лезь! Бей стрелами! – крикнул я и бросился к варягам.

Однокая стрела вжикнула перед носом, но я уже рядом с Харрой:

– Что стоите? Уснули? Клином! За мной!

И припустил вперед, надеясь, что строевая подготовка у молодежи – на уровне.

Ждать некогда. Водимировы друдинники уже взяли в оборот шестерку моих хирдманов.

Подготовка у варяжского молодняка оказалась достаточной. Меня словно в спину толкнуло. Я, и не оборачиваясь, почувствовал, что из воина-одиночки превратился в острие тарана.

Когда я впервые увидел, как работает боевой клин викингов, то очень впечатлился. Тогда на его острие шел Хрёrek. Сейчас – моя очередь! Я – вожак! Вожак!!!

– Бегом!!!

Слева – Харра, справа юный Труворыч. Дальше, щит к щиту –

молодые волчата-убийцы.

Жуткий вой, варяжский боевой клич, опередил нас на полсекунды, ввергая в трепет даже сильных духом, а затем мы обрушились на спины Водимировых дружинников. Прямо во фланг, уже загнувшись, нацелившийся охватить, окружить коротенькую шеренгу моих хирдманов.

А тут – опаньки! Как копье между лопаток.

Я рубил с двух рук. Рядом в той же варяжской манере бился Харра. Мы не мешали друг другу. Разве правая рука мешает левой? Здесь не было никого, способного нам противостоять. Дружинники Водимира оборачивались... И умирали. От мечей, мелькающих между щитов. От копий, разящих из-за спин щитоносцев.

Одиночка, если он не берсерк и не великий воин, ничего не может против строя. Перед ним – сплошная стена с металлическими кругляшами шлемов сверху. Стена, которая наваливается на тебя, и вот ты уже хрюпишь и оседаешь, ужаленный сталью, выскоцившей из ниоткуда. Падаешь, а строй движется через тебя, по тебе – к тем, кто еще жив. Пока жив.

Минута – и мы сравнялись числом. Минута – и справа от меня уже не Вильд, а Скиди. Что случилось с сыном Трувора – разбираться некогда. Позже.

Волка моего не было. Но я и без негоправлялся неплохо. Укол Вдоводелом, с выворотом кисти, хлест саблей под край щита – падающего добил Харра. Стрекоза прыгнул вперед, на шаг вырвавшись из строя, хлестнул крест-накрест – голова спрыгнула с плеч Водимира бойца. Разворот с уклоном... В котором нет необходимости, потому что Скиди уже отбил щитом брошенный топор.

Вперед, вперед! Чувствую спиной варяжских отроков. Это хорошо, когда спина прикрыта. И не только спина. Сектор моей атаки – градусов шестьдесят. Главное – не остановиться. Не дать себя зажать. Копье скребет по моей броне. Не удар – тычок. Уклоняюсь уходом вдоль древка. Работая саблей почти как ножом (слишком близко), взрезаю копейщику шею. Кровь хлещет, но не на меня, а на щит Скиди.

Всё.

Впереди – только спины бегущих. Ближайший падает с копьем в шее. Кто-то грохается на колени, бросая оружие, поднимая пустые руки...

Наш строй распадается. Молодые волки устремляются в погоню.

Со мной остаются только Харра и Скиди. Ждут указаний.

Я перевожу дух...

Рано.

Стрела лупит в грудь. Панцирь цел, но синяк точно будет. Еще одну

стрелу я успеваю сбить Вдоводелом и вижу вражеского стрелка, бьющего из окна горницы... И вижу, как во лбу его вырастает цветок черного оперения бронебойной стрелы. Лоб лучника оказался мягче панциря.

Больше никто не стреляет. Ни в нас, ни у нас.

Мы победили. Двор завален телами мертвых и умирающих. Мои вяжут пленных. В княжьем тереме истошно вопят женщины. Мы победили.

У дверей гридницы сидит на земле Хавгрим Палица. Улыбается бессмысленно. Надо думать, в казарме врагов больше нет. Но уточнить не мешает.

– Харра, проверь гридницу!

Варяг зовет своих, и в темный провал гридницы они входят уже вчетвером. Один из четверки – Вильд. Я рад, что он жив.

Я бросаю взгляд на Хавгрима в берсерочьем отходняке и вспоминаю о брате.

– Скиди! Со мной!

Мы подбегаем к княжьему крыльцу... И навстречу вываливается Тьёдар. Тащит за волосы какую-то бабу. Нет, не какую-то. Видел ее на пиру, но не узнал бы, если б она не орала истошно:

– Отпусти меня, нурман! Я – дочь князя Водимира! Он тебя на кол посадит!

Наивная девушка. Как бы ее саму на это самое не посадили.

Тьёдар не понимает словенского. Но понимает, что добыл что-то недешевое.

Хохочет.

Швыряет девушку мне под ноги.

– Возьми ее, хёвдинг! Добрая девка! Ты таких любишь! Дралась, как мужчина. Мечом! Га-га-га!

Княжна попыталась вскочить, но Тьёдар пнул ее, наступил на спину:

– Берешь? Или я сам позабавлюсь?

– Медвежонок где?

– Кровью упился. Спит. С ним Тови, если что. Остальные наши дом конунга чистят.

Значит, Вихорёк и азиат тоже в порядке. Получается, среди моих потерь нет. Это славно.

Я ошибался, как выяснилось позже. Потери были. Рано обрадовался.

– Девку оставь, – велел я. – Давай к воротам. Запри, возьми дренгов Харры, ставь на стражу. Не хватало еще, чтоб нас застали врасплох.

– Не застанут, – пообещал Тьёдар.

Княжна тихонько лежала на земле. Руки у нее оказались связаны. С

этим у викингов быстро. Что с ней делать? Думаю, лучше приберечь. Как заложника. Мало ли как фишка ляжет...

Глава 35

Лучшая сотня Водимира

Фишка легла на ребро. Еще затемно в город ворвалась конница Водимира. Сотня с лишним отборной гриди. Ворвалась, пронеслась с грохотом по улице, ударила о запертые ворота и откатилась, когда со стен полетели стрелы.

Позже выяснилось: это не наши сплоховали, а Водимир оказался молодцом. Пустил основное войско по основной дороге... Где его и приняла засада ладожан. В то время как сам Водимир с ближней дружиной рванул накоротко, по лесным тропам. Не потому, что догадался о засаде. Хотел поспеть раньше, чем Хрёrek. Или хотя бы до того, как крепость падет.

И он успел бы, если бы не мы.

Да и нас он застал почти врасплох.

А мы – расслабились. Крепость далась нам легко. По численности мы с защитниками играли, считай, на равных, а потеряли всего троих. Против двадцати восьми убитых друдинников Водимира. И почти двух десятков взятых в плен.

Это потому что в крепости Водимир оставил далеко не лучших. Стариков и совсем молодняк. На стенах они наверняка сражались бы удачнее, чем в рукопашной.

Среди мертвых – совсем молоденькие пацанчики. Зря они взялись за луки. Могли бы и жить. Половина убитых – на берсерках. И на Бури, который отправил в Ирий семерых.

У нас – трое погибших. Двое юных варягов и Траусти. Может, зря я не отправил его к Водимиру? Вдруг выжил бы?

Что ж, в очередной раз подтвердилось правило: первыми гибнут молодые-необученные.

Как писал когда-то китайец Сун-цзы, непобедимость воина заложена в нем самом.

В самую точку.

Викинга в строю убить можно, только если он сам даст слабину. Или – из осадного орудия. Или с помощью орудия живого – безумца-берсерка. Да и то не факт. Вот поэтому такие, как Гуннар Гагара, проходят через десятки

битв, а Траусти-Домаслава убили в первой же настоящей сече.

Однако непобедимость – не бессмертие.

Глядя в темноту с заборола крепостной стены, я понимал – легко не будет.

Это большая удача, что мы успели закрыть ворота и на стенах оказалось с полдюжины воинов.

Сейчас по ту сторону ворот не сборная солянка из ограниченно годных старых и молодых, которую оставил дома Водимир, а его ближняя дружина. Элита. Как минимум сотня вояк уровня покойного Задорея, а то и выше.

Они накатились на крепость, как раз когда варяги заводили в конюшню последних коней.

Накатились, уткнулись в запертые ворота и отступили, не оставив на земле ни одного тела.

Я не знал тогда, как Водимирова гридь сумела пройти мимо наших. Но и мысли не допускал, что Хрёrek разбит. Значит, от нас требуется лишь продержаться некоторое время.

Но это будет нелегко. Противник у нас очень серьезный.

Когда я взобрался на забороло, выглядывать за зубцы было уже рискованно. Гридни Водимира спешились, распределились по крышам и иным укрытиям и принялись обстреливать нас с удивительной для ночного времени меткостью. Двое варяжат получили серьезные ранения. Третий, Вильд, отделался расцарапанной щекой. Пройди стрела чуть левее – не было бы у Зари брата.

А еще я отчетливо слышал стук топоров. Очень характерный звук, когда по ту сторону запертых ворот расположились желающие их открыть. Действие понятное, но как-то уж слишком быстро они принялись за дело. Совсем немного времени прошло с тех пор, как Водимировы дружины уткнулись в запертые ворота – и уже вовсю идет подготовка к штурму. Мгновенная реакция. Воинская элита, блин! Ох, трудно нам придется! Со мной-то всего лишь десяток опытных воинов, причем двое самых лучших – в состоянии берсерочьего отходняка. Плюс пара десятков молодняка, знающего, с какой стороны щита надо стоять, но не многим более. А сколько против нас? В темноте даже не прикинуть толком. Мои сказали: больше сотни. Больше – это сколько? Полторы? Две?

Стрелять по нам перестали. Но мы сидели тихо, не высовывались. Факелы на стене потушили, но всё равно на фоне светлеющего неба любой, кто выглянет – идеальная цель. А для выстрела надо как раз выглянуть... Да и куда стрелять, непонятно.

А топоры стучат.

Что предпримет Водимир? Переговоры? Хочется верить. У нас их семьи, родня. Я ведь запретил убивать пленных. Согнали всех в гридницу и заперли. Еще и кольями подперли для надежности. Если будут переговоры, есть что предложить.

Вот только переговорщиков не видно. Судя по стуку топоров, враги сейчас активно готовятся в атаке. Кстати, а почему – враги?

– Это точно Водимировы? – спросил я у присевшего рядом Вильда.

– Точно, – заверил тот. – Кричали: «Открывай князю!» А еще я знамено Водимира узнал. Жаль, не сбил. Доспех у знаменосца добрый.

– Значит, Водимир – с ними?

– Надо думать, – согласился Вильд. – Князя я не видал. Только знамено.

– Дай-ка щит, – попросил я. Поднял над краем частокола...

И с трудом удержал. Стрела ударила – как кулаком с размаха. Хороший выстрел. На ладонь острие выскочило. И еще две-три выше пропели. Не спят вороги. И прав я: видны мы на гребешке частокола – как овечки на лугу в полдень.

Посоветоваться бы надо...

Не с кем. Братец – в отключке. Палица... Надеюсь, хоть он скоро очухается.

Как защищают крепости, я примерно представляю. Вот только ни смолы горячей, ни кипятка у меня под рукой нет.

– Харра! – окликнул я командира молодежной дружины. – Снимай своих со стены. Пусть тащат наверх всё тяжелое.

– А если Водимировы сунутся?

– Не сейчас. Слышишь, топоры стучат? Делай выводы.

Кто-то вскарабкался на забороло. Бури. Приподнялся, разглядывая что-то между зубцов. Интересно, что он там видит?

Чёрт! Если сунутся с разных сторон, периметр мы не удержим. Может, в княжий терем отступить? Он для обороны неплохо подготовлен. Окна узенькие, двери – единственны... Да еще сверху, с крыши или чердака можно всякую мебель кидать. А мебель здесь – капитальная.

Правда, терем можно поджечь... Нет, вряд ли. Не станет Водимир свой собственный дом губить.

Я хотел позвать Харру и поставить ему новую задачу: укреплять терем, но тут Бури резко выпрямился, раздергивая лук.

Хлопок тетивы, и через секунду – короткий вопль.

И стайка стрел, спевшая над нами обиженнюю песню.

– Интересно здесь!

Это уже Скиди.

– Наши в доме укрепляются, – сообщил он. – Хавгрим сказал: стены не удержать.

Хорошая новость. Палица очнулся. И немедленно начал действовать. И надо же, как у нас мысли совпадают! Хотя я бы предпочел принимать решения сам.

– Что с пленными делать, хёвдинг?

– Пусть сидят в гриднице.

– Я б кое-кого проведал. Можно?

– Скиди, – произнес я проникновенно. – Делай, что тебе сказано, или следующей твоей бабой будет валькирия в Асгарде.

– Нет уж! – засмеялся мой бывший ученик. – У меня здесь, в Мидгарде, еще кой-какие дела остались.

Спрыгнул с заборола и умчался. Надеюсь, не к пленницам.

На стене, на всем ее протяжении, остались только мы с Бури. Азиат работал – перемещался вдоль стены, время от времени выпускал стрелу. А я сидел на корточках, глядел в щель, в темноту, и по стику топоров пытался понять: скоро ли наши враги закончат подготовку и навалятся?

И тут во дворе заорали. Мои. В общем хоре выделялся голос Тьёдара.

– Враги! – вопил скальд. – Враги! Все сюда!

– Бури, оставайся на стене! – велел я, спрыгнул, кинулся к воротам...

И практически сразу напоролся на чужих. Двое бронных возились с засовом. Услышали меня, приняли в копья.

«Откуда они взялись? – думал я, механически отмахиваясь и уклоняясь от жал. – Плохо двор зачистили? Нет, вряд ли. Эти двое – из тех, кто прискакал сейчас. Лошадиным потом от них так и несет. И с оружием управляются отменно. Не молодняк – гридни».

В тереме ревели несколько десятков глоток, лязгало железо. Меня это, понятное дело, нервировало.

Оп! Противник попытался уколоть меня в ногу, а я очень удачно наступил ему на копье, выведя из равновесия, подбив щит и атаковав в нижний уровень. Достал, причем хорошо. Враг вскрикнул и начал падать мне под правую руку. Второй швырнул копьем поверх соратника, причем «провалил» выпад и я, выпустив саблю, повисшую на шнуре, перехватил древко пониже «трубки». Дернул от души, гриденъ зацепился за падающего приятеля и тоже повалился, а я по-простому, с размаху, рубанул его по загривку. Клинок увяз в кости. Пришлось упереться, чтобы освободить... И – резкая боль в голени!

Ах ты ж, собака бешеная! Это первый изловчился. Ну, молодец! Раненый, придавленный тушкой соратника. Я упал на спину, кувыркнулся через плечо, встал. Моя нога болела, но держала. А вот у моего противника – нет. Он попытался встать – и сразу завалился на бок. Добивать я не стал. Меня больше собственная нога беспокоила. И то, что происходило в княжьем домике.

Но сначала – нога. Штанина повлажнела, но кровь всё же текла, а не лилась ручьем. Это обнадеживало. Однако и поверхностная рана может вывести из строя, если не принять мер. Вытянув из поясной сумки льняную тряпку, замотал ногу прямо поверх штанов, затянул потуже. Сейчас главное – кровь удержать. Лечить будем после победы. Или медпомощь уже не понадобится.

Из терема раздался жуткий берсерочий рёв, враз перекрывший прочие вопли.

Так, терем может и обождать. Тем более что в крепостные ворота ломились снаружи и орали грозными голосами на тему: «открывайте по-хорошему».

Нет уж, ребятки. Отпирать я вам не стану.

Взобравшись на стену, выглянул аккуратно… Ого! Да тут целая толпа! Вернее, войско. И, кажется, лестницу ташат…

Уже не ташат.

Первый свалился. Двоих других не удержали лестницу. Звонкий щелчок тетивы в десяти метрах от меня – и лестница опять оказалась на земле.

Бури. Посветлело достаточно, чтобы уже и я мог что-то разглядеть.

Азиат был спокоен, как слон. Его не интересовало, что происходит во дворе или в княжьем тереме, где не стихал бой. Бури аккуратно вынул из бревна воткнувшуюся стрелу, наложил на тетиву, выпрямился резко, выстрелил – и обратно за зубцы.

И тут же позицию сменил, оказавшись уже рядом со мной.

– Плохи наши дела, вождь?

– Пока не знаю.

Бури покачал головой.

– Вождь должен знать, – произнес он укоризненно. – Сейчас начнут ворота рубить. Уходим?

– Да! – решил я. – В терем!

– Там воюют, – напомнил Бури.

– А у нас есть выбор?

– Туда, – показал азиат за стену. – Они все здесь, под воротами. Можем уйти.

– Нет. Я своих не брошу.

Бури промолчал.

Ворота уже рубили. Я выглянул... Не достать. Рубщиков прикрывали массивные деревянные щиты. Кипяточком бы их...

Я хотел соскочить со стены, но нога напомнила о себе, и пришлось воспользоваться лестницей. Прихрамывая, я потрусили к терему. Бури держался у меня за спиной...

Но на опасность первым среагировал именно он: у моего уха свистнуло, и вознамерившийся меня уокошить боец рухнул со стрелой в глазницу. Трое его приятелей, которые уже вылезли из колодца, мгновенно прикрылись щитами. Четвертому, который только-только поднял голову над срубом, стрела ударила в шею, и он свалился обратно.

Что ж, одной тайной меньше. Теперь я знаю, откуда на подворье взялись нехорошие парни.

Ну, ребятки, втроем на одного – это нечестно. Хотя о чем я? Вас уже двое. Третий заполучил стрелу, едва попытался достать меня копьем.

Еще одна стрела расщепила край щита, за которым вовремя укрылся его приятель. А вот от Вдоводела боец спрятаться уже не успел. Две ноги минус одна нога – неизбежное падение. Последний с яростным воплем бросился на меня. Я пропустил, ушел с линии атаки и с оттягом рубанул саблей вдоль спины. Добавки не потребовалось.

Хлесткий щелчок тетивы – и еще один выползень ухнул вниз. В колодце хлюпнуло.

А в тереме вроде стихло. Вопрос: кто победил?

Сейчас узнаем. Я похромал к строению, Бури остался около колодца. Надеюсь, он успеет свалить, когда Водимировы пацаны взломают ворота.

У входа в терем – трупы. Наши, из варяжского усиления, и несколько чужаков. Двери в терем – настежь. Я взобрался на крыльцо, оглянулся...

Светало. Во дворе – пусто. Если не считать моего азиата, замершего наготове в десяти шагах от колодца. На стенах тоже никого, но враги об этом, к счастью, не знают. Активно курочат ворота.

– Хёвдинг! – из дверей выглянул Скиди. – Давай заходи. Мы победили!

Ну это он явно торопится с выводами.

– Ты ранен? – это Тьёдар.

– Жить буду, – отмахнулся я. – Что было?

– Выскочили непонятно откуда! – азартно доложил Скиди. – Как из-под земли. И сразу сюда. Тови Тюленя убили. Но он крикнуть успел...

– Что Свартхёвди? – У меня похолодело внутри. Я помнил, что Тови

караулил моего беспомощного брата.

– Живой, – успокоил Скиди. – Спит. Эти не добили, подумали, что мертвый.

– Кто еще из наших погиб?

– Вот они, – Скиди показал на тела молодых варягов. – И раненых пятеро. Хавур тоже. Если б не Палица, нам бы туда пришлось. Врасплох застали. Но против Хавгрима они не выстояли. Нам, считай, никого не оставил.

Ну да. Для берсерка бой в помещении – любимое развлечение. Лучше только резня в гуще перепуганной толпы.

– И что он?

– Цел. Но сам всё, – ответил Скиди.

Берсерк в команде – это круто. Но только до тех пор, пока у него не кончится завод. То, что Хавгрима хватило на целых два раза, – редкое везение.

– Слушай, хёвдинг, а может, нам гридницу поджечь?

– Зачем?

– Там же воины здешние. Эти, как войдут, их выпустят.

– Нет! – отрезал я. Хотя...

Заложники бы нам не помешали. Притащить сюда пленниц...

Нет, не пойдет. Я воин, а не террорист какой-нибудь.

Наружные ворота угрожающе затрещали.

Бури покинул свой пост и присоединился к нам.

– В дом, – распорядился я. – Двери запереть, заколотить и завалить, чем можно.

– Вихорёк! – крикнул я, оказавшись внутри.

Ответа не было, но забеспокоиться я не успел.

– На крыше он, – сообщил Скиди. – С ним – еще пятеро. С луками.

– Бури, расставь стрелков, – скомандовал я. – Скиди, сколько нас осталось?

– С тобой – семеро.

– Это без варягов?

– Ну да. У Харры еще с десяток. Тех, кто может драться.

Что ж, мне и моей команде не впервой сражаться при раскладе: один к десяти.

Штурмующие наконец-то вырубили петли, одна из створок повалилась, и по ней внутрь хлынула разъяренная гридь. Бойцов встретило пустое подворье и жиденький дождик стрел из окон терема. Жиденький, но

смертоносный. Так что пришлось Водимировым дружинникам вновь изобразить черепаху.

И, что особенно приятно, ответный огонь был очень сдержаный.

– У них туты пустые, – сообщил глазастый Вихорёк. – А у нас – хорошо!

Еще бы. В тереме оказался оружейный склад. Нашим стрелкам на месяц хватит.

Щелчок тетивы. Вихорёк выстрелил. Удачно. Неосторожному бойцу в ступню попал. Не зря я отдал парню лук, подаренный мне боярином Бобром. Достойно владеет. Жаль, раненый крут оказался: не заорал, щит удержал, аккуратно втянулся внутрь строя, так что развить успех не удалось.

Теперь я мог прикинуть численность противника. Порядка восьми десятков. Тех, кого я вижу. Наверняка не все. Кто-то должен был остаться снаружи, с лошадьми...

Меня хлопнули по плечу. Тьёдар.

– Держи, хёвдинг, завтрак!

Местный сэндвич: кусок копченого мяса между двумя лепешками.

Вот это правильно. Когда начнется штурм, пожрать уже не удастся.

Пожрать и выпить. Рядом с Певцом – Вильд. С кувшином медовухи. Ну, это пока без надобности. Фляжка у меня полная.

Снаружи кто-то заорал командным голосом. Наши защелкали тетивами. Атака?

Нет. Пара энтузиастов попыталась проскочить к гриднице, внутри которой вопили и визжали пленные.

Так, а это серьезно. От ворот ползла «черепаха». Это покрепче обычных щитов. Целый ходячий сарай.

Сарай остановился в двадцати метрах от крыльца.

– Эй, там, в моем тереме! Кто главный, выйди, поговорим!

Водимиров голосок.

Что ж, можно и поговорить...

– Можно, – крикнул я в ответ. – Говори!

Высовываться не стал. Водимир тоже.

– Кто ты?

– А тебе какая разница? Говори, что надо, да побыстрее, а то мне некогда!

Если бы спросил, чем я так занят, ответил бы, что считаю его богатства.

Водимир не спросил.

– Я знаю, что вас мало! – крикнул он. – Уходите, и, даю слово, – никого не тронем! Не то всех убьем!

– Встречное предложение! – отозвался я. – Уходите, и мы тоже никого не тронем! Можете даже забрать своих из гридницы. Там и твоя семья есть, князь! Забирайте и убирайтесь! Стрелять не будем!

Я ничем не рисковал. Сейчас у князя пусть и небольшое, но войско. А с женщинами, детьми и стариками будет уже не войско, а орда. Медлительная и уязвимая.

Водимир расхохотался.

– Экий ты дерзкий! – крикнул он. – Значит, не уйдешь?

– А ты бы ушел? – поинтересовался я.

Вместо ответа в оконный проем влетела стрела и расщепилась о противоположную стену галереи. Переговоры закончены.

Да мы бы по-любому не ушли. С ранеными, с двумя выключившимися берсерками. Мой крохотный хирд в чистом поле дружины Водимира пройдет и не заметит.

Но мы – не в чистом поле, так что еще повоюем. Зря меня тогда Водимир отпустил. Дорого ему встал этот гуманизм. Вот и для меня очередной урок: не щади врагов – и они не создадут тебе проблем.

– Хёвдинг!

Стюрмир. Счастливый, как дитя с мороженкой.

– Хёвдинг! Мы казну отыскали! Бога-атая! Пойдем, сам глянешь!

Что казна у нас – это круто. Но нет у меня уверенности, что она не вернется к прежнему владельцу.

– Князь! – крикнул я, держась вне оконной щели. – Давай решим наш спор как воины. Ты и я! Если я побеждаю, твои уходят, если ты – мои!

– Кто ты такой, чтобы я с тобой дрался? – рявкнул Водимир. – Да и зачем? Ты уже мертвец!

Какие знакомые слова.

– Мне это уже говорили! Поединок, князь? Или будем болтать, пока не придет Рюрик?

– Он не придет! – крикнул Водимир. Слишком быстро и слишком яростно, чтобы я не засомневался в его словах. – Хочешь драться, так выходи!

– Выйду! Только пусть твои отойдут подальше! Я буду драться с тобой, а не со всеми сразу!

– Не надо, хёвдинг! – забеспокоился Стюрмир. – Тебя убьют!

– Водимир? Сомневаюсь.

– Какой Водимир? Только высунешься – эти стрелами закидают!

Пустой у вас разговор!

– А ты куда-то спешишь? – усмехнулся я. – В Валхаллу? Эй, князь! Сначала ты выйди! Покажись! Мои стрелять не станут, слово воина!

– Ха! Чего стоит слово безымянного? Меньше засохшего плевка!

Оскорбляет. Ну-ну.

– Боишься, князь? Это правильно. Ты стар и ленив. Куда тебе драться!

На подворье раздался хохот. Гридь веселилась. Плохой признак. Надо полагать, Водимир не в такой уж плохой форме. Хотя чего я ожидал? В лидеры здесь выводит не только ум, но и простая физическая сила. Помноженная на воинское мастерство. Хотя какая разница? Я ведь не собираюсь с ним драться. Просто тяну время.

К сожалению, Водимир диспут прекратил. «Сарай» двинулся к крыльцу. Если внутри таран, даже самый простенький, бревно на веревках, двери они вышибут на раз. Хотя крыльцо – это удачно.

С моей позиции крыльцо не просматривалось, и я двинул на крышу, вернее, на чердак.

Козырное место оказалось занято. Тут было вообще многолюдно.

Бури с луком у маленького бокового окошка.

У окошка, что прямо над крыльцом, Стюрми, Гуннар и Тьёдар. С «мебелью» наготове. Вернее, с ее частями поувесистей.

«Сарай» достиг крыльца. Передний край его приподнялся... И Бури тут же всадил стрелу в чье-то колено. «Сарай» это не остановило. Первая ступенька, вторая... Крыльцо не очень крутое, но градусов тридцать есть... Еще один неосторожный выступил конечность... И поплатился.

Бури поспешил присел. Противник начал ответный огонь. Сильные лучники у Водимира. Некоторые стрелы насквозь протыкали дранку. А ведь стрелять снизу вверх – неудобно. По себе знаю. Наши ответили из окон. И небезуспешно.

А «сарай» тем временем дополз почти до двери.

– Взялись! – скомандовал Тьёдар. Втроем они подхватили кусок отполированного, изукрашенного резьбой бревна и пропихнули его в окошко.

Внизу предупреждающе заорали, но тут – без вариантов. Весил подарочек с центнером, и промахнуться было невозможно.

Треск, грохот... «Сарай» выдержал, однако. Но внутри было не все ладно. Кого-то придавило, надо полагать. «Сарай» уцелел, но ломать двери бойцы передумали. Правильное решение, потому что мои хускарлы уже пропихивали в чердачное оконце еще один гостинец, потяжелее.

Он так и остался торчать из окна, потому что противник ретировался,

оставив на крыльце свежие пятна крови.

– Ты глянь, что делают! – крикнул Стюрмир.

Несколько дружинников Водимира, прикрываясь щитами, запирали ворота.

– Это еще зачем? – удивился Гуннар, но я уже сообразил: Хрёrek близко!

И семи пядей во лбу иметь не надо, чтобы сообразить: на два фронта Водимир воевать не сможет. Значит, ему придется брать терем, не считаясь с потерями. Любой ценой. И при таком раскладе мы точно не выстоим. Хотя есть одна идея...

– Стюрмир! – крикнул я. – Покажи, где княжья казна? Живей!

– Хёвдинг! Ты в уме ли? Как нам ее унести?!

Но я уже сбежал вниз, и Стюрмир, ворча и ругаясь, полез за мной. Может, он и решил, что я спятил, но повиновался.

Подклеть, в которой Водимир оборудовал свою сокровищницу, не обманула моих надежд. Могучие бревна без единой щели. Узкая дверь, которую без труда удержит пара бойцов. Перед ней – площадка размером с детскую песочницу, на которую ведет узкая лесенка из верхнего коридора. И такая же узкая лесенка из пяти ступенек – вниз, в оружейную. Здесь ведь не только и не столько сокровищница, сколько оружейный склад. Самое то.

– Стюрмир, сносите сюда Медвежонка, Палицу и раненых!

– Зачем? Их и здесь найдут.

– Делай, что сказано! – рявкнул я. – Да побыстрей!

Стюрмир обиделся. Но спорить больше не стал. Потому что – началось.

Водимирова гридь перла, как бешеная. Как толпа берсерков. Не считаясь с потерями, не жалея стрел. Тараном к дверям, по лестницам – на крышу. Вражеские лучники били в окна, не жалея последних стрел, не давая нашим высунуться. Прорвались, оставив на земле с десяток тел, в мертвую зону, и отсюда карабкались наверх. Без лестниц, по живым пирамидам. Минут пять – и Водимировы дружинники с крыши прорвались на чердак. Остановить их было невозможно: слишком большой численный перевес.

– Вниз! – орал я, надсаживая глотку. – Вниз все! В подклеть, где оружие! Бегом!

Победные вопли раздались и на первом этаже. Враги вышибли входную дверь.

Но наших там уже не было. Я слышал крики и топот. Дружины

Водимира обшаривала терем в поисках врагов. Можно было не сомневаться: найдут нас очень скоро. Ну, как говорится, штопор в зубы и свисток в анус.

Нашли. И немедленно колотить в дверь. А дверь, надо отметить, была сработана на совесть: дуб, усиленный железными стяжками. Такой материал для крепостных врат используют. И здесь тоже. Сокровищница и оружейка в одной секции. На других складских помещениях защита поскромнее.

– Здесь они! – заорал кто-то радостно. Надо же! Сообразительный малый. Если замок сбит, а дверь не открывается, надо полагать, ее заперли изнутри. И кто же это мог сделать?

– Эй вы! Открывайте, не то хуже будет.

Мои заржали. Снаружи услышали. Заругались, что нас еще больше развеселило.

– Что здесь? – произнес начальственный голос.

Водимир. Я сделал знак: тише!

Ему начали объяснять... Не дослушал.

– Дверь взломать, всех убить! Да побыстрее! Нам стрелы нужны! – И затопал вверх по лестнице.

Я поглядел на свою команду. Неяркий свет единственной масляной лампы (воздух надо экономить) озарял суровые лица хускарлов и азартные – молодежи. Мой маленький хирд был готов к драке. Жаль, что он действительно маленький. Стюрмир, Тьёдар, Гуннар, Скиди, Бури, Вихорёк, Харра и еще шестеро молодых варягов, способных держать оружие. Среди последних – Вильд. Будет толк из пацана. Если выживет. А он выживет. Мы все выживем, потому что сидеть тут нам недолго. Хрёrek близко, а стрелы вороги хрен получат. Пусть бэушные по двору собирают или камнями отбиваются.

Мои хирдманы – бодрячком. Викинги. Только Вихорёк немного грустный. Небось Домаслава-Траусти оплакивает. Это был его кадр. Личный.

Мои – в порядке, а вот варяжата – не очень. Личики пасмурные. Не хочется им в Ирий. Надо подбодрить молодежь.

– До полудня, самое большее, – сказал я.

– Ты о чем, вождь? – спросил Харра.

– Наши подошли, – сообщил я тем, кто сам не догадался. – Без стрел да с воротами, которые они сами же попортили, Водимировы долго не выстоят. Да и мы еще тут. До полудня, самое большее. А потом будем казну Водимирову делить.

Подбодрил. Снаружи принялись ломать дверь.

– Давно пора, – заявил я. – Душновато здесь. Надо проветрить.

Никто не засмеялся. Может, оттого, что в подклети и впрямь было душновато. Ничего. Задохнуться не успеем.

– Гуннар, Стюрмир, – вы первые, – я кивнул на дверь. – Потом мы с Певцом. Остальные – в готовности.

Позиция у нас на первый взгляд кажется неудобной. От дверей вниз – полуметровой высоты лесенка, так что у противника преимущество в высоте. Но неудобна она только на первый взгляд. Сверху-то у воина что? Шлем, панцирь. А снизу? Ноги, на которые здесь вешать защиту не принято. Снижает подвижность потому что. Есть, правда, щит, но ведь он – не ростовой. В строю первый ряд и присесть может, если под обстрелом. Но то – в строю. И хоть в строю, хоть без, а большая часть ранений – в конечности. По себе знаю. Нога вон как противно ноет.

Не дожидаясь моей команды, Бури занял позицию для стрельбы. Вихорёк тоже приготовился. За узкой низкой дверью в подклеть – площадка, на которой особо не построишься, а вторая лестница, наверх, хоть и пошире, зато длиннее и круче. Стрелкам вражьим на ней не разместиться. А вот нашим – исключительно удобно.

Одна из досок треснула.

– Лампу задуйте, – велел я.

Сейчас начнется.

Однако началось совсем не так, как я ожидал.

Первым в проделанную дыру полетело копье, ударившее Вихорька прямо в грудь.

Затем полетел факел, а за факелом – сразу две стрелы, одна из которых воткнулась в локте от спящего Медвежонка, а вторая ушла в молоко, потому что Бури мгновением раньше подстрелил лучника. И еще кого-то подстрелил, потому что воняло было два.

Факел погас. Кто-то из моих позаботился. С той стороны двери тоже стало темно.

Я дернулся было посмотреть, что с Вихорьком, но вспомнил, что я – хёвдинг, и удержался.

Снаружи кто-то стонал, кто-то ругался. Рубить двери желающих пока не находилось.

– Гляньте, что с Виги, – попросил я по-скандинавски.

– Жив, – через минуту ответил Тьёдар. Уточнил с презрением: – Такому метателю дермо свиное выгребать – с семи шагов кольчугу не

пробил.

Снаружи завозились. Бури выстрелил на звук. Попал во что-то металлическое.

За дверью наступила тишина. Подозрительная...

А потом – бешеный рев, удар, от которого дверь окончательно развалилась, и в проем ломанулась сразу целая толпа.

Первому повезло. Он споткнулся, и предназначеннное ему копье угодило в соратника. В того же попала и стрела Бури. И еще одно копье. Следующий боец прикрылся своим убитым как щитом, потом толкнул труп влево, а сам спрыгнул с лесенки вбок, где наткнулся на Гуннара. Однако гридень оказался достаточно ловок, чтобы выжить. Они с норегом сцепились и повалились на землю.

Пробитый копьем друдинник рухнул на Стюмира. Тот отпихнул покойника и принял бой сразу с двумя водимировцами, ухитрившимися прятнуться в дверь разом и принять стрелу Бури на щит.

Хозяин щита прыгнул сверху на Тьёдара, который бросился на помощь Стюмиру, но Вдоводел прыгнул быстрее, и полет гриденя продолжал уже без ступни. Что, впрочем, не помешало ему обрушиться на Певца и вцепиться в него, как обезьяний детеныш в мамку.

А в подклеть тем временем спрыгнули еще двое, которых взял уже я.

Бой в тесноте и темноте – это нечто. Где-то снаружи, правда, горел факел, но лучше бы не горел. Мне было бы удобнее в полной темноте, чем в этом мельтешении теней.

Из раны на ноге потекла кровь. Не вовремя, однако. Сюда бы Медвежонка... Хотя нет. В этакой темноте и толчее берсерк – это смерть что своим, что чужим.

Я рубил и уклонялся, моля бога, чтоб под удар не угодил кто-то из своих, я бился и ждал – вот сейчас придет Волк...

Но Волка не было. Штанина пропиталась кровью, лицо, доспехи, руки – тоже в крови. К счастью – чужой.

Но позицию мы удерживали, потому что я всё еще был в двух шагах от лестницы, врагов позади не было, зато мои были рядом: я слышал, как ругается Гуннар, как радостно вскрикивает Скиди... Есть у него такая привычка: отмечать бодрым воплем каждый удачный удар.

Легкие с усилием втягивали душный тяжелый воздух, в котором кислорода – чуть. Едва-едва хватило, чтобы прореветь по-скандинавски:

– Сюда! Ко мне!

И на меня тут же навалился какой-то друдинник слоновьей комплекции. Я пугнул его уколом поверх щита, хлестнул саблей понизу, но

сабля врубилась в край щита. Дружинник рванул щит с такой силой, что я еле устоял на ногах...

– Здесь! – Слева возник Харра Стрекоза, и амбал завалился назад.

Я рывком освободил саблю...

– Ульф! – Справа встал Стюрмир, рядом со Стюрмиром – еще кто-то из наших...

А впереди – никого. Только тела под ногами.

И – топот снаружи.

Бегут, что ли?

Минутное сомнение: заманивают?

Но соображаю: натиск ослаб полминуты назад. Недодавили. Хотя – могли. Значит...

– Вперед! – выдыхаю я и первым прыгаю на лесенку.

На площадке едва не теряю равновесие, наступив на шевелящееся тело, но кто-то позади толкает в спину, и я прыгаю на верхнюю ступеньку и через секунду с жадностью втягиваю свежий, пахнущий озоном воздух.

Выглядываю в окошко-бойницу...

Блин! Снаружи хлещет дождина! Да такой, что за струями не видно ни хрена!

На подворье куча народу. Намного больше, чем было людей у Водимира.

Очень шумно, но это не шум боя. Я уже неплохо разбираюсь в том, как и что звучит. Это не бой, это добивание.

Наши!

И точно. Прямо передо мной возникает Трувор. С ним – трое незнакомых длинноусых бойцов-варягов. Со всех льет так, будто только что из моря вытащили.

– Волк! – рычит он. – Где Водимир?!

В Караганде. Откуда я знаю?

– Нет его здесь! – Это со второго этажа орут. – Сбежал!

– Внизу? – Трувор Жнец кивает на дыру, из которой как раз вылезает Харра Стрекоза.

– Если он там, то уже не сбежит! – ухмыляется Харра, а следом за ним лезет... Ха, Вильд! Молодец, пацанчик! Выжил!

– Что там? – интересуется Трувор.

– Сокровищница, – докладывает Харра.

Трувор Жнец ухмыляется:

– Ну ясно! Если Волк лезет в подземелье, значит, там чья-то казна!

Я тоже ухмыляюсь: мы с Трувором славно повоевали во Франции.

Есть, что вспомнить.

А вот и Хрёrek. В доспехах, забрызганных чужой кровью. Совсем как встарь.

– Водимир?

– Нет его здесь!

– Так что вы стоите, язви вас все великаны Муспельхейма! – рычит конунг. – Искать!

Разворачивается и ныряет в дождь.

Трувор с варягами – за ним.

Т्यёдар и Стюрмир порываются – тоже, но я хватаю их за руки.

– Стоять!

Оглядываюсь... Так, Скиди здесь. И Бури. И Гуннар. Последний выглядит неважно. Из-под шлема течет кровь.

– Гуннар, Т्यёдар! Вы остаетесь здесь! Позаботьтесь о берсерках и о наших раненых. И о том, чтобы казну Водимирову не растащили! Стюрмир, Бури – за мной!

Кажется, я знаю, куда подевался Водимир.

Уже на улице я сообразил, что Бури – плохой выбор. Под таким ливнем только из лука стрелять.

Но не возвращаться же.

Тем более что ко мне могут возникнуть вопросы, а я не собираюсь посвящать в свою догадку Хрёрека. Узнай князь-конунг о колодце, и дальше действовать будут уже другие. Даже повода не надо искать, чтобы меня отстранить. Раненой ноги хватит. Нога, надо отметить, слушалась прилично. Да и с чего бы ей не слушаться? На фоне моих предыдущих ранений это – сущий пустяк.

Глава 36

Настичь и уничтожить!

Первым в колодец спустился Стюрмир. По веревке. А вот мы с Бури слезали уже с комфортом. Беглецы оставили внизу лестницу.

Ход был сухой. Уровень воды в колодце поднялся, но до карниза, от которого и начинался подземный коридор, вода не доставала.

Работники Водимира потрудились изрядно. Стюрмиру, да, приходилось наклоняться, а мы с Бури даже в шлемах могли идти по ходу, не сгибаясь. Факелов не зажигали. У нас их просто не было. Если бы создатели подземного коридора решили устроить ловушку, мы бы в нее попались наверняка.

Но они не позабочились. Препятствия были исключительно естественные: скользкая глина, корни, камни. Идти приходилось неторопливо и осторожно, «ощупывая» пространство древками копий. Пару раз ход уводил в сторону или совершал петлю, огибая скалу или еще какую-нибудь естественную преграду.

Изначально мы шли в сторону реки, но после нескольких поворотов я уже не мог четко ориентироваться. Впрочем, я не ожидал, что ход будет длинным. Даже начал надеяться, что он закончится в пределах города.

Зря надеялся. Люди Водимира поработали очень серьезно. Мы протопали полкилометра, не меньше, когда впереди наконец забрезжил свет.

Мы прибавили шаг и уже через полминуты увидели Волхов.

Вздувшаяся от дождя река текла четырьмя метрами ниже. Тайный ход заканчивался у береговой кручи. Удачное место, однако. Выход прикрывала пара серьезных деревьев и заросли кустарника, сейчас поломанного и вытоптанного.

Говорят, дождь смывает следы, но в нашем случае вышло наоборот: на разбухшей земле следы остались просто замечательные. Такие, что даже я сумел «прочитать» очень важную информацию: сбежали не только мужчины. Часть ямок была заметно меньше других. Женщины и дети?

Логично. Я бы на месте Водимира тоже семью не бросил.

Стюрмир подтвердил мою догадку.

– Десятка полтора, – сказал он. – Воинов – четверо.

Отличная новость: нас-то – аж трое.

– Бегом! – скомандовал я.

Однако уже через пару минут мне пришлось перейти на шаг. Нога снова начала кровить.

Ладно, женщин и шагом догоним.

Что приятно, с неба уже не хлестало, как из ведра. Обычный дождик. Бури повеселел. Его лук и стрелы, завернутые в кожу и вощеную ткань, остались сухими. Закончится ливень, и он снова превратится в супервоина.

Стюрмир ошибся не в лучшую сторону: воинов оказалось не четверо, а девять. С ними три женщины и четверо детей. Двоих несли на руках.

Взобравшись на очередной пригородок, я увидел беглецов. Они были достаточно близко, чтобы пересчитать всех. Между нами – меньше полукилометра. Правда, по пересеченной местности. Двигались беглецы достаточно быстро, не оглядываясь. Надо полагать, уверены, что погони нет. Ну да. О загадке Водимира колодца мы с Бури узнали совершенно случайно.

Я прикинул направление и решил, что Водимир нацелен на Старый город. Не так уж глупо, на мой взгляд.

Вряд ли проигравший князь может рассчитывать на поддержку жителей в своем противостоянии с Ладогой. Здесь не ставят на тех, от кого отвернулась удача. Однако раздобыть лошадей или корабль он наверняка сумеет. А это сразу добавит маленькому отряду подвижности.

Но они не успеют. Мы догоним их через час, максимум.

Мы догнали их через полчаса. Мы их догнали, но удача от нас отвернулась. Я ошибся. Водимир вел своих не в город.

Лес впереди раздался. Перед нами лежала примерно пара гектаров обработанной пашни, огородики и невысокий частокол, за которым чернела крыша дома.

Но это, блин, еще не все.

Мы как раз успели увидеть, как беглецы подходят к воротам.

И как ворота раскрываются, и оттуда выезжает пара всадников, причем далеко не мирного вида: с копьями и в железе.

При виде князя оба воина тут же спешились и поклонились.

Я аж зубами заскрипел от такой подставы судьбы.

А беглецы тем временем миновали ворота, и те закрылись.

– Что теперь? – поинтересовался Стюрмир.

– Подождем, – на меня внезапно навалилась усталость.

С деревьев текло, ноги промокли, подкольчужник и все прочее – тоже.

Если бы со мной был мой хирд, я бы рискнул и напал. В ближнем бою викингам нет равных. Но я понимал, что сейчас моя главная ударная сила – это Бури с его луком. А для стрелка нужна дистанция. Ну хоть дождь вроде заканчивается.

– Ждем. Они отсиживаться не будут. Соберутся и дальше побегут. Тогда мы их возьмем. Может, к тому времени и лить перестанет, – и посмотрел на Бури.

– Я и сейчас могу стрелять, – сказал азиат. – Недалеко, но могу. У меня хорошая тетива, а дождь не сильный.

– Тогда подберемся поближе, – решил я.

Над черной крышей за частоколом поднимался дымок. Там было сухо и наверняка была еда.

При мысли о еде в животе заурчало. Да, впору позавидовать беглецам.

Нет, не впору. Если ты еще вчера был победоносным князем, а теперь – изгой без пристанища, завидовать тут нечему. Хотя со мной бывало и похуже. И я снова поднялся. Так что и Водимир может. Получит второй шанс... Не-а. Не получит. Нас трое, но мы стоим десятерых. Справимся. Кинуть под ноги Хрёреку голову Водимира и поглядеть на физиономии Гостомысловых бояр, ополчившихся на меня во время совета. Райское наслаждение!

Еще лучше было бы притащить Водимира живьем, но на такое я губу не раскатывал. Слишком уж их много.

Ждать пришлось около часа. Потом ворота снова открылись и выпустили шестерых всадников. Бури потянул из налуча оружие и вопросительно посмотрел на меня.

Ну да, Водимира в этом отряде не было. Двое мужчин, остальные – женщины и дети.

– Пусть уходят, – решил я. – Ждем князя.

Мы ждали еще с полчаса. Что приятно: дождь прекратился совсем, только с деревьев капало.

Есть! Водимир собственной персоной. Верхом.

И с ним – восемь бойцов, тоже конных. К сожалению, в готовности к неприятностям, то есть – в броне.

Что характерно, двинулись не вслед за первой группой по дороге, а прямо в чащу. Хотя нет, там вроде тропинка...

Да. С засадой я промахнулся. Но не все потеряно.

– Бури, останови Водимира! – скомандовал я.

Азиат не сплоховал. И рисковать он не стал: ударил в незащищенное доспехом бедро.

Конь князя взвился на дыбы – стрела пробила ногу насеквоздь. Князь в седле не удержался, но не свалился мешком, а скользнул, встав на ноги.

И тут же наземь полетел один из гридней.

Третий выстрел Бури ушел в никуда. Дружины мгновенно сориентировались. Миг – и все восемь спешились и встали щит к щиту, прикрыв раненого князя.

Что ж, мой выход.

– Стюрмир, за мной! – крикнул я и выскоцил из зарослей.

Трава после дождя была скользкой, земля размокла, но я не боялся упасть. Я даже опередил Стюрмира, несмотря на раненую ногу.

Потому что рядом со мной длинными упругими прыжками стелился Белый Волк.

Казалось, тучи раздвинулись, и солнце озарило мир. Я засмеялся от восторга, небрежно поймал летящее в грудь копье и вернул обратно.

И снова засмеялся, увидев, как вынесло из строя гридня, который принял копье на щит. Никогда у меня так не получалось, а сейчас – вот!

Я слышал, как топочет позади, отставая, Стюрмир, но не собирался его ждать. Зачем? Миг счастья так короток!

Все еще смеясь, я проскользнул между двумя копьями, оттолкнулся ногой от щита, перепрыгнул через строй человечков в мокром железе, развернулся еще в воздухе, выхватывая из ножен саблю и меч, ударил накрест, выбив из двух врагов красные брызги...

А потом мне стало тесно. Непонятно, как им это удалось, но я вдруг оказался не на свободе, а в узкой щели между щитами. Сабля увязла в одном из них, и мне пришлось ее выпустить. Я прыгнул вверх, но толчок в спину испортил прыжок и швырнул меня на чужой клинок. Клинок я успел сбить Вдоводелом и даже вырвался из тисков, но меня снова толкнули в спину, раненая нога подогнулась. Я упал, заскользил по траве, полоснул по чьим-то ногам, кувырком встал на ноги, на уклоне хлестнул восходящим под край шлема тянувшегося ко мне врага, другого, замахнувшегося мечом, уколол в подмышку и, уже выдергивая Вдоводел, внезапно ощутил, как наваливается, давит свинцовым одеялом тяжесть обычного мира. Волшебство кончилось, мой Волк ушел.

Мир снова стал серым. В этом тусклом мире рубился с кем-то Стюрмир, пятился от меня князь Водимир, лежали на мокрой траве мертвцы, и раненный в ногу гридень накладывал на бедро жгут, кося на меня расширявшимся от страха и боли зрачком...

Я видел, что у Водимира из ляжки торчит черный хвостовик стрелы, а острия нет, обломано. Чуть в стороне сбившиеся в табунок кони и рядом с ними – Бури. С наложенной на тетиву стрелой. Я знал, что он может убить и Водимира, и гридня, которого теснит Стюрмир, но ждет моей команды. А еще я увидел, как мой хирдман дважды проигнорировал возможность достать противника, и понял, что Стюрмир хочет взять его живым.

Водимир напряжен. Он видел, как я убиваю, и теперь ждет моего удара. Смертельного.

Но я не спешу. И задаю вопрос, который не дает мне покоя.

– Почему ты меня отпустил, князь? – спрашиваю я. – Отпустил, а затем послал за нами убийц.

– Не посыпал, – цедит Водимир. – Турбой – сам.

– Зачем?

Кривая улыбка:

– Он – в своем праве. Ты убил его брата.

– Допустим. – Я соображаю, что тяну время. Мне не хочется его убивать. Мы – по разные стороны фронта, он – мой противник. Но не враг. – Ты не ответил на мой вопрос. Почему ты меня отпустил?

Водимир еще сильнее кривит губы. Ему больно, он готов умереть. И он не боится.

– Отпустил, потому что вспомнил. Это тебя года три тому привели ко мне с оружием моего гридня Главы.

– Ты вспомнил, – цежу я. – А я и не забывал.

Стюрмир наконец подловил противника, сбил с ног и придавил сапогом руку, заставив выпустить меч…

– Если бы тогда сказал, что ты – из нурманов…

– Ты бы не стал отнимать у меня мое?

– Ты сказал, что купил оружие. Но забыл добавить, что заплатил за него железную цену. Так вы говорите, да? Сказал бы, что ты убил Клыча, и всё бы осталось у тебя по праву добычи. Возможно, я предложил бы место за своим столом…

О как!

Пара слов – и я никогда не стал бы викингом.

И не увидел Гудрун. И не побратался бы с Медвежонком. И мой Белый Волк не пришел бы ко мне…

В общем, это хорошо, что я тогда не сказал, что убил Клыча.

И мне стоило бы поблагодарить Водимира за то, как он со мной обошелся. Всё, что нас не убивает…

Да, он мне нравится. И обиды между нами больше нет. Было... недоразумение, с которым разобрались. И что теперь?

— Ладно, — буркнул князь и выпрямился настолько, насколько позволяла раненая нога. — Поговорили, и будет. Заканчивай, что начал.

Он видел, на что я способен. И он не знал, что мой Волк ушел.

Есть ли у него шанс со мной управиться? Он ранен, я — тоже. Нога, кстати, разболелась не по-детски.

Но я не хочу с ним драться не поэтому.

Хреновый из меня викинг. Вон Стюрмира головой дергает: мол, можно я его прикончу?

Врагов здесь в живых не оставляют. А кто оставит — пожалеет. Убей меня тогда Водимир, избежал бы многих неприятностей. Возможно, и князем остался бы...

Хреновый из меня викинг.

Но здесь — не Скандинавия. Здесь — Русь. Россия. Пусть даже никто из нынешних жителей этой земли об этом ведать не ведает, здесь всё равно земля моих предков. И закон тут должен быть другим. Долг платежом красен. Водимир дал мне шанс — и я ему возвращаю.

— Уходи!

— Что? — Князь не понял.

— Убирайся, пока я не передумал! Вон, коня возьми! — Я показал мечом на лошадку, чья уздечка запуталась в ветвях. Такую и раненому оседлать несложно.

Не верит. Или не понимает? Ну да. Перебить всю пристяжь и оставить в живых вожака...

Сам бы он такого точно не одобрил.

— Забирай своих и убирайся. Стюрмира, отпусти этого! И ты, — я показал мечом на раненного в бедро, — ты тоже проваливай!

— Опять... — проворчал мой хирдман, но ногу с запястью убрал, позволив дружиннику встать. Хм, а у гридня-то всё плечо в крови, аж с пальцев на землю капает.

Стюрмира ворчит. Он знает, что у его хёвдинга с головкой проблемы. Добрый не по времени. Но еще у меня репутация человека, который способен предвидеть будущее...

— Убирайся, я сказал! — гаркнул я, и Водимир осознал, что это не издевка.

Неловко, припадая на раненную ногу, он дохромал до коняшки, распутал повод, привычно забросил тело в седло, охнул от боли, но

удержался, выпрямился. Подождал, пока парочка раненых разберется по седлам, а потом попрощался со мной по-своему:

– Велика твоя удача, Ульф Свити. Но, выходит, не больше моей.

Засмеялся хрипло, дернул узду и уехал.

Зачем я его отпустил?

– Зачем ты его отпустил? – ворчал Стюрмир, сдирая доспехи с убитых. – Конунг бы за него серебра по весу отмерил.

– Тебе мало серебра, что со мной добыл? – огрызнулся я.

Бури подвел мне одного из трофейных коней, подставил ладони ступенькой…

Несколько мужчин, стоявших в воротах, проводили нас хмурыми взглядами, но напасть не рискнули. Один взгляд на убитых друдинников – и сразу отпадает охота с намиссориться.

* * *

– Ушел, – сообщил я Рюрику три часа спустя. – Оставил заслон, который мы побили, а сам ушел. Мы не догнали.

Стюрмира и Бури я предупредил: о том, что случилось на самом деле, – ни слова.

Датчанин еще немного поворчал, а Бури просто кивнул. Чем дальше, тем больше нравится мне мой новый боец. Прям что-то родственное в нем ощущаю.

– Сбежал, и ладно! – махнул рукой Хрёrek. – Без дружины Водимир – никто.

Будущее покажет: вот тут он ошибся, датский конунг и ладожский князь.

А сегодня мы победили. Это главное.

* * *

Да, насчет построенного Водимиром города уже ошибся я. Стать Великим Новгородом ему было не суждено. Жителей его Рюрик переселил в Ладогу, а сам город скончался.

Но это – уже другая история.

notes

Примечания

1

Гунгнир – копье главного бога скандинавского пантеона Одина.

2

Фрейр – бог плодородия. Как и положено богу этого профиля, отличался размерами соответствующего органа.

3

Эйрир – одна восьмая часть марки, которая в описываемое время составляла где-то 220–230 гр. То есть эйрир – это около тридцати граммов. Плавленый отличался от бледного качеством серебра. И стоил раза в два больше.

4

Мутная – это река Волхов.

5

Кристалл исландского шпата. За счет особой оптической структуры позволяет определить местонахождение солнца даже в пасмурном небе.

6

Нагльфар – корабль из ногтей мертвцевов. До Рагнарека данное плавсредство хранится в царстве мертвых.

7

Рядный холоп значит холоп по договору, в котором определены его обязанности по отношению к хозяину и наоборот. Этим он и отличается от холопа обельного, то есть полного, который просто раб.

8

В данном случае: помост, на котором располагаются защитники крепости, укрывшиеся за верхней частью крепостной стены.

9

Имеется в виду святилище верховного скандинавского бога Одина, которому приносили в жертву людей, вешая их на специально выделенном для этой цели дереве.

10

Поприще в данном случае, это не то, в чем подвизаются, то бишь жизненное ристалище, а мера длины. Дабы не путать читателя разночтениями, я выбираю вариант, аналогичный персидскому фарсангу (фарсаху), то есть дистанция, которую без перерыва проходит среднестатистический караван. В зависимости от качества дороги или отсутствия оной дистанция эта может меняться, но, опять-таки для удобства читателя, выбираю тот вариант, где эта дистанция «привязана» к расстоянию, которое может пройти пеший человек быстрым шагом. То есть по ровной дороге это в среднем шесть-семь километров. На пересеченной местности или в горах соответственно меньше.

11

Для тех, кто не читал моего «Варяга», градация в среднестатистической княжеской дружине такова: сам князь, его близники (как вариант – бояре), то бишь старшая гридь. Просто гридни – матерые воины с большим боевым опытом, командиры небольших подразделений дружиныхников (при необходимости) и больших, если речь идет об ополчении. Отроки – тоже обученные воины, как правило, с десятилетним (в среднем) стажем боевой подготовки и с практическим боевым опытом. Детские – дети и подростки от пяти (если речь идет о детях боевой элиты) до двенадцати-тринадцати лет. Старшие, как правило, тоже с боевым опытом. Конечно, эта градация – из более позднего времени, чем описываемое в данной книге, но другой у меня нет.